

Вета Маркова
От любви до ненависти
и обратно

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вета Маркова
От любви до
ненависти и обратно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68726931

SelfPub; 2022

Аннотация

Устав от измен и вранья мужа, Валерия решает съездить с детьми в Питер, отдохнуть и немного развеяться. Но случайная встреча с Андреем переворачивает её жизнь с ног на голову. Сможет ли она быть счастлива с другим, сможет ли начать всё с чистого листа? Сможет ли Андрей защитить свою любимую?

Содержание

Глава 1. Лера	5
Глава 2. Андрей	21
Глава 3. Лера	26
Глава 4. Андрей	32
Глава 5. Лера	44
Глава 6. Андрей	50
Глава 7. Лера	54
Глава 8. Андрей	65
Глава 9. Лера	68
Глава 10. Дмитрий	72
Глава 11. Лера	77
Глава 11. Андрей	81
Глава 12. Лера	94
Глава 13. Андрей	107
Глава 14. Лера	110
Глава 15.	117
Глава 16. Лера	122
Глава 17. Андрей	126
Глава 18. Лера	130
Глава 19. Андрей	134
Глава 20. Лера	138
Глава 21. Кафе	145
Глава 22. Лера	161

Глава 23. Андрей	167
Глава 24. Андрей	174
Глава 26. Андрей	190
Глава 27. Лера	196
Глава 28. Шесть месяцев спустя	203
Эпилог	216

Вета Маркова

От любви до ненависти и обратно

Глава 1. Лера

Снова муж пришёл только под утро. Хорошо хоть сразу спать завалился и не ко мне на кровать, а на диване в гостиной. Как я устала всё это терпеть. Устала от его работы, измен, любовниц и лжи.

Вечером снова будет просить прощение. А мне уже далеко пофиг. Я устала всё это выслушивать, прощать, верить и каждый раз ошибаться. Что произошло такого, что от прежних нежных чувств не осталось и следа. А может их и не было? Этих чувств? Может с самого начала любила только я?

Лежу, смотрю в потолок и не могу уснуть. Мой мозг возвращается в те далекие времена, когда я впервые увидела Димку. Я тогда училась на первом курсе, жила в общежитии, чтобы не тратить на дорогу по четыре часа каждый день. Весной в общагу поселили группу ребят – заочников на время сессии. Среди них был Димка. Он привлекал к себе внимание окружающих. Девчонки просто слюнки пускали. Высокий, красивый, весёлый. Постоянно шутил. Как он выде-

лил меня среди всех девчонок? Зачем? Всё завертелось – закружилось... Ухаживал он красиво... Через два года сыграли свадьбу.

Я даже не заметила, как уснула, вспоминая милые подробности нашей семейной жизни.

Сон резко прерывается от возни в прихожей и приглушённого Димкиного мата, разговаривая с кем-то по телефону. Ещё раннее утро. Он явно старается не разбудить нас. На удивление Димка спешно уходит на работу. Ко мне в спальню так и не заходит. Есть повод обидеться ещё больше...

У меня уже нет тех чувств к мужу. Слишком много разочарования и боли принёс мне за эти семь лет. Но почему-то бросить всё и уйти от него не могу... Что-то держит. Может просто моя дурость?..

Сегодня решаю забрать своих мальчишек и рвануть с ними в Питер. Давно хотела показать им этот город, но хотела поехать летом, когда тепло, когда светит солнышко, показать блеск фонтанов, покататься на катере по рекам и каналам. Но сейчас начало сентября, хотя и началось бабье лето и тоже солнечно, но уже прохладно и могут быть дожди. Погода Питера непредсказуема.

Решаю в поездку пригласить Олесю и быстро набираю её номер.

– Привет. С мальчишками в Питер собралась на выходные. Компанию не составишь? – предлагаю я.

Олеся думает секунду-другую и скороговоркой отвечает:

– Нет, в этот раз я не с вами. Но если Риту с собою возьмёшь, буду очень благодарна.

Наши малыши привыкли отдыхать вместе. Зная, что Олесёк сейчас тоже не просто, отказаться не могу. Мы с ней в одной лодке. Мы замужем за родными братьями. И эти родные братья одинаковы, как две капли воды. Антон так же безбоязненно гуляет направо и налево, но в отличие от Димки, он ещё и руку на Олесёку поднимает. Она каждый раз его прощает, а вот я простить не смогла бы.

У нас с Олесёй только одна разница: она не даёт Антону спуску и ни в чём себе не отказывает, ну а я, дура, терплю выходки своего Димки и тихо реву в подушку одинокими ночами.

– Хорошо. Я возьму Риту. С тебя Свидетельство о рождении и доверенности на ребёнка.

Одна так одна, решаю я и собираюсь заказать билеты на вечерний поезд.

– Да-да. Всё хорошо, сообщи мне во сколько отправка поезда, я привезу Риту прямо на вокзал, – тараторит Олесёк, явно куда-то спеша.

Я неспешно заказываю билеты. И иду будить своих мальчишек. Так начинается мое очередное утро.

После завтрака, идём с мальчишками гулять на площадку. Они носятся с детворой, а я пытаюсь позвонить Димке, но муж не берёт трубку. Может действительно занят, а может...

На автоответчик сообщаю, что уезжаю с мальчиками в Питер может на один день, может на несколько.

Я люблю этот город и считаю его родным, хотя родилась за Полярным кругом. А вот школу и институт закончила в Питере, хотя институт пришлось заканчивать заочно. Я рано выскочила замуж, о чём сейчас очень жалею. Мне только двадцать шесть, а старшему сыну шесть лет. На следующий год в школу пойдёт.

Я никогда не уезжала с детьми так далеко одна. Обычно путешествуем вместе с мужем. За день не успеваю заказать гостиницу, хотя адреса нескольких выписываю в записную книжку, как и номера их телефонов, решаю, что заказать номер можно и в поезде.

За весь день Дима даже не позвонил и смс-кой не ответил. Решил повоспитывать... Ну, что ж. Мне уже плевать...

На такси доезжаем до вокзала, выходим на перрон. Андрейка держит Мирона за руку и вышагивает на полшага впереди меня, как настоящий мужичок. Мои мальчишки очень любознательные и послушные, они могут быть неугомонными и их бывает сложно успокоить. Но когда я строго на них смотрю или прошу быть послушными, они выполняют мою просьбу безукоризненно. Хотя и ненадолго, но всё же...

Вот и сейчас, выйдя из такси, прошу мальчиков внимательно меня послушать. Надеваю им на плечи их яркие рюкза-

зачки, чтобы видеть издали их спины, прошу их взяться за руку. Мирона прошу слушаться Андрейку, он старший. Целую мальчишек в носики и показываю, направление движения. Потеряться мои малыши не могут. У них на ручках одежды браслетики, еще по одному зашито во внутреннем кармане курточек. Сигнал от браслетиков поступает на мой телефон и телефон мужа. Дима о безопасности детей позаботился.

Мой муж, если кого и любит, кроме себя, так это старшего сына. Всеми остальными он просто пользуется. Жаль, по молодости и глупости я сразу этого не заметила, а когда поняла, то уже было поздно. Сейчас ничего изменить не могу. Растут два сына. Одной с ними будет сложно, да и не отдаст Дима мне мальчишек, если на развод подам. Поэтому и терплю...

Выходим на перрон. Олеська и Рита уже ждут нас.

– Чего так долго? Мы ждать устали, – возмущается Олеся.

Смотрю на часы, до отправления еще полчаса. Самое то, мы как всегда вовремя.

– Как Антон? Он спокойно отпустил Риту со мной? Я думала, он имя моё уже проклял, – интересуюсь я.

С Антоном мы недавно поссорились. Я на правах жены старшего брата решила его повоспитывать. И высказала всё, что о нём думаю. Потом сообразила, что зря. Это их с Олесей жизнь, их отношения. Мне там нет места. Но... Что сделано, то сделано. Что сказано, того уже не вернёшь. Слово не воробей, как говорится.

На прошлось неделе Олеся позвонила мне и попросила срочно подъехать, что я и сделала. То, что я увидела... сложно передать словами. На ней живого места не было, один большой синяк. Олеся попыталась соврать, что упала, а потом призналась, что её просто выпороли за то, что рот открыла. Как открывать рот умеет Олеся, я знаю. Мне её тоже иногда выпороть хочется и рот скотчем заклеить... Но даже в воспитательных целях нужно знать меру. Не так же?!...

– Мы с ним ещё не разговариваем. Доверенности нотариальные. Выписаны на год. Зачем нам Антон? Правильно. Ему об этом знать не следует, – отвечает Олеся.

– Если он тебя когда-нибудь приберёт, виновата будешь сама, дорогуша. Это его ребёнок и он, как отец, должен знать, где его дочь.

Заходим в купе, устраиваемся. Дети начинают милую возню со своими игрушками. Олеся передаёт мне пакет с одеждой Риты.

– Там запасные трусики, пижамка и футболка. Я много не набирала. Ты же одна, – оправдывается Олеся.

Хоть здесь она мозг включила. А то обычно в поездку целый гардероб набирает.

Прошу детей посмотреть на меня и поясню:

– Как только мы поедem, к нам придёт тетя-проводник и проверит наши билеты и документы. После этого мы будем играть, кушать и делать всё, что вы захотите, но только после ухода тети-проводника. Сейчас сидим тихо и играем в

игрушки только на одном диванчике.

Малыши дружно мне кивают, а Олеся смеётся:

– Как ты с ними легко договариваешься. Я так не могу.

– Себя нужно опускать на их уровень. Тогда можно их следующий шаг предугадать и предупредить его, если он неправильный, – поясняю я.

Ещё до отправления поезда Олеся прощается и сбегает по делам, а я задумываюсь. Не хочу её ни в чём обвинять, но сама бы я так не смогла. Иногда мне кажется, что я до сих пор, несмотря ни на что, люблю мужа.

Поезд трогается, и малыши хлопают в ладошки и кричат: «Поехали!». Прикладываю палец к губам, и мои мальчишки замолкают, поняв, что я прошу тишины, а за ними успокаивается и Ритуля.

Проводница не заставляет себя долго ждать. Минут через десять после отправления дверь купе открывается и заходит проводница. Дети с нею хором здороваются, она улыбается им и интересуется, куда они едут. Но мальчишки молчат, зная, что разговаривать с чужими нельзя. Рита хочет что-то сказать, но на неё шикает на правах старшего Андрейка, и девочка замолкает.

После ухода проводницы, накрываю стол и кормлю ребят. Они уже успели проголодаться и сметают почти всё, что я приготовила. Смотрю на часы, время подходит ко сну. Сейчас на горшок и спать. И вот тогда я смогу отдохнуть. «Горшок» получается сложно, нужно всем и сразу. Больше такой

глупости не допущу. Одной с тремя детьми реально сложно. Чем я думала! Дура!..

Начинаю дергаться ещё и из-за Димки. Муж до сих пор не вышел на связь. Ему что, всё равно? где мы? что с нами?

Прочитав детям сказку и уложив их спать (хорошо хоть уснули быстро), я от усталости откидываюсь на стенку купе. Я устала... Пытаюсь успокоиться и уснуть.

Впереди встреча с любимым городом. И это даёт мне силы. Как я была счастлива в этом городе. Мне иногда кажется, что именно в Питере я смогу начать всё с самого начала и найти здесь своё счастье тоже смогу. Но это всё мои несбыточные мечты... Какое счастье? Какая любовь? С двумя детьми-то!.. Вот оно, моё счастье и любовь, спит и сопит рядышком... Они самое важное в моей жизни. Мои мальчики!.. А остальное всё – чушь собачья!.. А к изменам мужа я уже почти привыкла. Противно только, когда он домой пьяный приходит и от него чужими духами разит, а он ко мне с ласками лезет...

Набираю телефон гостиницы. Бронирую на две ночи. Всё обговариваю. Предупреждаю, что я с детьми, узнаю, если ли возможность приготовить завтрак... Администратор всё рассказывает и бронирует номер. Даже предоплату не берёт, поясняя, что если заселение менее чем за сутки, то предоплату не берут. Удивляюсь, но меня это устраивает. Уточняю, как можно добраться до гостиницы, и понимаю, что это центр города и всё самое интересное будет недалеко. Это

очень удобно для чокнутой мамыши с тремя детьми!..

Утром просыпаюсь рано. Удивительно, но я даже выпалась. Иду в туалет, умываюсь, а то потом даже этого сделать не смогу. До остановки поезда дети успевают съесть по йогурту. Теперь до заселения в гостиницу потерпят.

Выходя из вагона, заказываю такси. И пока мы тащимся до стоянки такси, машина уже ожидает нас. Называю адрес гостиницы. Таксист смотрит на меня удивленно:

– Вы уверены, что Вам точно эта гостиница нужна? – почему-то спрашивает он.

– Что-то не так? Вы можете предложить другую? – пытаюсь говорить спокойно, но получается плохо, нотка дерзости проскальзывает. Рита просит пить, а на просьбу потерпеть поджимает губки. Я отвлекаюсь на ребёнка, оставив таксиста в покое.

Таксист ухмыляется, но везёт нас по указанному адресу, не проронив ни слова. Добираемся быстро. Такси останавливается возле обычного подъезда. Над входом горит надпись «Отель». Выгружаемся из машины, и я расплачиваюсь с таксистом.

Заходим с малышами в подъезд. Нас встречает милая девушка-администратор. Я говорю, что вчера бронировала номер для себя и детей. Девушка просит наши документы. Пытается ласково заговорить с ребятами. Но вдруг глаза у неё округляются, она переспрашивает являются ли дети моими. Я ничего не понимаю, подтверждаю, и она отказывает в за-

селении, поясняя, что с детьми нельзя.

– В смысле «нельзя»? Вчера было можно, а сегодня нельзя? Я же вчера по телефону уточняла, говорила, что я одна с тремя детьми. Вы же сказали, что всё прекрасно, с тремя, так с тремя, – возмущаюсь я, ни хрена не понимая.

– Ну, я думала Вы с детьми, а Вы с детьми, – мямлит она и растерянно смотрит на меня, а я таращусь на неё.

Я забираю наши документы, а сама напряжённо думаю – куда теперь? Куда я могу пойти ещё с этими маленькими крохами шести, пяти и четырёх лет? Только такая дура, как я, могла поехать одна с такими детьми! Как я на эту поездку рискнула? Чем думала, забирая всех троих в Питер? Зачем ещё Ритку с собой взяла? Явно не головой думала. Димка правильно говорит, что мозгов у меня не больше, чем у курицы. Ну да ладно, теперь уж делать нечего. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Придётся всё делать экспромтом.

Малыши жмутся ко мне, словно поняли, что что-то не так пошло. Направляемся к выходу, но двери у нас перед носом распахиваются. И, чуть не сбив моих малышей, внутрь вваливаются габаритные мужчины в камуфляже и бронеках, заполняя собой всё пространство. Мне становится не по себе, но сейчас мне не до себя, у меня дети испугались и жмутся к моим ногам, хотя они у меня детвора бойкая и к дядям в форме привычная. Но...

Краем глаза замечаю, как один из мужчин, самый высокий из всех присутствующих, показывает девушке корочку,

и та бледнеет. Я подталкиваю детей к выходу, понимаю, нужно незаметно свалить. Незаметно не получается. За спиной слышу грозное «Стоять!» и я замираю, хотя от этого голоса такая истома по телу разливается. Мысленно одёргиваю себя: «Дура, у тебя муж и дети. Зачем тебе чужой мужик».

– Ваши документы можно посмотреть, дамочка? – он бесшумно оказывается за моей спиной.

Вздрогнув, медленно поворачиваюсь и делаю шаг назад, чтобы, запрокинув голову, увидеть его лицо. Он возвышается надо мною как скала, я ему даже до плеча не достаю, и протягивает руку к документам. Молча повинуюсь мужчине. Отдаю документы. Сразу все: паспорт, свидетельства о рождении детей. Смотрю на него не отрываясь. «Сука, как он шикарен», – назойливо скребётся у меня в мозгу, хотя мужчину ещё толком-то и рассмотреть не успеваю. Ростом выше чем 190 см, это точно. Он намного выше моего мужа, сложенный просто идеально, темно-русые волосы коротко подстрижены, как у всех военных, с лёгкой проседью. Ну вот зачем мне это всё... Я Димку своего люблю. Стараюсь не смотреть на мужчину, но глаза так и норовят вверх подняться, с его взглядом встретиться. Поэтому продолжаю рассматривать исподлобья, украдкой. Отмечаю дорогие часы на запястье его левой руки. Хотя на нём пиджак и джинсы, но одет стильно и дорого, явно не на рынке одежду покупал. Он единственный, кто в штатском, но полы пиджака расходятся и мои глаза выхватывают бронежилет, но не такой как у

Димки. Этот тонкий, как вторая кожа его мощную грудную клетку обтягивает.

– Странно, почему у девчонки отчество другое? – он с недоумением смотрит на меня, просто пожирает своими серыми, как ртуть, глазами, а мне от его взгляда становится холодно и жарко одновременно.

– Это племянница, – поясняю я. – Там доверенности.

– Не заметил, – бурчит он и отводит взгляд на документы. – Какой кретин Вас одну с детьми отпустил в другой город? Или Вы не одна?

– Одна, – подтверждаю я чуть слышно и поясняю. – Мы приехали полюбоваться Питером на пару дней. Давно хотела показать этот город детям.

И только сейчас до меня доходит: Я Одна С Тремя Малолетними Детьми и без ночлега.

– Вам не место здесь. Поехали, отвезу в приличную гостиницу, – твердо говорит он, открывает дверь и обращается к детям. – Поехали, детвора.

На стоянке подходим к огромному, как и его хозяин, внедорожнику. Он усаживает ребят на заднее сидение, сам заботливо пристегивает их ремнями безопасности и любезно распахивает переднюю дверь для меня:

– Прошу. Что замерла? Помочь? Или оставить с детьми здесь?

Я сажусь в машину. Головой понимаю, человек мне помочь пытается, почему же внутри чёрте что творится...

Мужчина обходит машину и садится за руль. Мой взгляд падает на его руки, и я замираю. Я не могу оторвать глаз от его рук. Сильные, мощные мужские ладони спокойно лежат на руле, но сколько в них власти и, почему-то мне кажется, нежности. Уверена, они умеют ласкать. Хотя, какого чёрта ласкать, таким кулаком убить можно. Мне точно одного удара хватит. Мысли чёрные какие-то в голову лезут, но снова эти чёртовы бабочки порхают и тугие узлы внизу живота завязываются. Да что со мной, чёрт возьми, происходит!..

Из оцепенения меня выводит вопрос старшенького:

– Мамочка, а куда мы едем? – спрашивает Андрей.

Я не успеваю ответить сыну, это за меня делает мужчина.

– В другую гостиницу. Там уютно и красиво.

Теряюсь в районах города. Давно я здесь не была. Ориентировочно понимаю, центр города не покидали. Подъезжаем к красивому зданию. Мужчина тормозит практически у дверей и обращается к детям.

– Посидите одни пять минут. Мы с мамой сейчас с гостиницей договоримся, – он переводит взгляд на меня и более сурово произносит. – Пошли.

Я неспешно вылезаю из машины и улыбаюсь детворе:

– Я сейчас быстро. Ничего не бойтесь.

Мои маленькие крохи сидят тихо. Вот только Рита, немного егозит, скорее всего захотела в туалет, но молчит.

Подходим к входу, мужчина распахивает дверь и услужливо пропускает меня вперёд. По внутреннему убранству по-

нимаю, гостиница не простая, каких-то силовых структур. На входе военизированная охрана, а не простой ЧОП. В этом я разбираюсь, муж работает в структурах, и эта гостиница похожа на те, где мы обычно останавливаемся.

Подходим к стойке администратора. Я стою молча, разговаривает только он. Но девушка, услышав про детей, сразу говорит:

– Нет, Андрей Викторович. Сейчас не могу. Сам понимаешь, полная гостиница мужиков. Вечером не совсем трезвых. А здесь одинокая женщина и дети...

Мой мозг нагло орёт «Я не одинокая. У меня муж есть», но я молчу. И тут же отмечаю, его зовут Андрей, как сына моего старшего.

Он поворачивается ко мне.

– С гостиницей не получилось. Осталось только одно. Ко мне.

Я замираю и отрицательно качаю головой. Он берёт меня под локоть и выводит наружу.

– Я сказал ко мне, значит ко мне, – твёрдо говорит он.

Мужчина ещё что-то хотел сказать, но его отвлекают.

– Привет, майор, – проходящий мимо мужчина дружески хлопает Андрея по плечу, и он останавливается, отпустив меня. Они о чём-то оживлённо беседуют. А я подхожу к машине и открываю заднюю дверцу. Ребята оживляются, увидев меня, и наперебой начинают трещать, стараясь одновременно всё мне рассказать.

Я пытаюсь разговаривать с детьми, а у самой по спине волнами мурашки бегают. И этому виной прожигающий взгляд на спине, между лопаток, который я чувствую.

– Майор, с каких это пор ты с чужими детьми возишься?

– С утра. Приехали по адресу, а там случайно или нет машина с детьми. Приехала детям город показать, но с гостиницей ошиблась.

– Уверен?

– Да. Не похожа она на ... Да и дети маленькие совсем, – Андрей это говорит уверенно и твёрдо.

– С Янкой не помирились?

– И не собираюсь. На развод подал. Всё, Николаевич, я свободен, хотя к чёрту такая свобода... Ладно я поехал...

– Куда ты их теперь? – интересуется собеседник и тут же добавляет. – А она ничего.

Андрей ему что-то отвечает, и они весело смеются, а у меня по спине снова толпы мурашек бегают и дыхание сбивается. Спиной их взгляды чувствую. Да что же это такое происходит со мной?..

За спиной тут же раздаётся его голос, а меня вновь окатывает волной. Мозг отмечает походку кошачью, несовместимую с его габаритами.

– Садись в машину. Дети уже устали ждать, – и мужчина снова распахивает мою дверцу.

Я ныряю в салон, лишь бы он молчал. Меня уже начинает потряхивать от нахождения этого мужчины рядом...

Он лихо выруливает со стоянки и направляет машину куда-то в район Васильевского острова. Точно, вот он Большой проспект, машина поворачивает раз, два, три, направо, налево, направо, едет дворами и останавливается во внутреннем дворике.

Андрей поворачивается к детям:

– Приехали, молодёжь. Сидите, сейчас всех выпущу, – и смотрит на меня.

– Может всё же в гостиницу? – неуверенно предлагаю я.

– Гостиницы сейчас под завязку забиты. Ты чем думала, когда во время чемпионата в Питер поехала?

Я тяжело сглатываю и очень хочется признаться, что не думала я сюда ехать. Просто от мужа сбежала, передышку взяла для восстановления нервной системы. Но ему это объяснять не собираюсь.

Вылезаю из машины, а он уже мальчишек на землю поставил и Риту вытаскивает. Девчонка верещит, чем-то возмущена. Мужчина её успокаивает и обещает покатать ещё, но на другой машине, ставит Ритку на землю и присаживается перед ней. Это так мило со стороны смотрится!.. С трудом отвожу взгляд, а он вытаскивает из багажника весь наш небольшой скарб и командует:

– Пошли.

Глава 2. Андрей

Чёртова рабочая неделя, нескончаемая какая-то. Уже домой на выходные собирался, когда звонок от прослушки поступил. Приехала какая-то мамаша с детьми. Мы за этим адресом давно наблюдали. В эту гостиницу часто приезжали мамы с девочками- подростками, а потом эти девочки всплывали в федеральном розыске и больше их никто не видел.

Рванули по адресу. Но по факту ошиблись. Детки были маленькими, да и мама подозрения не вызывала, немного нервничала, но переживала лишь о том, что детей нужно покормить завтраком, уложить спать днём. Как не пытался уловить что-то другое, не мог. Кроме заботы о детях, сквозила ненависть и горечь к мужчине, мужу, наверное.

Посмотрел на неё, такую маленькую, беззащитную, хрупкую, с тремя малышами. Одну в большом городе и жалко стало. Решил помочь, только вот с гостиницей не получилось. В свою, служебную, не смог, а в частную не захотел. Сам не знаю почему. Просто решил отвезти к себе домой, вернее в квартиру родителей. Их не стало меньше года назад. Ушли один за другим. Сначала отец, а через семь месяцев мама. С женой развожусь. Детей никогда не было. Янка всегда была против рождения ребёнка. Я несколько раз возвращался к этому вопросу, а она ни в какую. Куча отговорок в ответ.

Теперь точно один. Не могу привыкнуть к одиночеству. Поэтому решаю на выходные её с детьми к себе забрать. Слово «пригласить» не подходит. Нагло забрал, это точнее.

Чувствую её возмущение, страх, растерянность, но через всё это идёт явная волна возбуждения.

Вот с этим я с ней солидарен. Сам хочу её, аж я..а сводит. Давно так бабу не хотел.

Поднимаемся в квартиру. Валерия ведёт мальчишек за руки, а вот белокурую красавицу я несу на руках. Милая кучеряшка обнимает меня за шею своими маленькими ручонками, улыбается. А меня такая волна нежности охватывает. Я люблю детей. Всегда любил. Мечтал, когда женился, что их будет несколько. Но Янка всегда была против. В ней не было материнского ни капельки. Приезжая к друзья, я возился с их детьми. Играл. Дурачился. А она смотрела равнодушно и всегда говорила только одно: «Ты ведёшь себя как debil. Ты же взрослый серьёзный человек. Или в детстве в игрушки не наигрался?». И мне всегда было больно и обидно.

Перед дверью ставлю свою маленькую принцессу на ножки, а она тихо шепчет на ушко:

– А я писать хочу, – и смотрит на меня своими голубыми глазками.

– Сейчас, малышка, потерпи немного. Только дверь открою и всё тебе будет, – быстро открываю дверь и включаю в прихожей свет. – Проходим, устраиваемся, – и поворачиваясь к Валерии добавляю. – Туалет прямо по курсу. Ванная

рядом. Дети в туалет хотят. Проводи.

А сам, сбросив обувь, иду в комнату, когда-то бывшую мою детскую, порядка проверять. Захожу, всё идеально чисто. Вот только здесь одна кровать, полуторка. Мальчишек можно на неё положить. Осталось пристроить Валерию и белокурую кудряшку.

В соседней комнате, что всегда была отцовским кабинетом, стоит диван. Но он не разбирается. Решаю, что девочке здесь будет удобно. А Валерия? «С ней решишь позднее?» – нагло подсказывает внутренний голос. Хотя прекрасно понимаю свой организм, я хочу её видеть в своей спальне...

Выхожу из комнаты и сталкиваюсь с кучеряшкой.

– Ты куда пропал? Я тебя потеряла, – говорит девчоночка, немного шепелявя, мило склонив головку набок.

Приседаю перед ней на корточки.

– Порядок в комнатах проверял, – отвечаю.

И тут же слышу голос Валерии:

– Рита, к дяде не приставай.

Иду на голос. Женщина вытирает после мытья руки мальчишкам полотенчиком, с собою привезённым. Молча наблюдаю за ней. И как только она поднимает глаза, командую:

– Пошлите все со мной, – и направляюсь в гостиную, решив, что эту комнату можно отдать на растерзание детворе. Мама это бы позволила и была бы этому рада, девчужка тут же берёт меня за руку и вышагивает рядом.

– Рассаживайтесь, кому куда удобно.

Мне было интересно наблюдать за этой компанией. Мальчишки были похожи друг на дружку, но практически не похожи на свою маму. Все дети были голубоглазыми, но мальчишки были темноволосые.

Пацаны подходят к дивану, старший помогает младшему забраться на диван, потом забирается сам. Валерия присаживается на диван аккуратно, на самый краешек, заметно волнуется.

Сажусь по-хозяйски в кресло и сажаю к себе на колени кучеряшку. Девчонка довольна. А вот Валерия хмурится, глядя на Риту.

– Давайте знакомиться. Меня зовут дядя Андрей, – представляюсь я и обвожу взглядом детвору. – А как зовут вас?

И я устремляю свой взгляд на мальчишек. Но мальчишки молчат.

– Вас же спросили, что молчите? Отвечайте, только по очереди, – спокойно говорит Валерия и смотрит на сыновей нежно улыбаясь.

И эта её невесомая улыбка меня волной обдаёт. Очень хочется, чтобы эта улыбка меня коснулась.

– Андрей, – произносит старший и локтем осторожно младшего толкает.

– Мирон, – представляется младший.

– Прекрасно. Андрей и Мирон, значит. А как зовут тебя, малышка?

Я легонько щекочу кучеряшку. Она егозит у меня на ко-

лениях и отвечает:

– Магалитка.

– Маргаритка? – улыбаюсь я. – Ритка, Ритка, Маргаритка.

И смотрю на веселушку, которой явно уже надоело сидеть у меня коленях, убираю руку, и девчушка легко спрыгивает и перебирается на диван к братьям. Я перевожу свой взгляд на Валерию. Но женщина молчит и знакомиться не собирается. Ладно. Подождём.

– Я пригласил вас в свою гостиницу на двое суток, – специально подчеркиваю на сколько и смотрю на женщину. – Квартира в Вашем полном распоряжении. Игрушек нет. Но есть телевизор. Сейчас мама Вас покормит и пойдём гулять.

– Куда? – почти хором спрашивают малыши.

– Потом решим, – отвечаю им и понимаю, что расплылся в улыбке. – Мультки включить? – интересуюсь я.

– Да!.. – отвечает детвора дружным хором.

Беру пульт и включаю канал с мультиками, сам его часто смотрю, когда расслабиться нужно. Идёт «Маугли». Притом самое начало.

– С детьми разобрались. Теперь с Вами, – обращаюсь к Валерии и встаю с кресла, а она вздрагивает. – Пошли на кухню. Будем готовить кушать. В доме ничего нет.

Валерия встает. Детям бросает: «Сидите тихо», – и выходит за мною следом.

Глава 3. Лера

Мужчина знакомится с детьми, а мне безумно хочется назвать своё имя. Он слегка прижимает «р», а я хочу своё имя, сказанное им, услышать.

Но разговор он быстро прерывает. Включает детям мультики, а меня на кухню зовёт. Иду следом, а сама его фигурой любуюсь. Он просто огромный. Выше меня сантиметром на тридцать, если не больше. Спина в плечах широкая, две мои, наверное, а вот... Опускаю взгляд вниз, на его пятую точку, туго обтянутую джинсами, и тяжело сглатываю. Лучше бы не смотрела... Тихо балдею от упругой узкой з...цы мужчины. Это моя слабость. За Димку я замуж выскочила тоже, наверное, из-за его з...цы упругой.

Мужчина резко останавливается, а я не успеваю и впечатываюсь в его спину, отшатываюсь назад и чуть не падаю. Упасть не дают его мускулистые руки, он придерживает меня за плечи.

– Извините, – выдавливаю из себя.

Он смеётся, но никак не комментирует эту ситуацию.

– Проходи. Два дня командуешь здесь. Молоко в холодильнике, манка здесь, – Андрей открывает шкафчик и демонстрирует мне ровный ряд подписанных баночек. – Я всеяден, если что. На завтрак с большим аппетитом поем ман-

ной каши или овсянки.

Моя кожа горит под его взглядом. Я боюсь посмотреть на него, глаза в пол опустила. Чувствую, как он улыбается, но не подходит ближе, не нарушает моё личное пространство.

Андрей подходит к двери и закрывает её. Я вздрагиваю всем телом. Зачем он закрыл дверь? Пячусь назад, но недалеко. Упираюсь попкой в столешницу и замираю.

Мужчина подходит ко мне почти вплотную. Рассматривает внимательно, потом опускает взгляд на мою грудь и тяжело выдыхает:

– Почти познакомились, – снова смотрит на моё лицо. – Каждый рассмотрел то, что больше понравилось, – он улыбается, явно издеваясь, а мне спрятаться хочется.

От его взгляда у меня такое с телом творится, успокоиться не могу. Еле выдавливаю из себя:

– Где кастрюльку взять, майор?

А он почти серьёзно отвечает:

– Во-первых, полковник, во-вторых, кастрюльки – вот здесь, – и открывает ящик снизу.

Я обалдело смотрю на него, а он, как ни в чём не бывало поясняет:

– Николаевичу всё можно. Он мой прямой начальник и лучший друг. Мы с ним познакомились, когда я майором был, лет десять тому назад. Так до сих пор майором и зовёт.

Андрей достаёт кастрюльку, ставит её на плиту, из холодильника извлекает бутылку молока, выливает в кастрюльку.

Он всё это делает так уверенно, как будто каждый день кашу варит, а я тупо смотрю на него и взгляд оторвать от его рук сильных не могу.

– Валерия, я предоставил вам кров, а взамен хочу получить вкусный стол. Это будет честно. Кашу вари, хватит на меня пялиться. Сваришь, позовёшь. Я пойду мультики с дедворой посмотрю, – он поворачивает меня к плите, показывает пальцем на кастрюлю с молоком, рядом на стол ставит манку, соль, сахар, даёт в руку ложку и уходит.

Я обалдеваю от своего имени, им произнесённого. Он произносит его хрипло, чуть картавя, и голос такой низкий. И это «р» в моём имени совсем другое, ни как у Мирона и Ритки, оно особенно произнесённое. И от этого звука с моим телом чёрте что происходит!

Как только он выходит из кухни, мне становится легче дышать и мозг начинает работать. Варю манную кашку, а внутри всё поёт. Мне почему-то безумно хочется, чтобы моя манная кашка ему понравилась. Этому здоровяку... моя манная кашка... Разве не абсурд?!...

Что со мною происходит? Почему моё тело так реагирует на этого мужчину? Неужели мамуля права? Она ведь перед моей свадьбой говорила, что я, дурочка, рано замуж выхожу, своего мужчину ещё встречу, а Дима не мой мужчина. Он не любит меня, не полюбит и ценить не будет. Он – эгоист, он всю жизнь будет пользоваться мною. Я ей тогда не поверила, но так и вышло. Димка требует полного подчинения и пови-

новения во всём. Я, как мотылёк, обожгла крылышки в пламени своей собственной любви и теперь медленно умираю, корчась от боли. Живу лишь мальчишками.

Здесь снова чувствую, как спину огнём обдаёт, и резко поворачиваюсь, чуть кастрюлю с кашей локтем не сбив.

– Пришёл узнать, как здесь завтрак поживает, а узнал много нового и интересного...

Смотрю на него удивлённо. Я ведь молчала. Ничего не говорила. Что он узнал? А Андрей продолжает:

– Допустим, узнал, что готовишь стоя на одной ноге, как аист или цапля, – он смеётся и смотрит мне прямо в глаза. Я свои опускаю, иначе захлебнусь ртутью, что в его глазах переливается.

– Завтрак готов. Где можно тарелочки взять? – спрашиваю я.

– Давай сразу всё покажу, чтобы ты больше никогда не спрашивала, – и начинает открывать ящички, шкафчики, полочки, всё показывая и рассказывая, а в моей голове только одно крутится: «Почему, чтобы никогда не спрашивала? Никогда?.. Что он хочет этим сказать? И зачем мне знать, где что лежит, я ведь не хозяйка здесь? Я гостья».

Андрей легонько встряхивает меня за плечи:

– Валерия, я знаю, что ты ничего не запомнила, но я всё показал. Вот тарелки для каши, – он ставит на стол тарелки. – Теперь сама хозяйничай, я разрешил. За каждый вопрос «где?» буду целовать. Хоть какой-то кайф получу, – и

выходит, смеясь, из кухни, зовёт малышей мыть руки.

А я стою посреди кухни обалдело и ничего не понимаю. Какие, к чертям его, поцелуи? Какой кайф? Кое-как собрав себя по частичкам и заставив соображать, накладываю в тарелки кашу и ставлю на стол. Нужны ложки. С языка чуть не срывается вопрос «где ложки?», но вовремя соображаю и включаю мозг хозяйки, быстро нахожу их в верхнем ящичке. Ух, справилась!

На кухню один за другим вбегает детвора. Рассаживаю всех и понимаю, что стульев не хватает. Нужен ещё один. В дверях появляется Андрей и пятый стул несёт.

– Теперь полный комплект, – произносит он. – Всегда мечтал о большой семье.

Ну зачем он так? Мы никогда его семьёй не будем. Но здесь Мирон прерывает наше молчание.

– Мамочка, а где варенье? Я хочу кашку с вареньем?

Я зависаю. Я не помню, говорил ли Андрей про варенье, когда с кухней знакомил. Что мне делать? Спросить? Или шикнуть на сына, чтобы так ел?

Поднимаю глаза на Андрея, готовая задать вопрос и натываюсь на его довольную физиономию, с умопомрачительной ямочкой на волевом подбородке, расплывшуюся в счастливой улыбке. Он встаёт со стула, идёт к шкафчику и открывает дверцу.

– Мирон, тебе какое, земляничное или черничное?

Мир выбирает первое. Андрей приносит баночку земля-

ничного варенья и чистую ложку.

– Держи, – протягивает он мне. – Дальше сама. И, ты мне задолжала, – говорит он, давясь смехом.

А мне хочется плакать! Если он меня поцелует, я ведь отведу... Удержаться не смогу!.. Хочу!.. Сама хочу к его губам припасть, хочу руки его сильные на себе почувствовать... Понимаю, что краснею...

А Андрей как ни в чём не бывало наклоняется ко мне и тихо шепчет:

– Хочешь и молчишь?

Я закрываю глаза. Он что, мысли читать умеет? Или это всё у меня на лице написано?

Дальше завтрак проходит спокойно. Убираю со стола, Андрей загружает грязную посуду в посудомойку.

– Пойдёмте в зоопарк, здесь недалеко, – предлагает он.

– Пошли. А на обратном пути в магазин зайдём. Мне для супа фрикадельки нужны, – поясняю я.

Андрей открывает морозилку и достаёт фрикадельки замороженные.

– Столько хватит? – спрашивает.

Я киваю в ответ, а он лишь улыбается и выходит из кухни. Я решаюсь заглянуть в холодильник и шкафчики ещё раз. Вдруг вспомню то, что мне надо, но у него нет.

Глава 4. Андрей

Идём в зоопарк все вместе. Я решаю на себя шкурку главы семейства примерить. Заодно и понять, каково это, когда дома дети. Смотрю на мальчишек. С такими точно никаких хлопот. Слушаются Валерию с полуслова. Не капризничают. Старший, хоть и сам клоп, присматривает за младшим.

Идём пешком, через парк. Они вышагивают впереди, взявшись за руки. Валерия идёт почти рядом со мной.

– Лера, – произношу я её имя, на вкус пробуя, а она вздрагивает.

Поворачивает ко мне своё милое личико и глазами спрашивает «что?». Вопрос вслух задать боится. Интересно, целоваться со мной не хочет или боится, что остановиться не сможет, дальше зайдёт? Протягиваю свою руку и беру её за руку. В первую секунду женщина пытается руку отдёргнуть, словно обожглась, но я не отпускаю, и она успокаивается.

– Лера, сколько ребятам лет? – спрашиваю.

– Андрюшке шесть. Мирону четыре, скоро пять исполнится. У них полтора года разница, – спокойно отвечает она.

А я понимаю, что моим столько же было бы, если считать от того момента, как с Янкой ругаться начал. Впервые на жёну надавил лет семь назад, по типу живём вместе почти десять лет, а детей нет. Пора уже, но она тогда кандидатскую

защищала, отвертелась. Потом года через два. У всех друзей по второму родилось, а у меня первого ещё нет. Сходил, проверился, вдруг во мне причина. Нет, у меня всё отлично. А Янка опять ни в какую – не хочу. Не люблю детей, говорит.

– А девчонке?

– Ритульке пять недавно исполнилось.

– У сыновей твои глаза. А у девчонки? – я задаю совершенно глупые вопросы, но мне важно, чтобы она говорила.

Во время разговора мозг занят обдумыванием информации, ему фантазировать некогда. В последние часы, что Лерка рядом, мозг столько уже всего напридумывал, что жить страшно становится.

– У неё тоже мамыны. Рита на отца практически не похожа. А вот мои вылитые папочка.

Пытаюсь понять её чувства к мужу, но только боюсь ошибиться. Если неправильно пойму, то могу ей сделать больно. И продолжаю задавать свои глупые вопросы.

– Вы с её мамой сестры?

– Нет, – отвечает она. – Нас угораздило выйти замуж за братьев.

В её голосе звучит отголосок боли и обречённости. Что прямо так? И мне её к себе прижать хочется и защитить от всего мира.

Целых два часа гуляем по зоопарку. Лерка рассказывает малышам про животных, отвечает на их многочисленные вопросы, а я тащусь от её присутствия рядом. Какое это сча-

стье быть рядом с такой женщиной. Как можно ей сделать больно? Есть же уроды...

– Андрей, нам нужно побыстрее до дома добраться. Я совсем забыла, у нас нет обеда. Они есть уже хотят, – на меня смотрят обалденно чистые голубые глаза, которые так хочется поцеловать, до неприличия хочется.

– Лера, может в детское кафе зайдём? Или обязательно обед дома? – уточняю я. – Детское кафе недалеко от дома. Там кормят вкусно. Я с крестником часто там бываю. Еда приличная.

– Тогда, пошли, – соглашается она.

Заходим в кафе. Пока ждём заказ, дети играют в динозавриков. А я Леркой люблюсь, нагло её рассматривая. Скольжу взглядом своим голодным по её телу, изучаю и понимаю, в ней мне всё нравится. Волосы её белокурые, в тугий пучок на затылке собранные, шейка тонкая, лебединая, хрупкие плечи, миниатюрные ручки с длинными пальчиками, украшенными колечками. Здесь взгляд на грудь опускается и припасть к ней хочется, тугую вершинку зубами прикусить, и дыхание перехватывает. Чёрт!.. Не может быть в человеке всё так идеально, прямо так, как я люблю!

А она сидит тихо, за детьми наблюдает и от моего взгляда краснеет.

Обедаем и идём домой. Я так устал, хочется завалиться в кровать. У Леры усталости не видно. Ребята веселы и бодры, но Мирон трёт глазки.

В квартире предлагаю мальчишкам занять спальню, а Риту положить в кабинете.

– Нет, – твёрдо говорит Лера, – мы все на кровати поместимся. Мне нужна только простыня и одно тёплое одеяло.

Приношу и наблюдаю за ней, как она уверенно всё делает, словно всегда так было. Пока дети переодевались в пижамки, Лера всё приготовить успела. Из одеяла сделала одну длинную подушку, свернув одеяло валиком и положив к стенке, достала из своей сумки три детских пледика, каждому свой.

– Давайте сейчас без сказки. Все очень устали.

Мальчишки молча кивают, Рита надувает губки, но молчит. Вот это воспитание. Она целует каждого в носик и выходит из комнаты, прикрыв за собой дверь. В руках Лера уже планшет держит.

– Андрей, можно к Вашему wi-fi присоединиться? Я симку дома забыла.

– Ты собираешься работать?

– Да. У меня есть часа полтора, пока дети спят, – отвечает она и смотрит на меня ничего не понимающими глазами, по типу: что не так?

– Кофе будешь? – спрашиваю я, не хочу, чтобы она в работу погружалась, с ней быть хочу, разговаривать.

– Буду, – соглашается Лера.

Иду на кухню, быстро завариваю кофе и прихожу с чашечками в зал.

Ставлю чашечку на журнальный столик перед ней.

– А можно ты не будешь сейчас работать? – нагло предлагаю я.

– Почему? – этот простой вопрос выбивает почву из-под ног.

Как я должен ей ответить? Что сказать? Правду. Какую?

– Лера, я хочу, чтобы ты рассказала мне что-нибудь о себе.

– Что? – Лерка смотрит на меня широко распахнув глаза от удивления.

То есть она готова рассказать, но не знает «что?». Или она это переспросила, не поняв моей просьбы?

– Что-нибудь? К примеру, кем ты работаешь или как давно ты замужем? – задаю я сразу два вопроса, пусть сама выбирает на какой отвечать будет. На второй всё равно ответит.

– Что-то мне подсказывает, что ответ на первый вопрос Вас не очень интересует, полковник. Вас же больше интересует моя семья. Вернее, отношения с мужем. Ведь я права? – уточняет она, а сама отпивает из чашечки кофе и смотрит на меня не отрываясь, с вызовом во взгляде.

Это сводит меня с ума. Я люблю умных женщин, а если у женщины ещё и интуиция развита, то это клад, а не женщина. Хотя с такими сложно очень, но можно попробовать.

– Нет, – нагло вру. – Так кем ты работаешь?

Лера улыбается, по взгляду понятно, она меня раскусила, просто начинает играть. Хорошо, девочка Лерочка, поиграем.

– Я работаю юристом в нескольких ооо-шках на удалёнке.

Готовлю договора, веду досудебку, помогаю в составлении писем. Удалёнщикам платят немного, но на работу ходить не могу. Мне на косметику хватает, – смеётся Лера и вдруг спрашивает. – А Вы где и кем работаете?

Понимаю, она перекрывает мне кислород. Ведь если я не отвечу на её вопрос, то и следующий задать прав иметь не буду. Приходится отвечать.

– Полковник ФСБ. Сама понимаешь, дальше государственная тайна, – смотрю внимательно, считывая её эмоции.

Девочка недовольна, но виду не показывает. Жду, что она скажет сама, а Лера не торопится, сидит себе и медленно пьёт кофе. Я не выдерживаю первым.

– В Питер почему одна приехала? Без мужа? – нагло уточняю я.

Она грустно улыбается:

– Сбежала. От мужа сбежала. Больше всего на свете ненавижу ложь. Если бы не уехала, то вечером пришлось бы его ложь слушать.

Чувствую горечь в этих словах и снова обнять хочется. Что же ты так страдаешь, девочка?

– Изменяет? – понимаю, что этим вопросом ей больно делаю, но я правду знать хочу. Хотя зачем мне эта правда ещё не знаю, но нужна.

– Да, – чуть слышно говорит она, встаёт и подходит к окну, украдкой смахивает слезинку.

Если она его любит, то я сдохну. Потому что тоже уже

люблю. И даже два пацана мне не помеха...

Подхожу и останавливаюсь в шаге за её спиной. Пялюсь на её узкие плечи, осиную талию и округлые бёдра. Еле сдерживаю желание на них руки свои положить.

– Ты его любишь? – задаю следующий вопрос.

Внутренне я готов к тому, что пошлёт меня сейчас Лера и права будет. Не имею права я на эти вопросы. Кто я такой, чтобы в душу к ней заглядывать, да ещё и копаться в ней.

– Нет. Раньше любила, сейчас уже нет, – еле слышно отвечает она, и столько боли и отчаяния в этих словах, что у меня внутри всё скручивать начинает от жалости. – Иногда кажется, что теперь я его ненавижу.

От слов этих на сердце у меня бальзам разливается. Чтобы не случилось, она моей будет. Но наглый мозг спрашивает:

– Тогда зачем живёшь с ним?

Я не хотел задавать этот вопрос. Это совсем не моё дело. Но как-то само получилось.

– Он не отпустит. Он собственник. Я после рождения Мирона уйти пыталась, но он домой вернул. Наказал... Не бьёт и то хорошо.

Последние слова звучат совсем обречённо, а я её мужа уже придушить хочу. Даже знать не хочу, как наказывал. А Лера вдруг просит:

– Больше ничего не спрашивайте, полковник, не отвечу, – и очередную слезинку смахивает.

Делаю шаг к ней и резко разворачиваю на сто восемьдесят,

её аж пошатнуло, но я держу за плечи и в глаза её смотрю, а там такое, такой коктейль из боли, страха и обречённости, что удавиться хочется.

Прижимаю её к себе, а она даже не сопротивляется, покорно стоит рядом, только замерла. А меня колбасить начинает не по-детски. Мне её поцеловать хочется, но боюсь, вдруг оттолкнёт. Лерка голову поднимает и на меня смотрит, я уже терпеть не могу, наклоняюсь и касаюсь её нежных слегка припухлых губ. Вначале несколькими короткими поцелуями, а потом, поняв, что не сопротивляется, сминая их и пробуя на вкус. Она отвечает на поцелуй, но не смело, словно боится чего-то.

– Не бойся, маленькая, я не обижу, – выдыхаю в губы. – Мне тебя защитить хочется, – и снова целую.

Поцелуй такой сладкий, в жизни так не целовал. Обычно я не сдержан и напорист, а с ней так не хочу. Лера аккуратно отталкивает меня:

– Не надо, Андрей, так больше делать не надо. Только больно друг другу сделаем. Муж развод всё равно не даст, а мне только хуже будет, да и мальчишкам тоже. Он за моё непослушание на них отыгрывается, особенно на Мироне. Дима не хотел второго ребёнка, на аборте настаивал. Я не смогла убить кроху, не послушалась мужа и родила, теперь он Мирона практически не замечает. Всячески мне показывая на мою ошибку и непослушание напоминая.

Лера говорит, а во мне узлы тугие завязываются, тело на

части рвёт от боли. Маленькая, моя маленькая, я обязан ей помочь. Хотя сам ещё не понимаю каким образом...

Слышу, как чьи-то босые ножки топают по коридору в нашем направлении и отпускаю Леру из объятий. Знаю, она не хочет, чтобы дети нас видели вместе.

Дверь приоткрывается и появляется Мирон.

– Мир, солнышко, ты выспался? – Лерка нежно целует сынишку и поднимает на руки.

– Да. И хочу писать, – отвечает мальчишка и обвивает свою хрупкую маму ручками и ножками, целует в щеку. – Ты плачешь, мамочка? – спрашивает малыш.

– Нет, мой маленький, ресничка в глаз попала, – оправдывается Лера.

Они уходят, а я стою и смотрю им вслед. Как она справляется со всем одна? Что за монстр у неё муж? Поворачиваюсь к окну и смотрю на небо. До обеда светило солнышко, а сейчас идёт дождик. Вот вам Питер... Находиться в квартире не могу. Мне нужно пройтись. Выхожу в прихожую, нахожу глазами Лерку, выходящую с Мироном из туалета, и бросаю:

– Я скоро вернусь. Не скучайте. Полдник в холодильнике сама найдёшь. Подумай, что на ужин и свари суп на обед.

Лерка улыбается:

– Хорошо, но я не Золушка, если что.

Улыбаюсь в ответ и выскакиваю на лестницу, чтобы ошибку не сделать и её при сыне не поцеловать. Набираю Николаевичу, сообщаю, что сейчас приеду.

Сидим с Николаевичем на кухне. Он молча всё выслушивает, а потом лишь резюмирует:

– Влип ты по полной, Андрей. Угораздило же тебя влюбиться в бабу, во-первых, замужнюю, во-вторых, с двумя детьми, хотя для тебя это не помеха, в-третьих, из нашего же ведомства, ещё и московского.

По имени он меня, пожалуй, впервые называет. Встаёт и достаёт из бара коньяк, другого Николаевич не пьёт.

– Будешь, – предлагает он мне.

Мне сегодня, как никогда хочется выпить, но отрицательно мотаю головой. Мне ещё домой возвращаться. Утром было желание в постель Лерку затащить, а сейчас даже боюсь об этом думать.

– Сам понимаю, что дурак. Но какой есть... – говорю я и смотрю на шефа.

Генерал выпивает, забрасывает в рот дольку лимона, на лице улыбка блаженства появляется.

– Ладно, дерзай, если любишь. Только ей не навреди своей любовью. Тебя прикроем. Узнай, кто у неё муж.

– Ильин Дмитрий, капитан, работает в отделе по контролю за оборотом наркотиков, то ли Москва, то ли область. Живут в Красногорске. Это пока всё...

Я встаю и направляюсь к выходу, на часах шесть. За это время Лера должна была успокоиться. И здесь я пугаюсь своей мысли: а вдруг она сбежала?

Николаевич идёт следом, провожает до дверей.

– Действуй, только аккуратно. Уточни, она то согласна быть твоей. Я же тебя, дурака, знаю. Дома запрёшь, рожать заставишь, – генерал улыбается.

– Она детей любит. Этим её не испугаешь. Она юрист и работает удалённо. Никому из знакомых такой юрист не нужен?

– Уточню. Не так давно Стасян интересовался, может ещё не нашёл, но у него специфика, корпоративное право. Поинтересуйся у красавицы.

У меня от этих слов Николаевича челюсти от ревности сводит, что Лера красивая, я заметил. Но ведь другие тоже это замечают. Я ведь, с..а, ревнивый до черта. Точно дома посажу!..

Но генерал решает меня сегодня вообще добить и уничтожить:

– Андрей, ей сколько лет?

Я не знаю ответа на этот вопрос и пожимаю плечами, выходя за дверь, а мне в спину прилетает:

– Она молоденькая совсем, а тебе сорокет скоро. И, – уже улыбаясь во все 32 зуба, звучит контрольный. – Девочку не раздави сегодня. Её домой целой и невредимой вернуть нужно. Чтобы муж раньше времени ничего не заподозрил, – и захлопывает дверь.

Б...ь, я готов биться головой о стены. На возраст плевать. У Николаевича у самого жена на семнадцать лет моложе.

Живут душа в душу. Крестника моего растят. А вот то, что Лерка миниатюрная такая, я даже не подумал. Генерал это специально сказал? Чтобы не трогал сегодня? Или просто позлить решил, зная, что когда я злой, мой мозг работает лучше?

Глава 5. Лера

Андрей ушёл, даже не сказал, когда вернётся. За окошком дождик. Гулять не пойдёшь. Усаживаю после полдника детей за кухонным столом с карандашами, выдаю по маленькому альбому и прошу нарисовать зоопарк. Сама проверяю кухню и соображаю, что приготовить на ужин.

В морозилке нахожу кусок говяжьей вырезки и решаю сделать гуляш с гречневой кашей. Готовлю ужин, одновременно варю суп с фрикадельками.

Мурлыкаю себе что-то под нос. Давно такого настроения хорошего не было. Впервые я услышала от мужчины слова ласковые и почему-то им поверить захотелось. И от этого страх волною накатывает. Если волю зарождающимся чувствам дам, а Андрей защитит не сможет, меня не станет. Димка изведёт совсем, он это умеет. Без меня мальчишкам жизни не будет. Андрюшке ещё ничего, Димка старшего любит, а вот маленькому совсем плохо будет. И сердце сжимается.

О том, что уйти давно от мужа хочу, никто не знает. Даже родители. С ними вообще редко общаюсь и то, последнее время только под присмотром Димы. Мама догадывается, что живём не очень, но не спрашивает. То ли услышать ответ боится, то ли лезть в мою семью не хочет.

И здесь соображаю, что именно с ней хочу поговорить.

Вот только как? Хочу поговорить так, чтобы Димка не узнал. Нужно позвонить, но со своего телефона боюсь. Решаю попросить телефон у Андрея.

Смотрю на часы, почти шесть. Его давно уже нет. И страх новой волной накатывает. Успокоиться пытаюсь. Я сильная, я должна справиться. Ради детей должна.

Малыши не дают сосредоточиться мне на моих мыслях, отвлекают и щебечут рядом. Зоопарк они нарисовали, ужин я приготовила. Перебираемся с детьми в гостиную. Впервые в жизни, опускаюсь на диван и включаю телевизор. Щёлкаю каналы. Нахожу познавательный канал про животных и оставляю его. Ребята играют в игрушки, расположившись на ковре.

Поскольку дети заняты, а хозяйина нет, решаюсь на обследование квартиры. Скольжу глазами по комнате. Что-то мне подсказывает, что это не квартира мужчины. Здесь чувствуется женская рука. Но женщина не должна быть молодой. На это меня наталкивает обилие сервизов и хрусталя в стенке. Да и наличие самой стенки... Сейчас такую мебель не покупают.

Иду в другую комнату, что рядом с комнатой мальчишек расположена. Дверь приоткрыта. Я вообще заметила, Андрей двери редко закрывает. У него даже в спальню дверь открыта, но туда я зайти боюсь...

Захожу, оглядываюсь. Кабинет. Большой стол, на столе современный компьютер, пара записных книжек. Шкафы с

книгами, но книги в основном не художественные. Фотографии в рамках. Мужчина в военной форме и рядом с ним эффектная женщина, на актрису похожая. Наверное, это родители Андрея. Есть ещё несколько фотографий, но рассмотреть не успеваю. Входная дверь хлопает, хотя и не громко, но я слышу.

Я замираю, боясь выйти, словно меня на месте преступления застали. Набираюсь смелости и делаю шаг в сторону двери. И в дверях с Андреем сталкиваюсь. У него в руках букет цветов.

– Это тебе, Лера, – он мне букет протягивает, а я взять боюсь. – Держи, сейчас вазу принесу.

Букет беру, а у самой сердце в пятки упрыгало и биться перестаёт. От имени своего, им произнесённого, снова замираю и странные волны по всему телу разбегаются. Что я творю? Зачем он так со мной? Не шадя! Ведь мне потом больно будет. И боль не только сердечная, но и физическая. И какая из них страшнее, не знаю даже. Уверена, за побег в Питер муж накажет. Если так, как обычно, то пару дней ходить больно будет.

А Андрей приносит вазу, ставит в неё букет цветов и меня обнимает.

– Успокойся, Лера. Я рядом всегда буду. Тебя никто не обидит. И муж тоже.

Хотя эти слова в моей голове утопией кажутся, но я хочу ему верить. Смотрю ему в глаза серые и пытаюсь улыбнуться.

– Пойдём, кушать хочется ужас как. В квартире так вкусно едой только при маме пахло.

– Это квартира твоих родителей? – нерешительно спрашиваю я.

– Да. Их в прошлом году не стало, – он целует меня в макушку и к двери подталкивает. – Детей спать положим и обо всём поговорим.

После ужина Андрей играет с детьми. Они строят железную дорогу и какие-то городушки из кубиков. Андрей принёс игрушки: огромный набор лего, коробку с железной дорогой, пару новых машинок. И теперь они все вместе, даже Ритка, ползают по полу и занимаются строительством.

А я сижу на диване, поджав ноги, пытаюсь работать, но понимаю, что получается плохо. Раздаётся телефонный звонок, и я замираю, боясь взять трубку. Телефон звонит настойчиво, быстро нажимаю на соединение и выхожу из комнаты. Звонит Димка. Ему не ответить нельзя. Иначе ещё хуже будет.

– Да, – отвечаю, стараясь голос свой контролировать, чтобы муж дрожи моей не почувствовал.

– Кто тебе разрешил уехать? Это что за бунт? Ты догадываешься, что с тобой будет? – грозно рявкает муж, а меня волной страха окатывает.

– Дима, я давно хотела мальчишкам Питер показать. Ты же всё равно на работе занят постоянно, – я изо всех сил ста-

раюсь говорить спокойно, словно ничего не произошло, нет никакой обиды и горечи тоже нет, муж верит моему голосу и смягчается.

– Вы где остановились?

– Я на выходные квартиру сняла, сегодня в зоопарк сходили и по городу погуляли.

Я чувствую, что в кабинет заходит Андрей и прикрывает за собою дверь. Он стоит недалеко от меня и слушает.

– Зачем Ритку взяла? Антон бесится.

Понятно, сам бы не позвонил, если бы не младший брат. Я отвечаю честно:

– Олеська поехать не смогла, у неё незавершённый проект. А Ритку попросила взять.

– Теперь проект завершён, – как-то двусмысленно говорит Дима и меня это напрягает, пугает даже. – Ладно, если у вас всё нормально, то завтра жду дома, тогда и поговорим.

– Нет, – основательно расхрабрившись, говорю мужу, – приедем только в понедельник. У меня ... – хотела сказать, что билеты на утренний поезд куплены, но вовремя соображаю, что Димка проверить может, – планы на утро есть. На дневном Сапсане в понедельник приедем.

– Хорошо. В понедельник, так в понедельник. Я подожду, – отвечает муж и сбрасывает вызов, а я от страха дышать перестаю.

На мои плечи опускаются руки Андрея, он стоит совсем близко. Я слышу, как сильно бьётся его сердце. Он прижима-

ет меня к себе и обнимает, прижавшись к моей спине. Стою в кольце его рук и давлюсь слезами. Ну, почему так сладко и горько одновременно?

– Время девять. Ребят спать уложить надо. Мироша уже глазки трёт, – Андрей говорит это так нежно, словно это его дети, я киваю в ответ, а Андрей убивает меня окончательно. – Я сказку им сам читаю, ты только их в кровать положи.

После его слов, таких нежных и заботливых, решаю взять от этой поездки всё по полной. Пусть будет больно, но это потом, зато сейчас сладко будет. Почему-то уверена, Андрей не может быть грубым, хочу его ласки, хочу прикосновения его рук, хочу его поцелуев, хочу его...

Глава 6. Андрей

Читаю детям сказку на ночь впервые в жизни. Никому до этого читать сказки не приходилось. А самому очень хочется к Лерке. Точно знаю, она в душ пошла. Фантазия играет бурно, уже давно всё представил, мой мозг давно её раздел.

Дочитав до конца и убедившись, что троица спит, аккуратно выхожу из детской и плотно закрываю дверь. Отправляюсь на поиски Леры, нахожу на кухне. Она стоит у окошка и пьёт зеленый чай с жасмином. Подхожу и обнимаю, а она вздрагивает и чуть кружку не роняет.

– Ты чего испугалась? Я тебя не съем, – шепчу на ушко, а Лера улыбнуться пытается и из моих объятий выскользнуть. – Пойдём в кабинет. Там поговорим.

Я предложил, но Лера ничего не ответила и с места не сдвинулась. Я могу и на руках её отнести, вот только руки разжать потом не смогу.

– Лера, или добровольно ножками в кабинет, или на руках, но тогда сразу в спальню.

Лерка улыбается и идёт в кабинет. Значит мысль о спальне её не напугала, это уже хорошо. В кабинете садится на диван и поджимает ножки. Догадываюсь, она так сидит постоянно. Это выглядит немного по-детски. А мне так кайфово от этих мыслей.

Сажусь рядом, обнимаю её одной рукой.

– Лера, я тебе помочь хочу. И если ты согласишься принять мою помощь, у нас всё получится.

Поворачиваю её лицо и заглядываю в её голубые с тёмным ободком по контуру радужки глаза. Никогда таких красивых глаз не видел. Там столько нежности живёт и эта нежность сейчас мне адресована. Я в ней купаюсь.

– Лерка, – шепчу ей в губы, – что ты творишь со мной, девочка.

Понимаю, что сейчас сорвусь, а засранка мне несколько не помогает, а, наоборот, тянется к моим губам и целует. Притягиваю её к себе и целую страстно, на грани. Рука скользит по её фигурке, находит грудь и замирает на ней. Чувствую, как под рукой набухает горошинка соска, и припасть с ней губами хочется. А Лерка тихо стонет в моих объятиях.

Здесь детская рядом, своим стоном детей разбудить можем. Подхватываю Лерку на руки и ретируюсь со сладкой невесомой ношей в спальню. Всё, девочка, назад дороги у нас больше нет. Ты теперь только моя. И муженёк твой тебя больше не получит.

Укладываю на кровать, стаскиваю с неё футболку. В глаза бросается белоснежное кружево бюстгалтера. Зачем они его носят, злюсь я. Но руки дрожат, и я оставляю этот элемент одежды в покое. Сейчас точно расстегнуть не смогу. Целовать можно и через него, потом сниму, решаю, когда

первое возбуждение пройдёт. Рукой скольжу вниз, там тоже есть что поласкать, а сам слегка прикусываю нагло торчащий сосок. Лерка стонет и выгибает спинку. Кошечка моя податливая.

Рывком снимаю с неё джинсы, а она скользит своими ладошками мне под футболку. Я рычу от наслаждения:

– Не торопись, девочка. Тебя любить хочется, а не т...ть.

Смотрю на её реакцию, по лицу блуждает улыбка удивления, глаза широко распахнуты с немым вопросом: «В чём разница?».

Маленькая, неужели её тело ласки никогда не знало? Или это было так давно, что не помнит?

Целую каждый миллиметрик её кожи, прокладываю дорожку из поцелуев вниз по плоскому животику, а самому ещё ниже нырнуть хочется, её аромат возбуждения вдохнуть, носом туда зарыться, влагу всю выпить. Через трусики нахожу горошинку клитора, нажимаю. Лерка взвизгивает и призывно приподнимает попку.

Девочка моя, да она на грани взрыва, снимаю трусики, люблюсь её совершенным хрупким телом. Красавица моя. Встаю, снимаю брюки вместе с боксерами, достаю презерватив. Дети нам пока не нужны, этим мы займёмся позднее, когда женой станет. У меня далеко идущие планы, это не просто перепих, милая.

Устаиваюсь рядом, раздвигаю её ножки шире, провожу рукой. Влажная, для меня влажная и готовая. Наклоняюсь

и целую. Лера взвизгивает, пытается отодвинуться и свести ноги.

– Нет..., – хотя догадываюсь, хочет «да» сказать, но стесняется.

– Да, милая, да. Я так люблю. Привыкай. Целовать везде буду.

Поднимаюсь поцелуями выше, ловлю её губы. Она впивается в мои. Поцелуй глубокий. Ввожу в неё палец. Хоть и за мужем ты девочка, хоть и родила двоих, но для меня не готова. Узко. Но Лерка ко мне прижимается и призывно забрасывает ножку мне на спину, пытаюсь открыться шире. Крышу сносит окончательно. Следующий её стон ловлю губами. И захожу рывком до упора, замираю, даю возможность Лерки привыкнуть и начинаю медленно двигаться, постепенно под себя растягивая.

Такого умопомрачительного секса у меня давно не было. Как с ней хорошо. Лера, после очередного раунда, засыпает в моих объятиях. А я уснуть не могу. Как я её, такую хрупкую и нежную, к мужу отпустить должен.

Глава 7. Лера

Просыпаюсь в крепких объятиях мужчины, из которых выбираться не хочется. Зачем я вчера дала молчаливое согласие на эту ночь? Зачем? Так меня муж никогда не ласкал. И свой первый оргазм я этой ночью узнала. С Андреем. Теперь так больно будет с ним расстаться. Андрей!.. Слышу, как с моих губ стон тихий срывается, и замираю от неожиданности.

– Доброе утро, моя милая, – шепчет Андрей мне в ушко. – Тебе где-то больно? – заботливо спрашивает он.

– Нет. Всё хорошо, – отвечаю, а сама глаза боюсь поднять, стыдно, ведь вчера такое творили.

С мужем никогда так хорошо не было, как с Андреем. Дима меня ласками даже в начале нашей семейной жизни не баловал, а сейчас и подавно. Самое больше – это поцелуй неглубокий в губы. Я и не думала, что у меня такая чувствительная грудь. Вчера от одних прикосновений Андрея, я думала, что улечу... От нахлынувших сладкий воспоминаний в животе снова становится тяжело и жарко.

Андрей целует меня в ушко, прокладывает дорожку из поцелуев вниз, к ключице, а его рука ложится на мою грудь и пальцы ласкают сосок, нежно перекатывая его. С губ моих срывается стон. Андрей целует меня в губы, а рукой уже вниз спустился и ласкает меня там. Я снова хочу быть его и только

его, словно и не было этой ночи. От прикосновения его шершавых ладоней к моей коже у меня пожар внизу разгорается нешуточный. Силы сопротивляться его натиску штормовому меня сразу покидают. Его быть хочу! В руках Андрея я кукла. Он целует и ласкает мои ноги, ни один из пальчиков не пропустил, каждый поцеловал. Стоны свои из последних сил сдерживаю, губку прикусывая.

В доме тишина. Но наличие детей в соседней комнате немного напрягает. Ведь малыши, проснувшись, пойдут искать меня. И найдут...

Андрей резко встаёт, набрасывает халат, заворачивает меня в простыню и несёт в ванную.

– Сейчас, моя сладкая, сейчас. Мы шумом воды твои стоны заглушим, милая.

Вот как этот мужчина читает мои мысли, да ещё и озвучивать их пытается?

Андрей ставит меня в ванную, закрывает дверь на защёлку и нажимает на кнопочку на стене. Перехватив мой удивлённый взгляд, поясняет:

– У меня папа несколько месяцев парализованный лежал. Мама боялась душ принимать, вдруг папа её позовёт, а она из-за шума воды не услышит. Вот и вывели динамики. Они в каждой комнате есть. Это что-то вроде радио-няни, но более навороченной.

За это время он успевает настроить воду и встать ко мне в ванную. Андрей целует меня, ласкает, а меня ноги от воз-

буждения совсем не держат. Да и представить не могу, как здесь чем-то можно заниматься. Своим возбуждением Андрей мне почти в грудь упирается. Он подхватывает меня под попку и насаживает на свой ч..н. Я спиной к стене беспомощно прислоняюсь и ногтями в его плечи впиваюсь, след неглубокий оставляю. Андрей целует меня и полностью отдаться ему просит. Я и так себе уже не принадлежу, только ему. Мне кричать от нахлынувших чувств хочется, а Андрей губами мои губы в плен ловит и терроризирует их. Подхватываю его ритм и начинаю помогать, кончаем почти одновременно. Тело бьёт такая дрожь нескончаемая...

Мы ещё какое-то время стоим в объятиях друг друга. Ну, как стоим? Я сижу на нём, обхватив его ногами, прижимаясь спиной к стене. А Андрей лбом в стену упирается. Дыхание восстанавливает... А потом он опускает меня аккуратно. Я скольжу по его телу и чувства потрясающие испытываю! Никогда такого со мной не было, даже представить себе не могла до какой степени я развратна. А Димка меня всегда в холодности обвинял...

Ещё в себя прийти не успеваю, как из динамика слышу детские голоса. Проснулись мои зайчики.

– Принимай душ спокойно, не торопись и приходи в себя. Малышей сейчас займу чем-нибудь.

Андрей целует меня и просто выпрыгивает из ванной, наспех вытирается и ещё на влажное тело натягивает спортивные брюки, а я снова как замороженная смотрю на его з..цу.

Слышу, как Андрей очень удивляется, когда ребята ему говорят, что у них мама пропала. Предлагает им меня найти и сам возглавляет поиски. Обойдя всю квартиру, они добиваются до ванной. Дети слышат шум воды и тут же успокаиваются. Нашли!..

Принимаю душ, сушу волосы феном, собираю их в тугий узел на затылке, в зеркало тщательно обследую всю себя. Ничего не нахожу подозрительного... Нужно выйти из ванной, но одежда вся в спальне у Андрея. Но дверь тихо отворяется.

– Держи, вроде всё собрал, – улыбается Андрей, но в ванную не заходит.

Одеваюсь и выхожу к детям. Завтракаем и идём гулять в парк. Развлечения будут позднее. Нам сейчас нужно в себе разобраться. Впервые свои интересы выше детских ставлю. Андрей держит меня за руку, переплетя наши пальцы, и ласкает мою руку большим пальцем, нежно поглаживая, а у меня от этого прикосновения волны блаженства по истосковавшемуся по ласке телу разливаются.

– Андрей, можно я с твоего телефона маме позвоню. Дима мой телефон регулярно проверяет и ему очень не нравится, когда я с мамой в его отсутствии разговариваю, – смотрю на него и вижу, как Андрей от злости закипает, а мне хочется до него рукой дотронуться, по скулам его широким и резко-очерченным рукой провести, успокоить постараться.

– Можно, – он достаёт телефон из кармана, но мне не даёт, – Лера, ты не должна к мужу возвращаться.

– Должна, Андрей. Я должна с ним развестись и уйти официально, иначе ни мне, ни детям он жизни не даст. А мама мне нужна, чтобы поддержала, да мальчишек у себя на время приютила, если нужно будет. С Димой их оставлять нельзя. Не хочу. Но завтра я домой вернусь, чтобы потом уйти от него насовсем.

– Хорошо.

Андрей, хоть и не согласен с моим решением, утвердительно кивает, уступая. Протягивает мне свой телефон, но не отдаёт, медлит.

– Лера, а где живут твои родители?

– Здесь, в области, не очень далеко. А что?

– На их помощь можно рассчитывать?

– Да, конечно, – отвечаю я, но мне совсем не нравится, что он хочет втянуть и моих родителей во всё это. Но, с другой стороны, может он прав?

– Они смогут приехать сегодня к нам? Я за ними машину отправлю, – вижу, что Андрей настроен серьёзно. Мне нравится такой настрой мужчины, но это меня и пугает.

– Я не хочу, чтобы дети дедушку с бабушкой видели. Мальчишки сразу отцу похвастаются. Это не нужно, – пытаюсь возразить я.

– Адрес родителей называй, – голос звучит властно, только мне так приятно ему подчиняться. Называю адрес мамы. Андрей кому-то звонит и просит к часу привезти родителей к нам, и только после этого протягивает телефон мне. – Зво-

ни и приглашай в гости, но сразу предупреди о чём считаешь нужным.

Он отходит к малышам и начинает играть с ними в мяч, а я набираю номер мамы. Идёт вызов, и мамуля берёт трубочку.

– Привет мамуля. Это я, – пытаюсь говорить спокойно, а самой хочется к маме на шею броситься и зарыдать.

– Валерия? Почему номер не твой? – чувствую её взволнованный голос, даже воздух звенит от напряжения.

Объясняю мамочке, что со мною всё в порядке и что за ними приедет машина и привезёт их к нам в гости.

– Мамуля, только с мальчиками вы сейчас не увидите. Я всё при встрече объясню. Хорошо? Вы только не волнуйтесь, пожалуйста, – прошу я. – У меня всё хорошо.

– Лера, доченька, ты решила уйти от Дима? – мама спрашивает и замирает в ожидании ответа.

– Мамочка, я решила попытаться это сделать. Но, в начале мне нужно обезопасить мальчишек, – шепчу ей в трубку. – Мы всё при встрече объясним.

– Лера, мы это кто? – не понимает мама.

– Мамочка, всё при встрече. Люблю вас, – и нажимаю на разъединение.

Может в этот раз я не совершаю ошибки? Может всё делаю правильно?

Смотрю на часы. Сейчас ещё нет одиннадцати. Я хотела мальчишкам показать Питер. А они видели только зоопарк. Нужно ещё что-нибудь показать?

– Лера, может сейчас доедем до музей-театра «Сказкин дом»? Малышам там будет интересно. А то им папе нечего рассказывать будет. И ещё, по поводу твоей работы...

Смотрю на Андрея замороженно. Откуда он знает, что именно сейчас я думала, что нужно ребятам что-нибудь показать?

– Поехали, – даю своё согласие и зову малышкой.

В театре детей увлекают в интерактивную сказку. Дети играют с актёрами, а мы сидим в кафе и наблюдаем за ними.

– Так что ты хотел сказать на счёт моей работы? – спрашиваю я.

– Лера, моему знакомому нужен юрист по корпоративному праву. Ты как с этой областью? Дружишь? – Андрей улыбается мне, а я хочу понять его. Он это серьёзно?

– Да. Есть опыт работы, хотя и небольшой. А что конкретно хочет твой знакомый?

– Сейчас узнаем, – и Андрей кому-то машет рукой.

К нашему столику подходит мужчина средних лет, совершенно обычный. На фоне Андрея, он выглядит как-то блёкленько, среднего роста, светловолосый, с небольшим лишним весом. Мужчины здороваются, Андрей нас представляет друг другу и берёт у меня мой телефон.

– Вы здесь про работу поговорите. Я не буду вам мешать. Пойду малышкой пофоткаю для истории, – и уходит, оставив нас одних.

Мы остаёмся одни. Станислав, так зовут нового знакомого, рассказывает для чего ему нужен юрист. Узнав специфику работы, понимаю, что мне нужно будет с ним пересекаться, а это может быть немного сложно. Так как живу в Москве. Но, оказывается, Станислав живёт на две столицы и бизнес ведёт на две столицы. Ему без особой разницы в каком городе будет жить юрист. Я соглашаюсь с его условиями, в том более, что у меня сейчас только одна фирма, которая хорошо платит, две другие слились из-за сложностей в бизнесе.

Мы заканчиваем наш разговор и к нам подходит Андрей.

– Представление закончено, дети в восторге. Пойдём, я вас вместе сфотографирую с героями.

Дома кормлю детей обедом и укладываю спать. У нас два часа свободного времени. Выхожу на кухню и попадаю в объятия родителей. Мамуля украдкой смахивает слезу:

– Худенькая совсем стала, – тихо говорит она.

Андрей прикрывает кухонные двери и видя, что я немного напряглась, так как детей слышать не буду, успокаивает:

– Лера, пока мы будем заняты разговорами, соседка в гостиной телевизор посмотрит и позовёт тебя, если ты будешь нужна, – и обращается к моей маме. – Откормим, Елена Витальевна, Ваша девочка кушает хорошо.

Мы все тихо смеёмся его шутке. А дальше говорит практически один Андрей, я смущённо краснею, слушая подробности своей жизни, которые никогда никому не рассказыва-

ла и которые стали известны Андрею, неизвестно каким образом в столь короткие сроки. Вот к примеру, откуда он знает, что Димка ревнив до чёрта и мне запрещает работать, если начальник – мужчина? Я ему это не говорила.

– Поэтому... – Андрей смотрит на меня и берёт за руку, слегка сжимает пальчики. – Поэтому Лера подаёт на развод и резко переезжает в Питер. Чтобы Дмитрий не мог связать её и меня воедино и на какое-то время потерял её и детей из вида, Вы все поживёте у меня в коттедже. Там охрана, большая территория и большой дом. Места хватит всем. А после того, как Лера будет свободна, она выйдет за меня замуж.

Папа, до этого момента во всём соглашающийся с Андреем, прерывает мужчину.

– Может мы всё-таки Леру потом спросим?

– Спросим, обязательно спросим, – Андрея несколько не смущает папино замечание. Он был со всем согласен.

– Домой когда, дочка? – интересуется папа.

– Завтра, папуль, – отвечаю я.

– А если не ехать? – спрашивает он.

– Если бы я была только со своими мальчиками. А со мною ещё и Рита, племянница Димки.

Дверь приоткрывается и заглядывает пожилая женщина:

– Андрей, дети просыпаются.

– Спасибо, тётя Маша, – отвечает он ей и встает из-за стола, – я сейчас займу детей. Вы прощайтесь спокойно. Домой я Вас сам отвезу, – обращается он к моим родителям. – Лера,

попрощаешься с родителями и зайдешь в кабинет. Я с детьми там буду.

Андрей уходит. А я смотрю на маму и папу, жду, что они скажут.

– Вот это нормальный деловой мужик. Никаких лишних эмоций. Глаз горит, когда на тебя смотрит, – говорит своё веское слово папа. – Не то что твой, грубиян, бабник, да ещё и нахал. Ведь он же нам звонил вчера, – но мама его одергивает, папа отмахивается от неё, как от надоедливой мошки, и продолжает, – пригрозил, если тебе помогать будем, внуков больше не увидим.

Я замираю от его слов, а мне ведь Дима ничего не сказал, что звонил моим родителям.

– Ну, зачем ты, отец, её ещё больше пугаешь. Девочка моя, может не поедешь?

Я отрицательно качаю головой.

Из прихожей раздаётся: «Стоять, мелкота, нельзя к маме, она работает. Сейчас, Андрей, она освободится, подожди немного, пошли со мной в кабинет». Как только дверь в кабинет закрывается прощаюсь с родителями. Отец обнимает на прощание:

– Если бы такого мужика не встретила, долго б ещё терпела? – всё-таки не выдерживает и спрашивает папа.

Я затихаю в тёплых объятиях отца и молчу в ответ. А что я могу сказать? Сама не знаю, на сколько меня ещё бы хватило. Мамуля просто слёзы вытирает и молчит. Обнимаю ро-

дителей ещё раз, крепко-крепко, с трудом сдерживаю слёзы. Предчувствие какое-то нехорошее внутрь меня змеёй заползает и чернотой разливается. Через силу улыбаюсь им. Не нужно, чтобы они видели мои переживания.

– Пойдёмте. Спасибо, что приехали.

– Ты к нему надолго едешь? – вижу, как волнуется мама и стараюсь её успокоить.

– Ещё не знаю, думаю на неделю. Мне же нужно детское всё собрать. Все документы. Ведь там же всё, что нажито непосильным трудом, – пытаюсь пошутить я.

– Береги себя, доча, – мама говорит это как-то особенно удручённо, даже сердце щемит в груди от её слов.

Мы прощаемся, и я иду в кабинет к своим малышам.

Глава 8. Андрей

Отвожу Леркиных родителей в Сестрорецк. По дороге с отцом Леры разговариваем, он спрашивает о моей работе, о семье, потом кое-что рассказывает про Леру и её мужа. Так узнаю, что у Дмитрия есть младший брат Антон. Работают братья вместе, между собой очень дружны и похожи. Единственное отличие: Дима немного помягче, а Антон при каждом случае кулаки в ход пускает. Его жене часто достаётся.

– Как их ещё с работы не выгнали? – подаёт голос мама.

Лерка на неё очень похожа, как внешне, так и характером, такая же терпеливая.

Расставаясь, прошу родителей собрать самые необходимые вещи, поясняю, может переезд и не понадобится, если Дмитрий себя будет вести адекватно. Хотя сам уже сомневаюсь.

Мне нравятся Лерины родители. С отцом, уверен, мы найдём много точек соприкосновения. Папа у неё полковник запаса, четверть века отдал службе в армии. Прямолинейный, немного резкий, но очень любящий муж, отец и дедушка. Мама молчаливая, деликатная, умная. Она всё понимает с полуслова. Прощаясь со мной, очень искренне попросила помочь её дочери, уверенная в том, что её девочка сама не справится.

Недавно звонил Николаевич, поделился информацией. Дмитрий жену ищет и не верит, что она просто так, одна в чужой квартире живёт. Звоню соседке и прошу ещё один раз выручить, провести вечер с нами. Бабуля у меня понятливая, она с моими родителями долгие годы дружила и меня ещё маленьким помнит, соглашается помочь без лишних вопросов.

По дороге заезжаю к Николаевичу, тот предлагает мне отпуск взять и на работе не отвечать пока. Ему так спокойнее будет. Если что мои поганы сохранить проще. Соглашаюсь. Подключаем надёжных ребят из столицы. Нужно, чтобы Лерку на перроне встретили и до дома довели, если у мужа желания или времени встретить жену с детьми не появится.

Потом звоню Игорю и прошу организовать охрану Лерки и аккуратно проследить за её мужем, но только так, чтобы он ничего не заподозрил. Сам покупаю на своё имя билет в Сочи и «улетаю» через полчаса. Меня здесь вообще нет...

Домой возвращаюсь поздно вечером пешком, машину оставив на стоянке в соседнем дворе. В подъезде перестраховаться решаю, поднимаюсь несколькими этажами выше, стою, слушаю. Никого. Аккуратно захожу к себе, даже ключи не брякнули. Малыши уже спят. Бабушка к себе ушла. Лерка сидит в гостиной, ждёт меня. Увидела и на шее повисла.

– Лерка, девочка моя, что ты? Всё у нас получится. Не бойся. Самое страшное тебя к нему в руки отдать. Может не поедешь с мальчишками, здесь останетесь?

– Он детей тогда через суд отберёт. Я не за себя боюсь, за мальчишек.

– Не отберёт. У меня на тебя большие планы и малым довольствоваться не стану. Если ты моя, то вся, целиком и полностью. Тогда и я твой без остатка, милая, – нежно целую её, а Лерка замирает в моих объятиях, даже дышит через раз. – Я обещаю понимание и заботу безграничную. От тебя хочу только взаимности, любви и страсти! Готова?

И она осторожно кивает в знак согласия, и личико ко мне поднимает, в глаза заглядывает. Беру в ладони её нежное личико и целую. Целую её безумно, а у самого сердце разрывается, ведь отпустить должен завтра. Сегодня она только моя! Подхватываю на руки и несу в спальню, а она даже не сопротивляется.

Глава 9. Лера

Снова безумная ночь. Мы уснули только под утро. Просыпаюсь оттого, что одна, кольцо рук разжалось и стало холодно. Андрей стоит у окна и курит. Почувствовав мой взгляд, он оборачивается ко мне.

– Лера, ты чего не спишь? Спи, ещё рано.

Но я кутаюсь в одеяло и подхожу к нему, утыкаюсь лбом между его лопаток.

– Лерка, какая же маленькая. Никогда не думал, что жена такая мелкая будет. Мне всегда длинноногие нравились, – смеётся он и меня из-за спины достаёт. – Моя малявка.

Андрей целует меня в макушку. Для этого поцелуя ему ещё и наклоняться приходится, ведь на две головы ниже...

– Люблю тебя. Моя ты, Лерка.

Я слушаю эти слова, только мне адресованные, и никуда уезжать не хочется. Андрей разжимает объятия и берёт с прикроватной тумбочки мой телефон. Молча вставляет в него вторую симку. Ставит на неё пароль отдельный.

– Лерочка, если мало ли муж обнаружит вторую, хотя я её и сделал невидимой, скажешь, что эта рабочая. На ней только мой телефон сохранён и то не этот номер, а рабочий, номер Стасяна, он с тобой чаще всех связываться будет по работе, да ещё телефон Николаевича. Генерал о тебе всё знает. Чтобы не случилось, смело можешь любой номер набирать.

Один из нас сразу появится.

Андрей прижимает меня к себе крепко-крепко, а мне почему-то кажется, что не увижу я его больше.

– Лерочка, я сейчас уеду, милая. Мальчики не должны меня сегодня видеть. Вас бабушка в такси посадит, такси придет к одиннадцати. Если мальчишки вспомнят обо мне, найдёшь что сказать. Ты у меня самая шикарная женщина и у нас самые прекрасные дети.

– У нас? – переспрашиваю я.

– Лера, дети моей женщины и мои дети тоже, не зависимо от того, кто их отец.

Андрей целует меня, одевается и уходит, а я долго смотрю в окно, провожая его взглядом. И предчувствия нехорошие одолевают.

На следующий день мы уезжаем домой, и я делаю всё именно так, как просил Андрей.

На перроне в Москве нас встречает Антон, забирает Ритку и удаляется, бросив через плечо, что до дома я в состоянии самостоятельно добраться.

Рита обнимает его за шею, целует в щёку и спрашивает, где её мамочка и почему она её не встретила, а Антон рывкает на ребёнка, чтобы заткнулась и сообщает, что мама в больнице. Бедная Олеська, неужели избил до такой степени, что дома отлежаться не получилось, как это бывало раньше.

Я быстро нахожу такси, вернее такси находит меня. Это

знакомый Андрея. Он довозит нас до дома.

Димы дома нет. Я несколько раз пытаюсь ему позвонить, но раз за разом включается автоответчик. Посылаю к чертям это неблагодарное занятие и пишу мужу смс-ку, сообщаю, что мы дома и с нами всё нормально.

Он появляется уже после полуночи. Трезвый и усталый. Может я зря накручиваю себя? Может просто поговорить с Димкой, всё объяснить? Но внутренний голос твердит: «Не смей! Молчи!.. Нужно всё сделать по-тихому».

На удивление Дима целует меня в щеку и уходит спать на диван, пожелав мне спокойной ночи. Я на седьмом небе от счастья, укладываясь в кровать одна, я бы не выдержала его прикосновений. Моя кожа ещё помнит прикосновения другого мужчины. Мне никогда не было так сладко и тошно одновременно. Я изменила мужу! И ни капли об этом не жалею...

Всю неделю у нас в доме царит мир и покой. Димка вечерами общается с мальчишками, расспрашивает их о Питере, но слушает только Андрея. Сын рассказывает, но в разговоре ни разу не упоминает об Андрее-старшем. Но на сердце у меня очень тревожно. Не может быть всё так хорошо. Закрадывается уверенность, что это затишье перед бурей.

За эту неделю в банковскую ячейку, открытую на имя моей мамы, перекачывают все мои документы, дипломы и сертификаты, небольшая сумма денег, снятая с моего счёта. У меня уже почти всё готово к побегу. Осталось только за-

явление на развод подать.

На десятый день мне звонит Стас и назначает встречу в кафе. Передавая документы, он просил меня быть как можно серьезнее и сообщает, что за нами следят. Оказывается, за мной следят уже три дня. Но в эти дни я никуда не ходила, только в парк с детьми, без детей была только в салоне на маникюре и в торговом центре, где искала подарок на день рождения Мирону.

Я просматриваю передаваемые документы и задаю вопросы по работе, весь остальной разговор происходит с опущенной головой, чтобы губ никто не видел. Мало ли какие люди следят.

– Передай привет Андрею. Я очень скучаю.

– Он в Москве. Завтра в городском парке увидите. Приезжай утром на прогулку.

Я согласно киваю головой. Сердце бешено стучит. Неужели я завтра его увижу?!

Глава 10. Дмитрий

Лерка приезжает из Питера спокойная и умиротворённая. Только моя жена может сорваться с места за 5 минут, прихватив с собой детей, провозиться с ними в чужом городе одна и не устать, а отдохнуть.

Андрей рассказывает, где они были, что видели, чем занимались. Говорит про какую-то бабушку, у которой они жили, и которая им подарила на прощание по машинке. Пытаюсь выведать у сына, чем занималась мама, а он всегда возвращается к своим рассказам. И я понимаю, что Лерка всегда рядом была.

Фотки смотрю, она мальчишек фотографировала везде, в парках, сквериках, у фонтанов, на набережной, в кафе, в зоопарке. Фотографий огромное количество. Рассматривая их, я даже жалею, что они были без меня. Дети везде одни. Ни на одном фото никого подозрительного рядом. Только из театра на нескольких фото она вместе с детьми.

– Как это ты в кадр влезть умудрилась, – интересуюсь, а сам наблюдаю за ней, может хоть что-то промелькнёт. Но нет, спокойная, в глаза смотрит, улыбается, взгляд не отводит.

Лерка на девушку показывает:

– Пока дети с актерами играли, мы с ней кофе за одним столиком пили. Познакомились. Потом сфотографировали

друг друга.

Всё логично.

Только Антон зудит и обратное мне пытается доказать.

До Лерки дотронуться боюсь. Если сорвусь, то мне несдобровать. Сейчас проблем с Антоном хватает.

Этот придурок Олеську в очередной раз с любовником застукал. Избил его и её. Мужик оклемался и заявление написал. А вот Олеська в больнице несколько дней с сотрясением сильным провела. Заявление тоже написала, но через несколько дней забрала. Антон умело на неё надавил.

Теперь Антона могут из структур турнуть, поэтому мне лишних проблем не надо. Вот и терплю, Лерку не трогаю, хотя очень хочется. Жена у меня податливая, сговорчивая, могу творить с ней всё, что хочу. Хотя в постели холодная, сама инициативу не проявляет, словно ей это и не нужно. Но мне с ней нравится. Пока любовницей обхожусь. Лерка злится, но молчит. Умница.

Пока она в Питере была, я постарался всё узнать. Проследил её путь от вокзала до съёмной квартиры. Из гостиницы её полковник ФСБ забрал, хотел в нашу гостиницу устроить, но не получилось. На квартиру к бабке какой-то отвёз. Там она с мальчишками и жила. Бабка её и до такси провожала. Полковника рядом с ней никто не видел.

На всякий случай про полковника кое-что узнал: Бендас Андрей Викторович, женат, детей нет. По фамилии пробил, решил поподробнее о нём узнать. Сейчас он вообще в отпус-

ке. В Сочи отдыхать укатил. А когда его фотку увидел, ржал долго, Валерию рядом с ним представив. Эта малявка ему в пупок дышать будет, если их рядом поставить. Да и старый он для неё. Она у меня дама разборчивая, на такого и не посмотрит.

Как бы Антон не зудел, но ничего подозрительного я в поведении Лерки не увидел.

Дети в садик ходят, Лера в новую работу с головой ушла, дома как обычно сытно, чисто и спокойно. Всё нормально. Только вот брату всё неймётся. Очень уж ему хочется с моей женой поговорить. Но я запрещаю!..

Днём Лерка звонит, когда мы с Антоном в кафешке сидим, обедаем.

– Дима, сможешь мальчишек из садика забрать. Я пирожки затеяла, но время не рассчитала. Или пирожки сгорят, или детей забрать не успею.

– Конечно, Валерия, заберу. Только по делам заскочу сейчас. Часов в шесть будем дома. Пирожки испечь успеешь? – смеюсь я.

– Успею. Спасибо.

– Она вчера с мужиком каким-то встречалась, – не унижается Антон.

Меня это даже взбесило. Впервые на брата заорал. Я и так к ней наружку приставил, так ещё и Антон за ней следит. Я не просил!

– Это её работодатель. Работает она у него с недавних пор.

Я проверил и разрешил. За своей следи, а мою не тронь! – рявкнул я и ушёл по делам.

С мальчишками из сада возвращаемся. Дверь открываю, выпечкой вкусно пахнет на всю квартиру. Но Лерка почему-то встречать нас не выходит. Это на неё не похоже. Обычно сразу выходит, чем бы не занималась. Мальчишки раздеваются и в детскую со всех ног бегут, порядки проверять. Но не успеваю поведением жены повозмущаться, как детский крик оглушительный раздаётся.

Влетаю в комнату, а там...

Думал, убью Антона. Если бы братом не был, точно убил бы. Я, хотя к Валерии большой любви и не испытывал, но пальцем её никогда не трогал. Наказывал по-своему, по-мужски, так, что пару дней ходить не могла после наказания, но это сладкое наказание. Во всяком случае для меня. И жену приструнил, и удовольствие получил.

А здесь... Мало того, что Лерка вся избитая, так ещё и мальчишкам досталось. Мирон сразу к матери бросился, поэтому и получил наотмашь. Мне вначале вообще показалось, что мальчишка не дышит. На руки хватаю, к себе прижимаю впервые, наверное. У него из груди вначале хрип вырывается, а потом только крик. Андрей от испуга просто в угол забивается и лицо руками закрывает.

Антон выгоняю сразу. С ним потом разберусь. Сейчас не до разборок с братом. К жене бросаюсь, руки развязываю, а

она бесчувственно вниз сползает, от боли сознание потеряв.
На кровать её укладываю, спину в холод укутываю, иначе вся
синяя будет. И только потом мальчишками занимаюсь.

На следующую неделю на работе отпуск беру, с детьми
вожусь, да жену выхаживаю. За что мне такое...

Глава 11. Лера

Но на прогулку мне не суждено было попасть.

Вечером в гости заявляется Антон. Димки дома нет, он за детьми в детский садик зайти должен, а я пеку их любимые пирожки. Антон без приглашения проходит в квартиру, меня в дверях отодвинув.

– Вот и прекрасно, что мой брат-лопух отсутствует. Мы с тобой наедине поговорим, – нагло заявляет он.

Вначале он выпытывает у меня, зачем я ездила в Питер. Я ему отвечаю, где-то серьёзно, где-то шутя, а потом мне всё это надоедает. Кто он такой, чтобы перед ним отчитываться? И я его посылаю. Вот только я зря это делаю.

Тут же прилетает удар. Не сильный, но от него я немного теряю равновесие и плыть перед глазами всё начинает. Именно про такой удар Олеся говорила в своё время, что вроде и не больно, только штормить сразу начинает. Он, не дав мне опомниться, хватает меня за волосы и тащит в детскую, на ходу выдергивает ремень из брюк, набрасывает петлю на руки и приподнимает меня вверх за руки, привязав к шведской стенке. Я ногами даже пола не касаюсь, если только чуть-чуть пальчиком. Он всё это делает так быстро, что я даже сообразить ничего не успеваю, как уже за руки подвешенной оказываюсь.

Я пытаюсь кричать, но он заклеивает мне рот скотчем,

уходит в ванную и возвращается с мокрым полотенцем, скручивает его в жгут. Эти удары я не забуду никогда, хлёсткие, болезненные, словно кожу вместе с мясом снимают заживо, от костей отрывая. Молю Бога только об одном, лишь бы дети в комнату не забежали, но Господь не слышит меня в этот раз.

В прихожей раздаются детские голоса и топот детских ног к детской несётся, мальчики вбегают в комнату, на секунду замирают, и Мироша ко мне бросается, а Антон его отшвыривает. Мальчишка громко вскрикивает и на пол оседает, тут же Димка вбегает, и я теряю сознание. Лишь где-то вдалеке слышу, как Димка на брата орёт, как плачут дети. Плач Мирошки тоже слышу. Маленький мой мальчик...

В себя прихожу, когда Дима меня на кровать укладывает на живот и спину чем-то холодным укрывает. Последнее что помню, муж укол делает:

– Валерия, потерпи немного, после укола легче станет. Это обезболивающее.

И я снова проваливаюсь куда-то. Состояние полубредовое, на грани. И грань эта непонятная какая-то. Очухаться не могу, но всё слышу. Или это просто мозг обманывает меня. В комнате часто плачут дети, они просятся к маме, Димка пытается их успокоить.

Пару дней я не могу ни стоять, ни сидеть, ни лежать на спине, только на животе. Муж ходит тихий какой-то. На четвертый день, пока Дима с детьми куда-то ушёл, в садик, на-

верное, я отваживаюсь доковылять до ванной, решив принять душ и посмотреть на художества Антона. Каково же было моё удивление, когда на теле не обнаруживаю ни единого синяка, ни ссадины. Только синий «браслет» на руках от ремня, как жестокое напоминание.

Вечером Дима просит прощение, пытается оправдать Антона. А мне хочется выть, плакать я уже не могу, слёз почему-то нет. Димка рассказывает, что Олеська в больнице и на развод подала. Антон дочь себе хочет оставить, поэтому и злой такой. Антон меня во всём обвиняет, поскольку я часто с Ритой возилась, а Олеся без дела по мужикам бегала. Так себе оправдание мужской жестокости...

На восстановление мне понадобилось почти две недели. Как на восстановление? Чтобы научиться передвигаться, не привлекая внимание окружающих. Мышцы на спине болеть не перестают, ни наклониться, ни сесть без боли не получается.

Видя мои муки, муж ко мне не прикасается, хотя всё остальное возвращается на круги своя. Димка меня полностью контролирует, телефоном могу пользоваться только в его присутствии. Ноутбук под запретом. О моей работе слышать не хочет. Обещает, если не одумаюсь, режим ужесточить. И снова всю злость на Мироне срывает.

Мне даже Андрею весточку не передать. Со Стасом общаюсь только в присутствии мужа. Как при Димке сказать?

Как бы мне не было плохо, но переживаю я больше всего

за мальчишек. После увиденного Мирон перестал разговаривать. Хотя и понимаю, что это последствия перенесённого стресса, но легче от этого мне не становится. Нужно срочно показать Мирона врачу, но муж непреклонен.

– Прекрасно, что молчит, – реагирует он на мою просьбу. – Будешь верещать и тебя замолчать заставлю.

Диме звонила мама, хотела приехать, проведать внуков, но он не разрешает, сказав ей, что не собирается жить в одной квартире с тещей. Этот разговор я случайно услышала, а потом Димка мне сам рассказал, дав понять, что я никто.

Глава 11. Андрей

Я с трудом заставил себя уйти в то утро от Лерки. Внутри всё сжималось, в какой-то момент хотел вернуться, послать все условности к чертям собачьим и никуда её не отпускать. Лишь страх потерять Лерку заставил меня уехать в загородный коттедж и заняться приведением его в порядок.

Первую неделю регулярно звонит Стасян. У Лерки всё нормально, девочка готовится к кардинальным переменам в своей жизни. Назначает встречу в парке, больше терпеть нет сил, решаю её забрать в Питер. Но она не приходит...

Ещё два дня живу в Москве у Стаса. Связи с Леркой нет. Ни она, ни дети из квартиры не выходят. Ребята аккуратно узнают про её мужа. Он отпуск на неделю взял. Может с этим связано...

Уезжаю в северную столицу и оседаю в квартире родителей. Здесь всё о моей Лерке напоминает. Хрупкая красавица и её мальчишки из головы не выходят. Просто помешался на желании быть с ними.

Неожиданно на пороге родительской квартиры Янка нарисовывается. Только её мне сейчас не хватало. Последнее время на её телефонные звонки не отвечаю, нагло сбрасывая. Вот и припёрлась...

– Андрюш, ты про развод серьёзно? – с порога начинает

Яна, пытается прижаться ко мне, как всегда прося ласки, а я до неё даже дотронуться не могу. Организм противится.

– Серьёзно, – бурчу ей в ответ и отхожу на приличное расстояние.

Янка обходит квартиру и цепляется взглядом за детские игрушки, оставленные мальчишками. Внимательно их рассматривает. Потом взгляд на меня переводит.

– Бендас, тебе никто не говорил, что ты придурок!?! Тебе баба досталась, которая любить только тебя одного согласна, а ты любовь детям отдать хочешь. Зачем они тебе?

Я молчу, хочу дать ей выговориться.

– Андрюш, если ты так заиклился на детях, я согласна. Я рожу тебе ребёнка, но не обещаю быть примерной мамашей. Ночами к нему сам подпрыгивать будешь.

Янка смотрит на меня, а я продолжаю равнодушно молчать, подхожу к балкону и открываю балконную дверь. Я знаю, как это бесит Янку, она не терпит сквозняков. Сейчас я хочу её выбесить, хочу, чтобы она психанула и ушла. Но Янка терпеливо ждёт, собрав всю свою выдержку в кулак. Я точно знаю, что это ненадолго, выдержки у моей бывшей «ноль».

– Что Ты От Меня Хочешь? – говорю ей это зло, отчеканивая каждое слово. – Я подал на развод. Это моё последнее слово.

– Ну, Андрюш. Я на всё согласна... Только забери заявление... Я люблю тебя... – Янка может быть нежной, когда

ей это нужно.

По молодости мне даже это нравилось. Нравилась её резкость, дерзость, такая лёгкая женская грубость. Если что не так, могла послать по адресу... Только вот потом это надоело. Яна не прислушивалась ко мне, к моим просьбам, к моим желаниям. А своими она делиться не привыкла. Последние лет пять-семь нас объединяло только супружеское ложе. И то от случая к случаю. Я близости не требовал, свои хотейки на стороне удовлетворял. Янка это знала, но молчала. О причинах её отсутствия дома я тоже не спрашивал. Так и жили. Современные свободные отношения...

Яна ещё много чего говорит. Потом останавливает свой взгляд на моих руках и замолкает. Перевожу свой взгляд на руки. В руках я, оказывается, верчу Леркину заколку, забытую моей девочкой на подоконнике. Даже не заметил, как она ко мне в руки перекочевала.

– Бендас, ты себе бабу завёл? – и в голосе у Янки появляются первые нотки растерянности.

Она знала, что я иногда сворачивал налево. Но я всегда возвращался в свою гавань и даже какое-то время угрызение совести мучало. А сейчас его нет, этого угрызения. Я молчу. Ничего никому не хочу говорить про свою Лерку. Она только моя. Все о ней узнают, когда женой моей станет. И почему-то даже капельки сомнения в этом нет.

– Бендас, ау! Я с кем разговариваю? – Янка снова называет меня по фамилии, но сейчас меня это не трогает. Всегда

трогало. Во время ссор Янка всегда меня по фамилии называла и всегда с пренебрежением её произносила. Фамилия моя ей не нравилась и выходя замуж она свою оставила. – Ты что, бабу с ребёнком подцепил? Вдвойне дебил!..

Но снова я молчу. Стою у окна и равнодушно смотрю на жену, почти бывшую. Ох, Яна – Яна, если бы ты знала, что не с одним, а с двумя!..

– Может ты хоть слово в своё оправдание скажешь?

И я решаю ответить на этот вопрос Янки.

– А я перед кем-то оправдываться должен? Перед тобой, что ли? Яна, ты ничего не путаешь?

Янка молчит. Она не знает из-за чего я подал на развод. Я никому причину не озвучивал... Это наше с ней, личное. В отличие от Яны, я нашу семейную жизнь никогда ни с кем не обсуждал.

– Если кто и должен оправдываться, то это ты, Ян, – смотрю на неё, ярость еле сдерживая, и она догадывается, по глазам её вижу. – Ты моя законная жена, зная, что я безумно хочу ребёнка, идёшь и убиваешь его! Сука!.. И после этого я ещё оправдаться за что-то должен? Может у тебя ещё прощение попросить?!...

Я просто орал на неё, орал и не мог остановиться... Я её ненавидел!.. Я ей всё вспомнил и её диссертацию, и её работу, и её желание быть самой красивой. Чтобы нигде ни морщинок, ни растяжек, ни дряблости... Даже её слёзы, которые я не мог видеть и сразу всё прощал и забывал, меня теперь

не трогают. Я перевожу дыхание, перед глазами стоит Лерка и Мирон, жизнь которого моя девочка у мужа отвоёвывает до сих пор...

– Вон отсюда, – говорю это уже почти спокойно, но настолько грозно, что Янка подпрыгивает и почти выбегает из квартиры, сильно хлопнув дверью.

Через некоторое время оживает телефон, извещая меня об смс-ке: «Я рожу тебе ребёнка и буду делать всё, что ты хочешь. Не уходи... Люблю».

Набираю в ответ: «Нет».

Перезваниваю знакомому адвокату и прошу ускорить процесс развода, договариваемся с ним о встрече.

Следующие несколько дней Яна атакует мой телефон, который я даже выключить не могу, так как жду звонка от моей Лерки.

Моя милая Лера страдает. Я ничего не знаю о ней, но я чувствую, что ей плохо. На связь Лерка не выходит, на телефонные звонки не отвечает. Телефон постоянно выключен. Мальчишки не ходят в садик, с ними гуляет только отец. Лерка нигде не бывает, не выходит из дома уже почти две недели. Я начинаю сходить с ума не зная, что с моей девочкой.

Стас Леру тоже давно не видел, примерно столько же, но по телефону общается, хотя и не регулярно. Он ничего мне не рассказывает. Просто передаёт от неё приветы, а я схожу

с ума от неизвестности. Дико хочется её к себе прижать, в её голубые глазки заглянуть, до губ её нежных дотронуться. Зачем я тогда её к мужу отпустил? Ведь чувствовал же, что нельзя...

Николаевич при встрече делится неутешительной новостью. Младшего Ильина из органов увольняют. Не спасли ни погоны, ни заслуги, ни друзья. А увольняют за избиение жены. Она сначала заявление написала, но потом забрала. Избивал он её, как оказалось, регулярно. В этот раз ещё мужику какому-то досталось и дочке. Малышка с сотрясением в больнице лежит. Я вспоминаю милую кучеряшку, а сердце замирает. Вот св...та, это последнее дело руку на ребёнка беззащитного поднимать.

В Москве в конце недели проводится большая конференция нашего ведомства. Мы туда тоже едем. Мужики по работе, а я по делам сердечным. Решаю, что обязательно должен Лерку увидеть, хотя бы издалека. Если пойму, что у них с мужем всё хорошо, забыть постараюсь. Хотя я в это уже не верю. Не смогу я её забыть...

Приезжаю в столицу, прошу Стаса пригласить Лерку в парк с детьми. Моя девочка догадывается, и сама время удобное ей назначает.

Подъезжаю на стоянку у парка минут за тридцать до назначенного времени. Звоню Николаевичу. Шеф желает удачи и говорит, что отправил на всякий случай трёх ребят.

Вдруг подмога нужна будет.

Сижу в машине, наблюдаю, вижу, как на стоянку въезжает белая ауди. Невдалеке припарковывается. Из машины выходит Лерка, заднюю дверцу открывает, и мальчишки сами из машины вылезают. Меня в этом что-то настораживает. Глаз замечает неправильность, но мозг ещё сообразить не успевает, что не так. Движения моей девочки мне тоже не нравятся, какие-то скованные, а у Лерки плавные, мягкие. Вылезаю из машины, нет сил больше терпеть. Хлопком дверцы внимание к себе привлекаю неожиданно. Мальчишки меня замечают и бегут наперегонки в мою сторону. Звучит окрик Лерки. Да где там, они и не слышат её.

Ко мне подлетают, я их на руки подхватываю. Оказывается, я по ним тоже соскучиться успел. Мирон меня за шею обнимает и шепчет что-то еле слышно. А я на Лерку смотрю, как она ко мне идёт. И что-то в её походке мне не нравится. А ещё боковым зрением вижу, как черная глухо тонированная иномарка, что в отдалении на стоянке давно стояла, с места срывается и на перекрёстке с визгом, против всех правил, разворачивается.

Хорошо у своей машины стою, далеко не отошёл. Мальчишек в салон запихиваю и Лерку в охапку сгребаю, маску боли на её лице вижу.

А потом выстрелы слышу и у Леркиной машины стекла в паутинку превращается. Мои хлопцы из своей машины выпрыгивают и к нам подбегают. Но мы все целы. Стреляли

именно по машине.

Лерка шепчет тихо:

– Мне Антон войну объявил. Поможешь её выиграть?

Целую свою Лерку и снова маска боли на её лице про-
скальзывает. Что за чертовщина такая?

Решаем с ребятами разделиться. Мальчишек сразу к ним
в машину сажаю и из столицы прямой наводкой под Питер,
ко мне в коттедж отправляю. Лерка целует их и улыбается
своим мальчишкам:

– Я люблю вас, мои милые. Теперь точно всё хорошо бу-
дет. Андрей с нами.

Смотрю на Леру, а она браслеты с их рук снимает и кур-
точки тоже, в свою машину бросает. Мужиков просит детей
по дороге не заморозить и пакет из своей машины достаёт,
им отдаёт.

– Там пирожки и сок в дорогу. Вам всем хватит.

Машина с детьми с места срывается, а она им вслед смот-
рит. Лера вновь подходит к своей машине, достаёт все вещи
из салона, бардачка, проверяет всё. Ключи от машины на си-
денье бросает и дверь захлопывает. Мы садимся в мою ма-
шину. И снова боль на её лице, когда спиной до сиденья до-
трагивается.

– Андрей, мне домой заехать нужно.

Звоню Николаевичу. Сообщаю новости.

– Передай, что за рулём Антон был, но Дима в курсе все-
го, – говорит она это настолько равнодушно, словно о совер-

шенно посторонних людях.

Подъезжаем к её дому, к нам ещё пятеро ребят подъезжают, которые свою работу знают, нашу безопасность обеспечивая. Заходим в квартиру, Лера вещи кое-какие в сумку бросает, ноутбук, шкатулки, ещё две сумки из детской выдвигает, заранее приготовленные.

– Всё, только это. Остальное купим, – говорит она. Квартиру взглядом сканирует. На кухню заходит и обручальное кольцо снимает, на стол кладёт. – Пошли, – говорит спокойно, без тени сожаления в голосе.

Хочу обнять, руку на талию положить. А она так тихо в ответ на моё движение, словно извиняясь:

– Болит там всё. Не трогай, – и улыбается застенчиво.

С..а, меня на изнанку всего выворачивает, встряхнуть её хочется. Почему молчала? Почему через Стаса информацию не передала? Но молчу... Потом во всём разберёмся, когда ко мне в коттедж приедем. Спускаемся по лестнице, в кармане телефон надывается. Кому я так сильно понадобился? Смотрю. Звонок от парня, с кем мальчишки в Питер поехали.

– Да, – резко отвечаю я.

– Викторович, здесь такое дело. Перехват объявлен. Ищут двух мальчишек. Папаша заявил, что детей украли, – звучит в трубке.

– Вы где сейчас? – уточняю, стараюсь быть спокойным, но Лера напрягается вся. Догадалась.

– У торгового центра, на выезде, – и центр мне называет.

– Машину на подземную, сами в торговый. Только мальчишек из виду не теряйте. В киношку сходите, мультики посмотрите, – даю чёткие указания я.

В машину прыгаем, а я генералу перезваниваю. Понимаю, без его мигалок нам город не покинуть.

К торговому центру подъезжаем почти одновременно с генералом. Перебрасываем детские кресла в генеральскую машину, туда же детей. Мы с Лерой в мою машину, за руль бойца сажаем и в путь. Выезжаем из города, совершенно спокойно миновав все посты. Генеральский кортеж никто остановить не осмеливается. Генерал даёт команду, не останавливаясь, ехать до границы родной области.

Лера сидит рядом в струну натянутая.

– Девочка моя, ложись. Тебе сидеть больно? – спрашиваю, а сам собственными руками удушить всех готов, кто ей больно сделал.

– И лежать тоже. Можно я на бок прилягу? Только до меня не дотрагивайся, – говорит моя Лерка.

Аккуратно укладываю её на бок, она ножки на сиденье кладёт, калачиком сворачивается. Маленькая моя. Любимая. Лерка моя.

Смотрю на неё, взгляд оторвать не могу. Не выдерживаю, наклоняюсь и в ушко целую. А она улыбается как-то рассеянно. Набираюсь наглости и шепчу:

– Моя ты, Лерка. Теперь точно замуж за меня пойдёшь.

Я развёлся.

– А я ещё нет, – улыбается моя девочка, не открывая глаз. – Я только вчера заявление в суд на развод подала, когда со Стасом о нашей встрече договорилась. Теперь мне к Димке точно возвращаться нельзя. Убьёт совсем.

До области добираемся быстро. Лерка безмятежно спит, а я сижу и боюсь пошевелиться, чтобы не разбудить, хотя ног уже не чувую. Несколько раз звонит генерал, смеётся, что шикарные мальчишки требуют маму к телефону. Но каждый раз я прошу передать шикарным мальчишкам, что мама спит.

Только заехав в область, мы останавливаемся. И останавливаемся не на трассе, а свернув в просеку, в сторону воинской части. Всем нужно размять ноги и сходить в туалет. Как только машина останавливается, Лера открывает глаза.

– Моя девочка пойдёт в туалет? – спрашиваю у неё, лишь только водитель дверь за собой закрыл.

Лера сканирует глазками лесопосадку и отрицательно качает головой.

– Нет, но из машины выйти хочу. Всё тело затекло. Поможешь?

Выхожу из машины, обегаю её и помогаю Лерке. Из машины генерала ребята помогают выбраться мальчишкам, и мелкота бежит к нам. Андрей обнимает ноги Леры, прижимается к ней, а она гладит его по вихрастой голове. Мальчишка выбалтывает всё о генерале. А Мирон забирается ко

мне на руки и тихо шепчет:

– Дядя Андрей, маме больно очень и нам было больно.

Прижимаю мальчишку к себе и шепчу в ответ:

– Больше не будет, Миронушка. Теперь вы со мною будете, – пытаюсь отвлечь ребёнка от мыслей не детских, а самого изнутри разрывает на части, что же у них произошло. – Пойдём в туалет. Ты писать хочешь?

Мальчишка кивает и пытается слезть с рук. Опускаю его на землю. Мальчишки бегают по дорожке, а Лера вдруг спрашивает:

– Андрей, Мирон с тобой разговаривает?

– Да, – утвердительно отвечаю, окончательно ничего не понимая, ведь мальчишки прекрасно говорят и Мирон не исключение.

Лера чуть не падает, хватает меня за руку и упирается лбом мне в грудь. Лишь немного успокоившись поясняет:

– Он всё это время молчал, словно голос свой услышать боялся. Хочет что-то сказать и ручонками рот закрывает. А в глазках слёзы застывшие.

– Всё хорошо будет, милая, – целую Лерку в висок, а она на меня глазки поднимает. – Лерочка, постой одна, милая, Мирон в туалет хочет. Боюсь забегаются и забудет. Нам ещё как минимум часа три ехать.

Лера остается стоять у машины, руки на неё положив, как на дополнительную точку опоры, а я иду с мальчишками дела наши мужские делать. Отдохнув и размявшись, садимся по

машинам, чтобы продолжить движение.

– Андрей можно я с другой стороны сяду, у меня этот бок уже очень болит. Пусть для симметрии и другой болеть будет, – смеётся Лерка.

Усаживаемся и она сразу ложится, закрывает глазки.

– Можно я дальше спать буду? – спрашивает.

– Спи, моя девочка, спи.

К коттеджу подъезжаем, когда уже смеркаться начинает. На территорию въезжаем, закрываем ворота и лишь тогда из машин вылезаем. Лера снова просыпается, как только машина останавливается. Андрейка из машины выбирается быстро, а вот генерала и Мирона долго нет. Подхожу к машине генерала, а Мирон спит на руках у Николаевича.

Беру на руки Мирона и несу в дом. Следом идут Лера и шеф.

– Лера, если хоть сотая часть того, что мальчишки рассказывают, правда, я сам лично этих уродов пристрелю и в лесу закопаю. Как ты выжила, девочка?

– Ради них и выжила, а ещё к полковнику очень хотела прижаться. Люблю его сильно.

Я улыбаюсь. Меня любят! Лерка любит меня!

Глава 12. Лера

Машина останавливается, и я открываю глаза. Проспала всю дорогу. За все бессонные ночи выспалась, даже в кредит сон взяла. Андрея использовала вместо подушки. Спала так сладко, даже сны какие-то цветные видела. Вот только не помню, что снилось. Замечаю, как Андрей руку с моего живота убирает и мне сразу холодно становится. Значит его рука там давно лежала. И улыбаюсь этому.

Уже сумерки. Рассмотреть территорию сложно. Только подъезд освещён и то не очень ярко. Вижу стоянку для автомашин большую. Три внедорожника, что одновременно приехали, на ней свободно разместили. Под ногами мощёная плитка. Впереди коттедж большой, даже огромный, и очень красивый снаружи. Два этажа, на цокольном этаже гараж, наверное, ворота закрыты. Вдали ещё какие-то строения. Вокруг забор высокий. Охрана у ворот. Генералу честь отдают. Не хило. Так мы что, на дачу к генералу приехали?

Андрей помогает мне вылезти из машины, а сам спешит к машине генерала, в которой мои мальчишки ехали. Андрейку из машины извлекают, на ноги ставят, и он ко мне бежит.

– Мамочка, мы приехали? Теперь здесь жить будем? Дедушка-генерал сказал, что он наш сосед, у него сын есть, Тимой зовут, но он сейчас отдыхает где-то, скоро приедет. И мы с ним друзьями будем.

Андрейка в своём репертуаре, сто слов в минуту, я даже информацию переваривать не успеваю. Андрейка берёт меня за руку и в сторону дома тащит.

Андрей-старший Мирона на руку берёт. Спит мой маленький. Генерал из машины вылезает и ко мне подходит.

– Умаялся малец в дороге. У Вас прекрасные мальчишки, разговорчивые и очень сообразительные. Вас сильно любят, – говорит он, а сам меня взглядом любопытным ощупывает, но взгляд приятный, ласковый.

Осторожно осматриваю генерала. Статный такой, не старый, лет пятьдесят, может чуть больше. Я вроде бы его в сентябре у гостиницы видела.

– Это точно. Я их тоже люблю, они моя жизнь, – ни капельки не смущаясь отвечаю я.

– Нас с Вами ещё никто не познакомил. Григорий Николаевич, теперь Ваш сосед по этой маленькой даче, – смеётся генерал. – Мой коттеджик по соседству стоит, поскромнее немного. Для соседей я просто Григорий. Андрей Николаевичем зовёт, но я не люблю помпезности, чем проще, тем лучше.

– Валерия, а лучше Лера, – в свою очередь представляюсь я. – Мне так больше нравится. И на «ты» если можно. С друзьями не люблю выкать.

Вижу, как на крыльцо мои родители выходят, и широко улыбаюсь. Как я рада, что они тоже здесь. Мне привыкать проще будет. Андрейка их замечает и несется к ним со всех

ног, с криком диким и радостным:

– Бабушка!.. Дедушка!.. Я приехал!..

Андрей несёт Мирона, хотя Мир и проснулся, но с рук Андрея слезать не хочет. Я уверена, что Мирону с Андреем хорошо будет. Лучше, чем с родным отцом.

Из задумчивости меня генерал выводит.

– Лера, если хоть сотая часть того, что мальчишки рассказывают, правда, я сам лично этих уродов пристрелю и в лесу закопаю. Как ты выжила, девочка?

– Ради них и выжила, а ещё к полковнику прижаться хотелось. Люблю его сильно.

– Не выдам тайны большой, если скажу, он тебя тоже любит. Извёлся весь от неизвестности. Почему не позвонила?

– Телефон муж отобрал. А если звонить разрешал, то сам постоянно рядом сидел и весь разговор слушал. Вот только вчера смогла Стасу согласиём на встречу ответить, якобы копии документов нужны для работы.

Не успеваю по ступенькам подняться, как в объятия родителей попадаю. Мамуля слёзы радости смахивает. Целую одного и другого. Мы бы, наверное, вечность так в обнимку стояли, но рядом заботливый голос Андрей раздаётся:

– Пойдёмте в дом. Ветер с залива прохладный, а мы из машины тёплой только вылезли и куртку свою там оставили. Да, Лера? – и на меня внимательно смотрит, слегка улыбаясь.

Только сейчас замечаю, что на мне куртки нет, я в одном лёгком джемпере.

– Да, полковник, – утвердительно отвечаю своему мужчине.

Заходим в дом. Здесь очень просторно и света много. В столовой стол большой накрыт. Две женщины все расставляют. К ним мамуля спешит, помогает что-то, а может мешается. Я ещё не поняла.

Андрейка около бабушки вьётся, рассказывает или спрашивает что-то, а вот Мирон от Андрея-старшего не отходит, крепко за руку держит.

Мужчины, что с нами приехали, тоже заходят в дом. Получается немного шумно.

Андрей подходит ко мне, обнимает бережно.

– Лерочка, с Николаевичем познакомилась? – спрашивает он, а я глазами генерала ищу, он уже с моим отцом общается, с которым я лишь поцеловаться успела.

– С Григорием? – уточняю я. – Познакомилась. И кучу вопросов потом тебе задам.

Андрей целует меня в щёчку и на ушко шепчет:

– Я на все с удовольствием отвечу. Пойдём, своим тебя представлю.

Подходим к мужчинам, что на террасе стоят, курят и о чём-то весело беседуют. Окидываю их взглядом, улыбаюсь, а Андрей представляет меня:

– Ребята, как и обещал, знакомлю. Это хозяйка данного коттеджа, моя будущая жена и самая любимая женщина. Зовут Валерия.

Я не могу не исправить Андрея:

– Лучше, если Лера. От Валерии воспоминания не хорошие.

Идём в столовую. Андрей руку на талию мне кладёт, а я боли не чувствую и это меня радует. Хоть какой-то участок тела болеть перестал.

Ужинаем одной большой компанией. После ужина мужчины быстро собираются и уходят, поблагодарив за ужин. В доме с нами только генерал остаётся. В его лице Мирон себе ещё одного защитника нашёл. Генерал с моим папой о чём-то весело беседуют, сидя в креслах в гостиной, а Мирон на коленях у него сидит и глазки трёт.

Андрей маме моей что-то рассказывает, почувствовав мой взгляд, быстро подходит и обнимает бережно.

– Лера, мальчики устали. Пойдём, поможешь их спать уложить, – нежно шепчет он мне на ушко, а я плавлюсь от его голоса и чувствую, как ко мне жизнь возвращается, снова дышать полной грудью хочется.

– Пошли. А потом ты мне дом покажешь. Хозяйкой назвал, а я даже не представляю, чего я хозяйка, – смеюсь ему, а он носик мой целует. Блин, как это приятно...

Андрей зовёт старшенького, а я к Мирону подхожу, на корточки перед ним аккуратно присаживаюсь.

– Мир, пойдём спать, милый, – по глазкам нежным вижу, он согласен, но вдруг он головой отрицательно машет.

– Я с дедушкой-генералом спать пойду, он обещал.

– Извини, Лера, я действительно обещал. Укладывайте их, а я мальчикам книжку на ночь сам читаю, – говорит Григорий, а я понять не могу, что происходит... Генерал с нами живёт или у него свой коттедж?

– Пойдём Мирон, нужно носик на ночь умыть, – говорю я и беру мальчишку за руку.

Спрыгнув с колен генерала, Мирон ручонку выдёргивает и к Андрею-старшему бежит, на руки к тому забирается. Догадываюсь, в этих двух мужчинах мой сын защиту нашёл. Становится горько и обидно от мысли, что я своих крох защитить не смогла.

Поднимаемся вчетвером на второй этаж. В холле горит приглушённый свет. Андрей распахивает дверь в одну из комнат и включает верхний свет, яркий:

– Сегодня спать будете здесь. Вдвоём на одной большой кровати. Потом комнату переоборудуем под детскую, – и на меня смотрит, словно оправдываясь, добавляет. – Извини, не успел подготовиться.

Я осматриваю комнату. Посреди большая кровать, явно семейное ложе, прикроватные тумбочки. Из комнаты ещё две двери куда-то ведут.

Андрей помогает мальчишкам раздеться. Мне отведена роль зрителя за происходящим. А мой мужчина с мальчишками возится и мне рассказывать всё успевает, отвечая на все мои вопросы незаданные:

– Это спальня моих родителей. Рядом две комнаты. Папин

кабинет и мамина гардеробная. Я решил, что мальчишкам удобно будет. В центральной комнате игровую сделаем, а в боковых – спальни. У каждого своя. Я на мебель предварительный заказ уже оформил. Нужно только твоё «одобрямс» получить, – смеётся Андрей.

Мы вместе купаем мальчишек, вернее он их купает, а я наблюдаю и подсказываю. Облачаем ребят в пижамки и они, ничего не сказав нам, срываются с места и летят на первый этаж, желают всем спокойной ночи. Возвращаются к нам, но не одни. Генерала с собой прихватили. Сказку на ночь читать.

– Николаевич, да я бы почитал, – ухмыляется Андрей.

– Успеешь ещё. Сегодня я почитаю. Я у вас сегодня переночую. У них в комнате, – и кивает головой на мальчишек. – Леркой своей занимайся, – улыбается Григорий.

– Хорошо. Спасибо. Сейчас постельное принесу.

Андрей уходит куда-то и через пару минут возвращается с постельным бельём. А я всё это время стою, как дура, посреди комнаты, и сыновьями своими люблюсь, наблюдая как они на кровати большой устраиваются. Я окончательно ничего не понимаю. Что происходит? Нам что-то угрожает или генерал так нам помогает?

– Пойдём, Лерочка. Сегодня у мальчишек нянька хорошая, – Андрей обнимает меня и из комнаты выводит.

В дверях оборачиваюсь, желаю всем спокойной ночи, а мне в ответ дружный хор голосов с таким же пожеланием.

Андрей дверь в спальню плотно закрывает и меня к себе аккуратно притягивает, целует нежно.

– Давай, я тебе дом покажу. Или спать пойдём?

Я не совсем понимаю сколько времени, но спать мне ещё не хочется. В дороге выспалась. Соглашаюсь на экскурсию.

– Лера, это коттедж моих родителей. Отец купил его для большой и дружной семьи, когда я ещё в школу ходил. Только вот большой семьи не получилось. У нас с Яной детей не было. Она не хотела. Да и сюда приезжать ей в тягость было. Давай с первого этажа начнём, – предлагает Андрей.

Спускаемся на первый этаж. В гостиной мама с папой телевизор смотрят.

– Вы хорошо устроились? – спрашивает их Андрей. – Мои ребята Вас не очень напугали?

– Спасибо, полковник, твои ребята очень деликатные и обходительные. Помогли устроиться, – доброжелательно отвечает отец, видно, что доволен. – Я здесь осмотрелся немного днём. Большая территория. Родительская дача?

– Да. Родительская. Они последние лет пять здесь жили. Даже зимой в Питер возвращаться не хотели, пока бату инсульт не свалил. Вы с домом познакомились? Я вот Леры экскурсию провожу, в самом начале пути. Присоединиться не хотите?

– Нет, спасибо, мы с отцом уже осмотрели владения. Знакомь Леру, – мамуля как-то загадочно улыбается.

И Андрей увлекает меня по лестнице вниз, так мило за-

маскированной за дверью.

– Лерочка, здесь самое интересное, что можно тебе показать, так это сауна и бильярдная, а ещё спортивный зал и тренажёры.

Он показывает, а в поле моего зрения шведская стенка падает и меня начинает дрожь сильная бить. Понимаю, что успокоиться не могу. Андрей это замечает, к себе прижимает.

– Тиш-ш-ш... Лерочка, всё хорошо. Такое больше в твоей жизни не повторится. Мальчишкам, как понимаю, тоже лучше пока не показывать?

Я молчу. Они дети, быстрее кошмар забыть должны.

– Сауну мы опробуем, как только врач добро даст. Лера, я на завтра с врачом договорился. Он к нам в гости придет, и вы с ним поговорите. И тебя, и детей врач должен осмотреть. Это не обсуждается, милая. Мне важно, чтобы с вами всё хорошо было, – Андрей мне даже возразить не даёт, поцелуем рот закрывает.

Целует нежно так, а у меня от нежности этой слёзы на глаза наворачиваются.

– Теперь пойдём на первый этаж, – и по дороге объясняет. – Если заметила, здесь три выхода: парадный, через который мы зашли, с тыльной стороны, через кухню и через гараж. На первом этаже есть гостевая спальня. В ней разместились твои родители. Это кабинет или библиотека, – распахивает он следующую дверь. – Как хочешь называй. Если

удалённо будешь работать, то кабинет для тебя переоборудуем. Ну, кухню-столовую и гостиную ты уже видела. Порядки в них завтра проверишь. Еще две спальни для домработниц. Дом большой, у мамыли домработница была, по хозяйству помогала. Нам няня нужна будет.

Мы подходим к лестнице на второй этаж, я делаю шаг вперёд, а Андрей снова меня к себе аккуратно прижимает и целует нежно. У меня голова кружиться начинает, то ли от его поцелуев, то ли от того, что голова вверх запрокинута постоянно. По-другому в глаза моему мужчине заглянуть не получается, даже стоя на две ступеньки выше, я ниже его.

– Ничего поменять не хочешь? Всё нравится? – спрашивает, немного отстраняясь Андрей.

– Ничего, – говорю я. – Мне всё безумно нравится, особенно когда ты рядом.

Что можно поменять, если счастье через край переливается, всё кругом затапливая. Я же ничего не вижу толком, просто расположение комнат запоминаю.

– Андрей, а кто те две женщины, что сегодня на стол накрывали, – интересуюсь я.

– Это помощницы по хозяйству, у Николаевича работают. Он их попросил сегодня нам помочь. А то бы голодные остались, – смеётся Андрей. – У нас тоже будут. Я не хочу, чтобы ты такой огромный дом сама убирала.

– Хорошо, но только убирать разрешу. Готовить сама буду, – соглашаюсь я и на Андрея смотрю.

А он так ехидненько улыбается:

– Посмотрим. Пошли на второй этаж?

Киваю в знак согласия, а сама боюсь. Хочу его до сумасшествия, но только не знаю, как. Ещё не придумала. Ведь на спине лежать даже спокойно не могу. Больно очень. На боку только недавно спать научилась. Если только...

– Ты о чём это таком думаешь, Лера?

– О чём? – переспрашиваю я. – О чём я думаю?

Мне интересно стало, он то откуда знает?

– Лера, я твои пошлые мыслишки даже озвучивать не хочу, – смеётся Андрей.

– Ну, ведь попробовать можно, – предлагаю я.

– Попробуем и не так, но позднее. А сегодня спать, милая. Тебе отдых нужен.

Заходим в комнату, и я тихо обалдеваю. Такие спальни я только на картинках видела. Огромная кровать с высоким кожаным изголовьем, прикроватные тумбочки, будуарный столик, комод, пуфики. Мебель явно на заказ сделана.

– Это мой тебе подарок за то, что моей стать согласилась. Люблю тебя безумно, Лерка. Ты моя, только моя, – и снова губ моих касается в нежном поцелуе, но отстраняется быстро. – У нас своя ванная и гардеробная. На этом этаже ещё три комнаты есть, но они пока без назначения. Нравится?

– Безумно...

Я даже свой восторг скрыть не могу. Направляюсь в ванную. Очень хочется с себя усталость смыть и под ласкающей

струей воды постоять. Мне после душа всегда лучше становится, водный массаж помогает. Раздеваюсь, воду настраиваю. Дверь открывается, и Андрей заходит.

– Я не разрешала, – возмущаюсь я.

– Лера, а я и не спрашивал. Я заметил, у тебя голова часто кружится. Я рядом побуду, – отвечает он и глаз с меня не сводит, моё тело своим взглядом как сканером сканирует. – Лерочка, чем тебя били?

– Андрей, потом. Не хочу сейчас... Пожалуйста...

Он понимающе кивает, помогает мне под струю воды встать, придерживает. А когда я под струю воду встаю и непроизвольно стон наслаждения с губ слетает, он из ванной выскакивает, с его губ другие звуки срываются. Но возвращается быстро. В руках махровое полотенце большое приносит и на полотенцесушитель вешает. Андрей помогает мне мыться, моет меня руками, нежно гель по телу распределяя. И когда я, накупавшись вдоволь, выйти из душа готова, он воду отключает и полотенце мне на плечи набрасывает, а оно тёплым оказывается.

– Маленькая, тебя отогреть нужно. Иначе долго эта боль не пройдёт.

Я ему руки на плечи кладу и поцеловать хочу, а он на руки берёт неожиданно. Я рот открываю, возмутиться готовая, что больно мне. Но... Боли нет, если только чуть-чуть. Я удивляюсь даже.

Андрей меня на кровать аккуратно кладёт.

– Устраивайся, милая, засыпай. Я в душ.

– Андрей, принеси мне стакан воды. Я ночью иногда пить хочу, – прошу я, а он улыбается, а взгляд серьёзный такой, словно что-то очень важное для себя решает.

– Сейчас, – и уходит.

Я засыпаю быстро и даже не слышу, когда Андрей возвращается. Сквозь пелену сна только чувствую, как кольцо рук вокруг меня сомкнулось и моей спине тепло стало.

Глава 13. Андрей

Понимаю, что уснуть не смогу. Приношу Леры стакан воды, ставлю на тумбочку рядом с кроватью. Скольжу по моей Лерке взглядом. Мой маленький нежный комочек уже спит, личико такое милое, расслабленное, на губках улыбка нежная затерялась. Хочется под одеяло нырнуть, её в своих объятиях сжать. Но...

Внутри всё рвётся на части, срываюсь с места и в тренажёрку сбегая. Только там сейчас успокоение найти смогу. В таком состоянии мне теперь находиться нельзя. Она сразу почувствует.

До одури колочу грушу боксёрскую, словно это она провинилась, а не тот, кто мою женщину обидел. Не знаю, сколько времени я здесь нахожусь, успокоение приходит с усталостью. Ноги держать перестают. Обхватываю грушу и пытаюсь отдышаться.

Иду в душ. Встаю под холодную воду. Как только сообщать начинаю, растираюсь полотенцем и на часы смотрю. Три... Набираю смс-ку Фролову и прошу завтра жену с собой прихватить. Она хороший детский психотерапевт, лучший в округе. Уверен, с мальчишками всё хорошо, но помощь им нужна психологическая.

По дороге к себе в детскую заглядываю. В комнате ночничок работает, подхожу к кровати мальчишек. В дверях гене-

рал нарисовывается.

– Чего не спится? – спрашивает он.

– Не смог уснуть, на груше пар спускал. Мышцы плотные, отбитые все, но на теле ни синяка, ни ссадины, – тихо отвечаю.

– Садисты. Андрей, мальчики спят беспокойно, Мирон вскрикивает во сне часто.

– Спасибо. Завтра Игорь с Ириной приедет, расскажу.

– Иди к Лерке, своим теплом отогревай, – говорит генерал, выпроваживая меня из детской.

Иду к нам в спальню. Моя Лерка даже не повернулась за это время. Рядом аккуратно ложусь и к спине её прижимаюсь, обнимаю, а сам замираю, боюсь стон её услышать. А она шепчет чуть слышно:

– Пришёл... А я решила, что сбежал от меня, – и руку мою своими пальчиками поглаживает и снова засыпает, если вообще просыпалась.

Целую её затылок.

– Моя ты, Лерка...

Просыпаюсь от того, что холодно становится. Лера от меня отодвинулась и из-под одеяла вылезла. Вода в душе шумит. Её долго нет. Внутри почему-то всё леденеет.

Не выдерживаю долгой разлуки с её кожей и к ней иду. Лерка под душем стоит, мурлычет себе под нос что-то. А у меня пожар разгорается. Хочу. Её хочу. Сил нет терпеть.

Глаз от её тела оторвать не могу. Никогда такого совершенства не видел. Б...ь, в голове слова Янки про отпечаток беременности звучат, про обвислую грудь, про растяжки и ещё про кучу всякой бредни. У Лерки ничего этого нет! Как?! Словно и не рожала двоих...

Глаза поднимаю, а Лера на меня смотрит.

– Андрей, что происходит? – спрашивает она, а сама до полотенца дотянуться пытается. – Ты чего так на меня смотришь?

Молчу, словно язык проглотил. Беру полотенце и её укутываю. И на кровать несую.

– Ты почему сбежала? Не уходи от меня...

– Андрей, нужно завтрак мальчишкам приготовить. Они проснутся скоро.

А я нагло её не отпускаю и целую. Не надыхался я ею за ночь.

– Там есть кому завтрак приготовить. Целый генерал и твоя мама.

И только сейчас замечаю, Лера на спину повернулась и меня обнимает за шею. В глаза любимой заглядываю и её мысли пошленькие читаю. Смеюсь.

– Нет, Лерка, нет. Так не будем. Я по-другому хочу и потерпеть немного готов.

Лера краской заливается от смущения.

– Полковник, не копайся в моей голове. Там живут только мои мысли, – смеётся в ответ.

Глава 14. Лера

Утром просыпаюсь от того, что выспалась. Лежу и вспоминаю вчерашний день. И мысли дикие в голове роятся. Точно знаю, Димка меня уже ищет. Ему, наверное, ещё вчера сообщили, что моя машина на стоянке у парка стоит, пулями изрешечённая. Вспоминаю, хлопки жуткий за спиной. Так машинку жалко становится. Моя любимая ауди, беленькая. Вдруг волной паника обдаёт. В машине ведь кое-какие вещи детские были, в дорогу приготовленные. Потом успокаиваюсь. Я из машины ведь всё забрала и сумочку дамскую с документами тоже. Остальное ерунда. А телефон мой где? Я его в машине оставила? Или он в сумочке? И ещё куча вопросов в голове роится.

Приоткрываю глаза. Андрей рядом. На всё остальное мне наплевать сейчас. Я с ним рядом, в его объятиях всю ночь проспала. В сладких объятиях. Он всю ночь меня обнимал?

Только сейчас замечаю, я на спине лежу. И мне не больно почти. Мой организм рядом с ним заново возрождается и жить хочет. Он моё спасение, моё лекарство, моя жизнь! Люблю его безумно.

Ещё лежу какое-то время. Мечтаю... Потом голос мамы слышу, она с моими мальчиками разговаривает. Они щебечут что-то, а она им объясняет, что мама спит ещё и будить её нельзя. Мне так приятно. Меня здесь все любят и обо мне

заботятся.

Полежав ещё немного, целую Андрея с щёку колючую и тихо выбираюсь из его объятий. Мой полковник не просыпается, только улыбка губ его касается, и ямочка на волевом подбородке проявляется. Люблю его!

Иду в душ. Вода нежно ласкает кожу. Мне так хорошо! Я просто счастлива! И моё счастье через край переливаться начинает. Сама не знаю, как это у меня получается, никогда в душе не пела, а здесь запела. Пою себе под нос, чтобы никто не услышал, и чтобы полковника не разбудить.

И вдруг замираю, на себе взгляд почувствовав. Поворачиваю голову и Андрея вижу. В дверях стоит, на меня изучающим взглядом смотрит, словно изъяны во мне ищет. Потом улыбка его лицо освещает. Не нашёл значит.

– Андрей, что происходит? – спрашиваю. – Ты чего так на меня смотришь?

Полотенце взять пытаюсь, не вылезая из ванной, чтобы на плитке не поскользнуться. А он молчит, но движение моё перехватывает, полотенце берёт и меня в него укутывает. На руки, как вчера, поднимает и в кровать снова несёт.

– Ты почему сбежала? Не уходи от меня... – шепчет мне на ушко.

А я и не хочу никуда от него уходить. Так бы и лежала с ним рядом. Но нужно же хоть какое-то правдоподобное оправдание найти своему бегству в душ и отвечаю:

– Андрей, нужно завтрак мальчишкам приготовить. Они

проснутся скоро, – лукавлю я.

Андрей не отпускает меня и целует, словно не надышался рядом со мной за ночь.

– Там есть кому завтрак приготовить, – отвечает.

Я в его объятиях нежных устраиваюсь и шею его могучую руками своими обвиваю. А в голове такие мысли пошленькие появляются. Хочу быть его. Сейчас хочу. Остаётся только придумать как... Андрей в глаза мне заглядывает и смеётся:

– Нет, Лерка, нет. Так не будем, – словно мысли мои читает. – Я по-другому хочу и потерпеть немного готов.

Краской смущения заливаюсь. Как ему удаётся мысли мои читать? Он у всех мысли читает или только у меня? Жуть какая, как с ним рядом находиться.

– Полковник, не копайся в моей голове. Там живут только мои мысли, – смеюсь в ответ и губки для поцелуя подставляю.

Андрей целует меня, потом от губ моих отрывается и на часы смотрит.

– Лерчик, давай вылезать из кровати. Сейчас Фроловы приедут. Это мои друзья. С ним ещё со школы дружу. Игорь врач великолепный, сама поймёшь. А жена его, Иринка, психолог детский и психотерапевт. Тоже умница, каких не сыскать. Специально попросил с ней приехать. Мальчишкам точно психологическая помощь нужна. Николаевич сказал, что мальчишки спят беспокойно, Мирон во сне вскрикивает.

Смотрю на него обалдело. Когда он всё это успел? Ведь спал же рядом... Или это я так крепко спала и ничего не слышала? Загадка...

– Лера, пошли, гардеробную покажу, – и увлекает меня к двери, что по соседству с ванной находится.

Захожу и обалдеваю, замерев на пороге. Он основательно к моему приезду подготовился. Тянусь к костюму спортивному, тёплому и белому.

– Лера, я кое-что купил на первое время. Завтра в Питер поедем, купим всё, что необходимо. И тебе, и детям.

Я одеваюсь под его пристальным взглядом, в спальню выхожу. В зеркало смотрюсь. Я совсем другая в этом зеркале. Счастливая и довольная. Волосы расчёсываю и в узел тугой на затылке закалываю.

Андрей одеться успевает, пока я в облаках летаю. Подходит, обнимает, к себе притягивает и целует в макушку, глубоко воздух в себя вдохнув.

– Сладкая моя, пойдём завтракать.

Ближе к обеду друзья его приезжают. Очень приятная пара.

Он высокий брюнет с тёплыми, улыбающимися глазами. При встрече руку мне целует и взглядом своим сканирует. Словно книгу раскрытую читает.

Ирина, миниатюрная шатенка, немного пухленькая, с приятным голосом, к себе располагающим. Она с детьми

знакомится, сразу общий язык с моими мальчиками находит, и ребята её к себе в комнату приглашают, игрушки показывать. Она улыбается нам, как бы извиняясь, и с детьми уходит.

Мы же в кабинет заходим. Игорь у меня всё расспрашивает, просит раздеться до пояса, слушает, осматривает всё внимательно. А затем просит Андрея нас одних оставить. Андрей так на него смотрит сурово, челюсти сильно сжав, уходит явно не хочет.

– Андрюх, мне твоя женщина не нужна. Мне своей хватает. Ты просил её посмотреть и помочь. Извини, друг, не при тебе же. Постой за дверью, покарауль, чтобы к нам никто ненароком не зашёл.

Андрей всё же уходит. А Игорь начинает мне вопросы неудобные задавать. Пока я на них краснея отвечаю, он стол освобождает от бумаг и на него простынь белую кладёт.

– Лера, раздевайся и ложись. Ножки в коленях согни и за щиколотку руками возмись. Я предлагал Андрею ко мне в центр приехать, но он отказался. Поэтому здесь и так.

Меня волной смущения и гнева захлёстывает. И к Андрею, и к Игорю.

– Лера, я сколько себя помню, как только академию закончил, так сразу стал домашним доктором Андрюхи и его родителей. Если он здоровый, как бык, то вот родители уже в возрасте были. Он у них поздний ребёнок. Я столько литературы прочитал, столько всего перерыл, лишь бы мордой

в грязь перед родителями друга не упасть. Вот с тех пор и стал их домашним доктором. Всё лечил. И гастрит, и сердце Виктора Алексеевича. И панкреатит, и миому у тёти Маши. В командировку на полгода уехал и с Виктором Алексеевичем беда случилась, а тётя Маша следом ушла, без него жить не захотела, не смогла победить одиночество, хотя Андрия постоянно рядом был.

Я смотрю на Игоря не отрываясь. Не совсем понимаю, зачем он мне это рассказывает.

– Это я так. Для общего сведения. Чтобы ты поняла, что мне доверять как доктору можно.

Игорь достаёт необходимый инструмент. Я всё же раздеваюсь и сажусь на край стола.

– Давай помогу. Подожди секунду, – и он на стол под мою спину плед с дивана стелет. – Вот так давай.

Раздаётся требовательный стук в дверь.

– Нет, – рявкает Игорь.

И его голос грозный, и прикосновения нежные в резонанс входят.

– Не терпеливый друг у меня, – смеётся Игорь. – Подождёт.

Он внимательно осматривает меня, задаёт ещё пару вопросов неудобных и помогает мне со стола слезть. Я одеваюсь, а он за дверь выглядывает. Андрея зовёт. Это так быстро происходит, что я не успеваю Игоря попросить, чтобы он Андрею лишнее не говорил. Увы и ах, называется. Но всё же

надеюсь на соблюдение врачебной тайны Игорем.

Глава 15.

Думал изведусь за время, что моя Лера и Игорь в кабинете одни находятся. Все эти минуты мне вечностью кажутся, под дверью стою и каждый звук за ней ловлю. Что я хочу услышать? Или чего не хочу? Сам не знаю. Не выдерживаю, стучусь и готов уже дверь открыть, в кабинет войти. Но из-за двери рычание Игоря слышу. «Нельзя», – рявкает мой друг. Это меня немного отрезвляет.

Что я в самом деле, как маленький? Игорь толковый врач и прекрасный друг. Сейчас Леру осмотрит и всё расскажет. Очень переживаю за свою девочку.

– Заходи, – слышу долгожданное, другом сказанное.

Влетаю в кабинет и сразу к Лерке, а охапку заграбастать срочно нужно, руки скучают без неё. Она спиной ко мне поворачивается.

– Вот так и ходите теперь, – смеётся Игорь, а потом серьёзно добавляет. – Своим теплом её тело тебе отогреть придётся, Андрей. Это пока лучшее, что придумать могу. Завтра жду Вас у себя. Кое-какие анализы сделать нужно будет. Поэтому обязательно.

Игорь замолкает, думает. Я Лерку в макушку целую. Девочка моя сладкая. Игорь наблюдает за нами.

– Ограничений никаких. Живите в своё удовольствие. Только аккуратно, Андрей, со своей миниатюрной женщи-

ной, не раздави ненароком, – смеётся Игорь, а мне его придушить хочется. Лерка краснеет и улыбку на губах прячет.

– Отвали отсюда. Мы сейчас придём, – рычу другу и глазами на дверь показываю.

Он понимает и быстро уходит, прихватив с собою чемоданчик докторский. А я к Леркиным губам припадаю, таким манящим и сладким. Мне этот поцелуй, как допинг нужен, иначе не смогу рядом с ней находиться. Целую свою милую. Утолив жажду, отрываюсь от неё, а она глазками шаловливыми на меня смотрит, из объятия выскользывает, к столу подходит. Порядок прежний наводит. А потом так соблазнительно через стол наклоняется и к ящику стола тянется, чтобы закрыть его, попку мило отставив.

Я тут же рядом оказываюсь, руки на её бедра кладу, наклоняюсь над ней и в ушко милое шепчу:

– Вот так и займёмся, коль доктор благословил. Только вечером, когда детей спать уложим. А сейчас пошли милая. Нас уже ждут.

Три дня проводим вместе. Вместе просыпаемся, вместе проводим день, вместе в душ, с детьми тоже вместе, спать только вместе. Лерка даже не отходит от меня ни на шаг.

Несколько раз в магазины выезжаем. Один раз мальчишкам за игрушками и за одеждой, которую Лера из квартиры не прихватила, один раз свою красавицу по бутикам заставил прогуляться. Она ведь практически ничего своего не взяла.

Завтра мне на службу. А я уже сейчас на взводе весь. Как я смогу так долго без Лерки обходиться. Целый день не увижу. Целый день она без меня будет.

Мальчишки быстро в доме и на территории осваиваются. Чтобы гости непрошенные на территорию не прошли, собак из вольера выпускаю. Мальчишкам объясняю, как себя вести. Они смышлёные, всё понимают. Да и собаки отдрессированы так, что за пацанов в любого мертвой хваткой вцепятся.

Родители у Лерки классные. Нам не мешают. Всячески освобождают и ограждают нас от дел домашних. Отец целыми днями с внуками играет, гуляет, книжки читает. Мама на кухне хозяйничает. Готовит Елена Витальевна изумительно, пальчики оближешь.

За эти дни успеваем детскую оборудовать. У Леры вкус обалденный, тонкий очень. В игровой разные зоны, всё как положено. А вот спальни у мальчишек разные. Каждый из них мебель для себя сам выбирал. У Андрея всё строго, а вот у Мирошки вместо кровати лодка и светильники на стене на звездное небо похожие.

Андрей всё больше с дедушкой и бабушкой. Мирон тоже с ними, но как только меня видит, бежит опростетью и на руки забирается.

Ирина через день приезжает. С детьми возится, занимается. Потом с бабушкой и дедушкой общается. Нас на закуску оставляет. Психолог одним словом.

Сегодня я её до машины провожаю, когда она домой со-

бирается. На улице ветер сильный и дождь моросит. Поэтому провожать выхожу один, Лерке не разрешаю, боюсь, что простудится. Улучаю момент, про Мирона Ирины рассказываю. Она поясняет мне, недоумку взрослому:

– Он в тебе защиту ищет. Он маленький ещё, ему внимания хочется. От отца ласки не знал, в тебе её нашел. Лаской мальчишек больше, играй с ними, книжки читай, спать укладывай. Пусть заботу и ласку твою чувствуют. Им сейчас именно это необходимо. Потом пройдет.

Ирина в машину садится, дверь закрывает и стекло опускает.

– Андрей, со старшим мальчиком могут проблему возникнуть. Отца он любит, заботу отцовскую всегда чувствовал, поэтому скучает по нему. Сегодня рисовали, так он папу рядом рисует и цвета светлые, яркие. Его сердце и расположение завоёвывать придётся. А Мирон папу вообще отказался рисовать, просто точку в уголке листа черным карандашом поставил. В центре его внимания ты. Тебе нужно научиться своё внимание на двоих делить, ни одного из них не выделяя. Мы с Лерой договорились, что я на неделе ещё к мальчикам заеду. А в выходные вы все вместе к нам в гости пожелуете. Мальчишки с моими ребятами поиграют, а я с вами поработаю.

– С нами? – недоумённо спрашиваю я.

– С вами. У Леры спроси, она тебе всё подробно объяснит. И ещё, будь готов, что Мирон тебя папой назовёт. Он со

мной сегодня желанием поделился. Я ему подсказала, как это сделать можно. Ты же не против? Андрея не принуждайте.

Ирка махнула рукой и укатила. Я под дождём остаюсь стоять, информацию переваривая.

Глава 16. Лера

Андрей на работу уже неделю каждое утро уезжает, мы все дома сидим. Я к работе удалённой вернулась. Из московской фирмы уволилась без объяснения. Пока у Стаса работаю. Ира с Игорем на мои знания претендуют. Уговаривают. У них юрист в декрет уходит. Я пока думаю. Чтобы от Андрея не зависеть нам или в Питер перебраться надо, или мне машину купить.

А так работы не получается. До Питера почти час на электричке ехать. Говорю об этом Андрею. Он согласно кивает, но ничего не говорит. Даёт понять, что услышал. И всё.

Я решаю к этому вопросу ещё раз вернуться, но чуть позднее... Я же упёртая, редко с тропинки своей сворачиваю.

Ближе к вечеру на прогулку с мальчишками выбираемся. В снежки играем. Сегодня первый снег выпал. Лежит, ковром ровным лужайку перед домом укрыл, и не тает. Снег хорошо лепится. Мальчишки на дедушку наступают, а я им снаряды снежные подношу.

Вот за этим занятием нас Андрей и застаёт, с работы приехав. В игру быстро включается, помогает мальчишкам дедушку пленить и домой отправляет всех, дружным строем.

По дороге меня перехватывает, к себе притягивает. Вижу, что соскучился за день, как и я. Ни секунды без него не могу.

Он моё всё. Целует нежно, губки терзает, а потом за ушко прикусывает. Я взвизгиваю от неожиданности и из его объятий крепких вырваться пытаюсь. Андрей подхватывает меня, на плечо забрасывает и в дом вносит.

– Ещё одна пленница доставлена, сопротивлялась, – смеётся он моей маме, которая из кухни на нашу возню вышла.

Ужин проходит весело, а потом мы все вместе в домино детское играем. Я замечаю, что мои мальчики, даже не просят игру компьютерную включить или телефон дать поиграть. У них других развлечений предостаточно.

Андрей уходит на ночь мальчишкам книжку читать, а я, немного посидев с родителями, поднимаюсь в спальню и иду в душ, уже мечтая, что сейчас ко мне Андрей присоединится. Но неожиданно телефонный звонок раздаётся, не дав мне под струю тёплой воды встать. Набрасываю халатик и беру трубку. Дима!.. Дрожащей рукой на соединение нажимаю.

– Да, – говорю я, а у самой внутри всё льдом сковывает. Боюсь его голос услышать.

– Привет, жена. Бегать не надоело? Домой когда?

Голос у Дима строгий и глухой, бесчувственный. Хотя он последнее время со мной именно так и разговаривал, чему я удивляюсь...

– Дима, я совсем ушла... Я не вернусь... У меня теперь здесь дом. И в нём тепло и уютно...

– Значит так, – прерывает меня муж. – Развода не дам, детей вернёшь обоих. Сама можешь не возвращаться, но по-

думаю какво Мирону без тебя будет... если и при тебе ему не сладко было...

Я молчу, сердце остановилось уже, мозг не думает совсем. Не знаю, что и как сказать Димке. Страх сковал меня всю... Я даже не замечаю, как Андрей в ванную заходит, только теплое дыхание за спиной почувствовав, вздрагиваю.

А Димка продолжает:

– Я тебе десять дней даю, чтобы ко мне вернуться. Не вернёшься, пинай на себя. Ни тебя, ни щенка твоего не пощажу, – и отключается.

А я тихо со стоном по стене сползаю... Но руки ласковые меня подхватывают и к телу мужскому, такому сильному и любимому прижимают.

– Тише, милая, тише. Я рядом. Я никому вас не отдам, ни тебя, ни Мирона, ни Андрея. Вы моя семья.

Андрей целует меня, нежно ласкает мою спину, а я отойти от страха за детей не могу. Что теперь будет? Что мне делать?

Весь вечер этим звонком испорчен. Теперь хочу только в норку забиться и не вылезать оттуда.

– Лерка, пойдём в сауну. Я тебя там согрею, – шепчет Андрей. – Там обо всём и поговорим, что тебя тревожит.

Согласно киваю и иду следом за Андреем вниз, в сауну.

В сауне мне действительно становится легче. Горячий воздух согревает, аромат трав успокаивает.

– Лера, завтра с адвокатом встретиться нужно будет. У него есть несколько вопросов к тебе, – говорит Андрей, не

переставая меня обнимать и не давая мне отодвинуться ни на миллиметр от себя.

– С адвокатом?

Я просто шокирована. С каким адвокатом?..

– Лера, я не хочу, чтобы ты в суд ходила. Поскольку Дима против развода, то одним заседанием не обойтись. Вот на последнее и придём вместе. А так, пусть адвокат с твоим бывшим мужем общается.

Пытаюсь возразить, но Андрей мне не позволяет этого сделать.

– Я люблю тебя, Лерка. Люблю и всё сделаю, чтобы ты была счастлива.

Вот как можно ему возражать после этого.

Глава 17. Андрей

В спальню захожу и страх Лерки чувствую. Что случилось с моей девочкой? Что её так напугало в нашем доме?

Открываю дверь в ванную, а Лера, ничего не замечая вокруг, с кем-то по телефону разговаривает. От страха, сковавшего её, даже говорить не может, только губками шевелит. Подхожу ближе и угрозу Дмитрия слышу.

Сволочь, как он смеет так с нею разговаривать, ещё и безопасностью детей запугивать. Но с ним мы позднее разберёмся. Сейчас Лерка важнее.

Спускаемся в сауну. Здесь умудряюсь её отогреть, заставляю её расслабиться, возбуждаю и люблю, в себе растворяя. Самое прекрасное, что она не против всего этого. Она такая податливая, нежная, горячая и отзывчивая. И, лишь только успокоив свою женщину, говорю ей об адвокате, ни словом не упомянув про Дмитрия.

А муж её, с момента нашего отъезда из столицы, носом землю роет в поисках своей жены и детей. Пару дней назад он в Питере появился. До этого момента столицу шерстил, все центры помощи женщинам облазал.

В Питер Дмитрий не один приехал, а с братом и ещё одним мужичком, детективом столичным. Поселился в гостинице нашей, служебной. Мне мои люди сообщили. За эти дни гопкомпания проверила адрес, по которому Лера в сен-

тябрье жила. С моей соседкой поговорили. Бабуля мне перезвонила, всё рассказала, прощаясь со мной добавила:

– Андрей, хорошая женщина и детки у неё хорошие. Если помощь нужна будет, обращайся.

К родителям Леры Димка тоже заявился. Но там пусто, с соседями пообщался. Ничего не узнал и уехал. Пытался матери дозвониться, но не получилось. По моей просьбе они телефоны дома оставили.

Найти сам не смог, решил позвонить и припугнуть. Понимаю, что телефон Леры теперь отследить нельзя. Это невозможно. На телефоне Лерки программа специальная установлена, но всё же решаю подстраховаться.

Звоню Николаевичу и прошу заказать три мини чипа. С мальчиками будет просто, они крестики носят. Вот туда и впаяем. А Лерки ещё подумаю, куда лучше.

У нас на всё про всё десять дней. За это время я должен быть готов. И как на зло, я в командировку на пару дней уезжаю. Как об этом Лерке сказать.

На следующий вечер во время купания, подменяю крестики у мальчишек на новые с чипами, ничем от прежних не отличающиеся. Теперь я точно буду знать, где мальчики.

Лерке дарю колечко. Вот ей объясняю, что снимать нельзя. По нему буду видеть её передвижение.

– Так спокойнее в наше тяжёлое время, – смеюсь я, пытаюсь превратить всё в шутку.

Она шутку принимает, улыбается, за колечко благодарит, а в глазках моей девочки тревога поселяется.

– Лера, я на пару дней в командировку еду. На связи постоянно буду, только не рядом. Николаевич сейчас в отпуске и дома, чтобы не случилось к нему обращайся. Он поможет. Хотя ничего случится не должно, – успокаиваю её и себя заодно, у меня тоже тревога вокруг ходит.

– Андрей, сегодня на домашний телефон женщина звонила. Твоей женой представилась, – как бы невзначай произносит Лера, разбирая постель.

Я напрягаюсь весь. С Янкой мы расстались не безболезненно с её стороны. Она до последнего надеялась, что я передумаю и заявление заберу. Если бы к тому времени я Леру не встретил, может и оставил бы всё, как было. Но! В момент развода я уже Леркой жил, дышал своей девочкой... В качестве отступных я Янке квартиру свою оставил. В ней я с женой лет десять прожил... И в новой жизни мне она не понадобится... Для новой семьи та квартира маленькая. А Яне она нужна. Ведь другой жилплощади у женщины нет. Только у родителей в области. Зачем некогда любимому человеку жизнь усложнять?

– Что она хотела? – спрашиваю.

– Просила передать, что любит и готова за измену простить, и ребёнка родить согласна, если это так для тебя важно.

– Для меня это теперь не важно, – я Лерку к себе притя-

гиваю и губки её нежные целую. – У меня теперь есть два сына. И если мы захотим, то мне моя женщина ещё кого-нибудь родит. Родишь?

Смотрю на Леру, а у неё глазки светятся и личико в счастливой улыбке расплывается:

– Обязательно, вот только с мужем разведусь и замуж за тебя выйду. Возьмёшь?

– Всенепременно, – и срываюсь, в штопор ухожу. Точно знаю, ждёт нас с Леркой ночка сладкая да нежная. Ведь следующие две без неё буду.

Глава 18. Лера

Неделя проходит быстро и, как ни странно, спокойно. Дима больше о себе не напоминает. К концу недели я успокаиваюсь. Может он передумал после разговора с моим адвокатом и откажется от своих угроз.

Мальчишки так привыкли к Андрею, что кажется по нему они скучают больше, чем по мне. Вот только замечаю, что Андрейка называет Андрея-старшего дядей, а Мир вообще перестал его как-либо называть. Но летит к нему навстречу всегда первый. И каждый раз что-то на ушко Андрею шепчет, а тот целует его в щечки. Мирон всегда потом заливисто смеётся.

Спросила у Андрея, но мой мужчина мне не ответил, лишь посмеялся, сказал, что как только Мир привыкнет, мы все узнаем.

Сегодня Андрей с работы смурной приезжает. Вроде бы всё хорошо, улыбается, шутит, с детьми играет, меня целует. Всё так!.. Но чувствуя, что-то не так. Может на работе что-то случилось?.. Как узнать, что произошло?.. Ведь в самом начале наших отношений Андрей попросил про работу не спрашивать, он не хочет эту грязь в дом приносить.

Днём снова звонила Яна, бывшая жена Андрея. Просила в кафе приехать, поговорить.

– Извините, Яна, – я впервые женщину по имени называю,

хотя она мне имени своего не называла, а представлялась уже второй раз женой Андрея, – в кафе я к Вам не приду и говорить нам с Вами не о чем.

– Есть о чём! Вы, дорогуша, две семьи разрушили, думаете на этих обломках построить что-то сможете? Вернитесь к мужу. У детей должен быть родной отец, а не чужой дядя.

Меня её слова больно кольнули. Как она может говорить мне, что я должна делать? Кто она такая?

– Яна, я Вашу семью не рушила. Вы развелись с мужем до моего появления в его жизни. Так что в своих обломках ищите другую причину. А что мне делать с моим мужем, я сама решу. Никого спрашивать не буду.

Я перевожу дыхание. Что ещё сказать этой женщины? И нужно ли что-то говорить?

– Он Вас бросит!.. – кричит в трубку женщина. – Сейчас только наиграется... Неужели Вы не понимаете, ему никто не нужен, кроме его самого и его дебильной работы, на которой он готов дневать и ночевать...

Я прерываю её:

– Вы не правы, Яна. Андрею нужна семья, любящая и заботливая жена, дети, дом, уют...

– Можно подумать у него ничего этого не было, – Яна уже рыдает в трубку.

Сколько злости и негатива выплёскивается из телефонной трубки. Я не хочу этого слушать и решаю прервать разговор, но напоследки всё же говорю:

– Извините, Яна, ему не хватало детей. До свидания, – и нажимаю на отбой.

И вот теперь сижу в гостиной, наблюдаю за вознёй Андрея и мальчишек, и думаю, по сотому разу прокручивая этот разговор в своей голове. А имела ли я права обвинять её в отсутствии в их браке детей? Может на это у Яны были резкие причины?

– Лерка, о чём задумалась девочка?

Я вздрагиваю. Да, я основательно задумалась и не заметила, как ко мне подошёл Андрей.

– Лера, снова звонила Яна? И даже ни капельки не сомневайся, ты всё правильно ей сказала. В нашем с ней браке мне не хватало детей. Она это знала, могла иметь и не хотела.

Андрей пытается поцеловать меня, а я впервые отворачиваю лицо и спрашиваю:

– Андрей, ты у всех мысли слышишь или только мои?

Он смеётся:

– У всех. Это моё проклятие. Вначале было прикольно, потом бесился, затем нашёл золотую середину и слышу только у того, у кого хочу услышать.

– Надо маму с папой предупредить, – смеюсь я и сама целую Андрея.

– Не нужно. Мне нравятся мамины мысли, она во всём права. Вот буквально пару минут назад она думала, что я постоянно вожусь с мальчишками, а должен бы утащить тебя в спальню.

– Врёшь, – возмущаюсь, не веря Андрею, я.

– Проверь, – предлагает Андрей и снова идёт к мальчишкам, теперь собираясь их отвести в кровать.

Подхожу к маме и спрашиваю:

– Мамуля, ты чего хмуришься? Что-то не так?

Она отмахивается, но говорит:

– Вот чего он с мальчишками возится? С ними и дед повозиться может. Мог бы тебе больше внимания уделять.

Я смеюсь, целую и обнимаю мамочку за плечи:

– Спасибо, мамуля, но мне и ночи с ним хватает. И, как только разведусь с Димкой, сразу забеременею и рожу Андрею ребёночка.

– Вот это правильно дочка.

Поднимаюсь на второй этаж, захожу в детскую. Мои мужчины расположились на полу на подушках и слушают сказку в прочтении Андрея, по ролям, как положено. Он прерывается на секунду и, довольно улыбаясь, спрашивает:

– Убедилась?

Киваю головой, целую мальчишек и желаю им спокойной ночи.

Глава 19. Андрей

Мне нужно срочно поговорить с Лерой. Она должна знать. Да, она будет волноваться, но она и так волнуется. Весь вечер сидит тихой мышкой и думки свои тяжёлые думает. Моя милая девочка что-то чувствует. Ничего не зная чувствует. Поэтому и решаюсь ей всё рассказать. Зная, ей будет проще принять правильное решение.

Захожу в спальню, а её нет. Так!.. Это уже интересно... Куда сбежала моя девочка? Спускаюсь на первый этаж. В кабинет дверь приоткрыта, дорожка тусклого света видна. Захожу. Она стоит у окна и в темноту ночи всматривается.

– Нашёл? – обернувшийся на мои шаги, улыбается мне Лерка, но глазки грустные.

– Нашёл.

Подхожу к моей маленькой девочке, беру её милое личико в плен моих рук и целую в носик.

– Лерочка, нам поговорить нужно.

Смотрю в её глазки, а они тут же серьёзными становятся.

– Я знаю. Поэтому из спальни ушла, – тихо говорит она и взгляд отводит.

Мне не нравится настрой моей девочки. Она перестаёт сопротивляться. Внутри неё не чувствую борьбы и решительности не чувствую. Моя Лерка – борец. А сейчас что происходит? Хочу прижать её к себе, а она вдруг отстраняется,

подходит к креслу и садиться. Догадываюсь, что разговор будет тяжёлым. Я чего-то не знаю... Но узнаю скоро. Подхожу и закрываю дверь изнутри. Не хочу, чтобы нам помешали.

– Андрей, я люблю тебя, но детей я люблю больше. Пообещай мне, чтобы не случилось, ты позаботишься о моих родителях и о мальчишках, особенно о Мироне, – на её глаза наворачиваются слёзки.

Чувствую, как разрывается на части её сердце. Что она задумала? Пытаюсь прочесть её мысли, но впервые не могу... Словно заслон внутренний установила.

– Лерочка, ... – хочу сказать, что я смогу её защитить, но она перебивает, не даёт ничего сказать.

– Подожди, Андрей. Дима смс-ку мне прислал, а потом перезвонил и встречу назначил. Мой срок вышел. Я не вернулась домой. Теперь он заберёт меня силой. Меня и детей. Мне не жить в его доме. Меня быстро не станет, я даже сопротивляться и цепляться за жизнь не буду. Детей жалко, родителей...

Она это всё говорит, а её милые щёчки горькие слезы заливают. И здесь я не выдерживаю.

– Лерка, что ты несёшь!? Ты себя слышишь?.. У тебя есть я!.. Меня ты в счёт не берёшь? – я еле сдерживаю гнев, хочется просто заорать на неё, но я лишь грозно рычу, нависаю над ней, упираюсь руками о подлокотники кресла, отрезая ей все пути к бегству.

– Я предупреждала тебя, Андрей, что вместе больно бу-

дет. Муж развод всё равно не даст, а мне только хуже будет, да и мальчишкам тоже. Вот это теперь мы и имеет. Спасибо за всё... Я впервые была счастлива, любима и люблю!..

Она ещё что-то хочет сказать, но я ей рот поцелуем закрываю, падая перед Лерой на колени. Нет, моя милая, сейчас я эту дурь из твоей милой головки удалю. Я заставлю тебя всё это выбросить...

Целую нагло, напористо, дерзко. Знаю, что может делаю ей немного больно. Но ничего, потерпит... В следующий раз думать будет... Лерка вначале сопротивляется, пытается оттолкнуть меня, но потом расслабляется и начинает отзываться на мои ласки. Вот так-то лучше девочка...

– Я люблю тебя, моя дурёха. И в обиду никому не дам. Но я должен знать каждый твой шаг, милая. Никогда никому тебя не отдам.

Я успокаиваю Лерку, немного успокаиваюсь сам, хотя последнее сложно, когда Лерка рядом находится. Потом долгое время выпытываю у моей девочки, что она напридумывала. Затем стараюсь отговорить, но тщетно, понимаю, что проигрываю. Характер у моей женщины полностью соответствует её имени, упрямый, бескомпромиссный. Решаю действовать по принципу, не можешь отговорить, возглавь.

– Хорошо, моя милая. Встреча в кафе, так встреча в кафе. Где? Когда? – молю бога, чтобы у меня было время всё организовать.

– Послезавтра, на проспекте Просвещения, кафе «У гно-

мика», в час дня. Я просила Диму время изменить, ведь мальчики спать в это время должны, но он на этом времени настаивает.

Лерка сидит у меня на коленях, покорно положив голову мне на плечо. Район мне знаком, кафе тоже. В голове с бешеной скоростью прокручиваю различные сценарии. Я не имею права на ошибку...

– Дима сказал, чтобы я на метро приехала. Только я и дети. От метро я отказалась. Я знаю, что этим разозлила мужа, но я боюсь метро, – совсем тихо добавляет она.

– Я всё понял, Лерочка, у нас есть завтра, чтобы всё подготовить.

– Не надо ничего готовить, – снова Лера пытается возражать.

– Утро вечера мудренее, милая.

Я резко встаю, не выпуская свою девочку из рук и несущая на второй этаж, в спальню. Лерка всхлипывает, но меня не отталкивает.

В эту ночь люблю её как всегда долго и нежно, наслаждаясь каждым её стоном, каждым прикосновением, каждым поцелуем. Она моя жизнь. А вот она отдаётся мне с каким остервенением и отчаянием, словно в последний раз. Без неё жить не смогу.

Глава 20. Лера

После звонка Димки долго прийти в себя не могу. Зачем он так со мной? С детьми? Прошу время поменять, мальчики в обед поспать должны. Он отказом отвечает. Приказывает с собой взять только документы, всё остальное и дома есть. Молю разрешить Мирона в кафе не брать. Зачем ему Мирон? С ним будет Андрей и я. Мирон же ему всегда мешает.

– Нет! – рявкает муж. – Мирон обязателен, ради его благополучия, ты сговорчивой будешь.

Я давлюсь слезами. Мой маленький мальчик из-за меня снова страдать будет. Он только отошёл от всего, спать спокойно начал, от резких звуков вздрагивать перестал.

В выходные Андрей и отец в бильярд играли. Дверь в спортзал открыта была, когда мальчишки к ним спустились. Потом Мир с таким восторгом рассказывал какие тренажеры есть в спортзале. Мне даже пришлось свой страх преодолеть и с ним в спортзал спуститься, чтобы он мне всё сам показал.

И вот теперь я вынуждена к мужу вернуться, чтобы снова в крошечный ад себя и детей погрузить.

Андрею решаю ничего не говорит, но разве можно что-то утаить от мужчины с такими способностями. Да и его ласкам я сопротивляться не могу, таю сразу.

Как только я заикаюсь о просьбе о родителях и детях мо-

их позаботиться, он сразу догадывается обо всём, особо и рассказывать ничего не нужно. Хотя про Димку я ему сама рассказываю и реву, не сумев эмоции в кулаке держать, как собиралась. В голове только мысль о том, что это последние счастливые часы с моим Андреем, мелькает, и все мои эмоции в кулак зажатые на свободу вырываются в виде слёз горьких.

Впервые вижу взрыв гнева в глазах Андрея на меня направленный:

– Лерка, что ты несёшь!? Ты себя слышишь?.. У тебя есть я. Меня ты в счёт не берёшь?

Он рычит грозно, надо мной нависает, упираясь руками о подлокотники кресла, отрезая мне все пути к бегству. А мне не убежать, мне к нему прижаться хочется. В его объятиях жарких спрятаться от всего этого кошмара.

– Спасибо за всё... Я впервые была счастлива, любима и люблю!.. – это последнее, что я говорю своему мужчине, и он мой рот поцелуем закрывает, опускаясь передо мною на колени.

Целует так нежно и так напористо, что растворяюсь в нём сразу. Нет сил ни сопротивляться, ни возражать Андрею. Сегодня я хочу быть его девочкой. Хочу его таким запомнить, страстным и нежным.

– Я люблю тебя, моя дурёха. И в обиду никому не дам. Но я должен знать каждый твой шаг, милая. Никогда никому тебя не отдам, – слышу я уже через шум в ушах, пытаюсь

хоть немного после его ласк успокоиться.

Он просит меня подробно пересказать разговор с Димой и показать ему смс-ку. Потом лукаво смеётся:

– Лерка, и что ты придумала? Меня в известность ты когда бы поставила? Или я для тебя пустое место? Я ведь люблю тебя, Лера, – и целует нежно в ушко и языком узоры внутри ушка вычерчивает.

Я окончательно от его ласк неземных разум теряю. Вот как рядом с этим мужчиной быть серьёзной...

– Андрей, я решила пойти в кафе. Как и требует Дима, пойду с мальчиками. Что он мне сделает? Там же народу много. Попытаюсь его убедить, что развод это...

Я сама ещё не знаю, что говорить Димке буду, поэтому спотыкаюсь на полуслове и в глаза Андрея смотрю. Андрей проводит рукой по моей щеке, нежно целует в носик.

– Маленькая, а ты не думаешь, что муж придёт не один, а с Антоном. Если с Димой ты можешь и справишься, то вот с двумя точно нет, – пытается он меня переубедить.

Но я упрямо стою на своём, и Андрей сдаётся.

– Хорошо, моя милая. Встреча в кафе, так встреча в кафе. Где? Когда?

– Послезавтра, на проспекте Просвещения, кафе «У гномика», в час дня. Я просила Диму время изменить, ведь мальчики спать в это время должны, но он на этом времени настаивает.

Я сижу у него на коленях, покорно положив голову ему на

плечо. Андрей нежно обнимает меня и ласково поглаживает по моей спине. Это чертовски приятно. Меня это успокаивает и усыпляет. Вечно так бы сидеть.

– Дима сказал, чтобы я на метро приехала и только я и дети. От метро я отказалась. Я знаю, что этим разозлила мужа, но я боюсь с детьми на метро.

Я пытаюсь донести до Андрея, что я на всё готова и ни о чём не жалею в жизни.

– Я всё понял, Лерка, у нас есть завтра, чтобы всё подготовить, – возражает мой мужчина.

Но вот почему Андрей меня не слышит. Зачем ему во всё это влезать. Я боюсь за него. Мне бы только Мирошку как-то спасти.

– Не надо ничего готовить, – снова пытаюсь возражать.

Но Андрей резко встаёт, не выпуская меня из рук, словно пушинку поднимает.

– Утро вечера мудренее. Пойдём в нашу спальню и закончим начатое.

Андрей со мною на руках на второй этаж поднимается, в спальню заносит, даже не устав ни капельки, словно я не вешу нисколечко. На кровать бережно кладёт и сверху нависает.

– Лерка, я балдею от твоего тела роскошного. Хочу тебя постоянно. Уже устал со своим организмом договариваться, – хрипло шепчет он.

В комнате полумрак, лишь луна освещает комнату немного, проникая через неплотно задёрнутые шторы. Любуюсь Андреем. Он в полумраке еще мужественнее кажется, хотя куда уж больше. Мне до тела его горячего дотронуться хочется. Только рядом с ним всё забываю. Протягиваю руку и под футболку мужскую ныряю, до тела мускулистого дотрагиваюсь.

Андрей стон не сдерживает.

– Лерка, я тебя хочу и терпеть больше не намерен, – тихо на ушко шепчет он, а сам уже целует мои губки, рукой под мою кофточку ныряет и грудь ласкает.

У меня от этих ласк в животе пожар разгорается. Ноги сжать дико хочется, чтобы бабочки хоть немного успокоились. Да где там... Андрей с легкостью мои брюки спортивные вместе с трусиками спускает и рукой внутрь ныряет, нежно складочки раздвигая. А там такой пожар...

– Лерка, ты ждёшь меня, милая. Влажная и сладкая...

Я не знаю, как Андрей всё успевает. Я в эти моменты в бреду нахожусь, наверное. Лишь изредка сознание на поверхность выныривает. Секунды, кажется, прошли, а на мне из одежды только лифчик остаётся. Но он Андрею не помеха, Андрей через него грудь ласкает, сосок возбужденный в рот всасывает и языком обводит, нежно прикусывает и снова посасывает.

Я на грани уже взрыва, а мой мужчина не торопится. Не отрываясь от груди, бусинку клитора рукой находит и её лас-

кать начинается, нежно перекатывая и надавливая. Здесь меня волна накрывает, и я взлетаю. А Андрей мне на ушко шепчет:

– Да, Лерка, да милая. Люблю, когда ты себя не сдерживаешь.

Я бы рада сдержаться, да сил нет. Тело мне не подчиняется рядом с Андреем. Дух перевести не успеваю, как Андрей губки в плен захватывает и своим языком ко мне в рот врывается. Напористо, резко и нагло с моим языком заигрывает, в танец дикий приглашая. Я даже отстраниться не могу, он не даёт мне голову повернуть, сразу губку нижнюю прикусывает. Вот засранец, ведь отметину оставит.

Я впиваюсь ногтями в его спину и попку приподнимаю, дико хочется, чтобы он пальцы на ч..н заменил, хотя и пальцами он меня стонать заставляет. Я мужчину своего уже хочу внутри почувствовать.

Андрей от губ моих отрывается и языком вниз скользит, снова грудь немного балует. Ниже спускается, пупок языком обводит и к другим губкам припадает, посасывает, покусывает, внутрь языком ныряет. Там настолько всё влажно и горячо...

– Андрей, пожалуйста, – молю я. – Хочу тебя... С тобой хочу...

И он отзывается на мою просьбу, на руках надо мною нависает, входит медленно, почти до упора, под себя растягивая, а я свои стоны сдержать не могу. Призывно ножки Ан-

дрею на спину забрасываю, полный доступ предоставляя, и устремляюсь навстречу каждому его толчку.

В этот раз нас вместе накрывает. Андрей падает на меня сверху и быстро на бок перекатывается:

– Извини, милая, я тебя не раздавил?

Я хихикаю. А ведь мог бы, он в два раза тяжелее меня.

Андрей мне шею целует и всякие пошлости на ушко шепчет, а я во всём этом купаюсь и незаметно для себя в сон проваливаюсь, обо всех неприятностях и трудностях позабыв в крепких объятиях этого мужчины.

Глава 21. Кафе

Лера

Вчерашний день прошёл как в тумане. В моём мозгу картинки разные складывались, одна страшнее другой. В конце дня меня накрыло страхом не по-детски. Только вчера поняла, что произойти может, если из-под контроля что-то выйдет.

Успокоить меня смог только Андрей, и только в спальне. Спокойствие мужчины мне передалось с его ласками и сексом бурным. Снова уснули под утро, окончательно устав. С ним всегда мало. Мне мало, ещё хочется, стоит только на Андрея посмотреть.

Сегодня в назначенное время такси к дому подъезжает. Два детских кресла на заднем сидении. Всё как положено. Меня мандраж бить начинает, как только машина коттеджный посёлок покидает. Мою нервозность водитель замечает.

– Валерия Александровна, всё хорошо будет. В кафе полно наших людей, в обиду не дадим.

Пытаюсь успокоиться. Точно знаю, Андрей всё просчитал и всё предусмотрел. Дальше едем молча, мальчишки между собою разговаривают, в машинки играют, а я в окно смотрю, к встрече с мужем морально готовлюсь.

На въезде в город «таксист» говорит:

– Андрей Викторович просил передать, чтобы вы втроём держались, вместе. Так надёжнее будет.

Киваю в знак согласия. К кафе подъезжаем. Из машины выхожу, помогаю Миرونу вылезти, водитель Андрейку из машины высаживает. Оглядываюсь, Димку нигде не вижу, беру мальчишек за руки и иду с ними в кафе.

В гардеробе сдаю их вещи и свою курточку, прошу на один номерок повесить. Проходим в зал. Оглядываюсь. В зале уютно и мило. Есть игровая комната. Народу не много, два столика парами занято, за одним столиком школьники тусуются, занятия прогуливая. И ещё за одним столиком женщина и девочкой лет семи-восьми сидит.

Из-за соседнего столика Дима привстаёт и рукой машет. Мальчики папу замечают, но реакция у них на Диму разная. Андрейка свою ладошку из моей вырывает и к отцу бежит, а Мир за меня прячется и идти не хочет.

– Ты смелый мальчик, нужно с папой поздороваться, – шепчу я Миرونу.

Крепко держа Мирона за руку, подхожу к столику. Димка Андрея на руках держит, личико его целует, а мальчишка тараторит, рассказывает, как он скучал и любит папу. Как это мило со стороны смотрится. Мило, если всего остального не знать...

И ведь это действительно так. Димка к сыну всегда трепетно относился. Даже замечания спокойным голосом делал, что не скажешь про его недовольство поведением Мирона.

Младший не раз на своей попке грубую ладонь отца чувствовал и плакал от боли потом долго. Я синяки от пятерни отца целовала, объясняя сыну, что так нельзя себя вести, хотя... Из воспоминаний голос мужа вырывает:

– Здравствуй, Валерия. Дети обедали? – спрашивает он.

На Мирона даже не смотрит, словно его и нет рядом. Мне обидно за сына, а вот Мир, наоборот, успокаивается. Не заметили и ладно.

Дима Андрею помогает на стул сесть, сам садится, мне кивает на стул напротив, Мир к ногам моим жмётся. Поддвигаю стул Мирона к своему, увеличивая тем самым расстояние от сына до Дмитрия. Первые минуты сидим в гробовом молчании, словно чужие и незнакомые люди. Хотя с незнакомыми проще, можно познакомиться. А здесь просто разговаривать не хочется. Дима заказывает мальчикам суп-пюре и просит официанта минут через пятнадцать мороженое принести.

– Валерия, ты пообедаешь или только кофе? Дорога дальняя, – спрашивает он, а у самого никаких эмоций на лице. Зачем я ему? Ведь не любит...

– Кофе. Дим, Андрею нельзя мороженое. У него горлышко заболит, – пытаюсь я напомнить мужу.

– Плевать, с папкой ему всё можно. Вылечишь. Ты для чего?

Приносят заказ. Мальчики сидят, супчик кушают, а я ложкой кофе мешаю, с мыслями собираясь.

– Дима, я никуда с мальчиками не поеду. Мы здесь остаёмся, – пытаюсь начать разговор я.

– Я тебя не спрашиваю. Поедешь, как миленькая, – рывкает Димка, Андрей застывает с ложкой у рта, а Мир вжимается в стул и голову в плечи втягивает, словно к удару готовится. – Тебе в прикол по квартирам съёмным шарахаться. Развода всё равно не будет. Жизни спокойной не дам. Где вы сейчас скрываетесь? Мои люди тебя нигде найти не смогли.

Кладу руку на спинку Мирона и поглаживаю, успокаивая сынишку. Не хочу, чтобы к нему страх вернулся.

– Так где вы сейчас обитаете? В каких подземельях? – повторяет свои вопросы муж, грозно сверля меня взглядом, от которого холодом веет.

Я только рот открываю, хочу заранее подготовленную порцию лжи на мужа впервые вылить, а Андрейка выдаёт:

– Папочка, мы на даче у дяди Андрея живём, рядом с нами дедушка-генерал. Мы с его сыном дружим. А ещё там так классно, игрушек море, качели есть, горки. Мы на улице с Дэзи и Тиной гуляем. Это наши собачки, – выливает информацию сын, а я готова сама, как страус, голову в песок спрятать под карающим взглядом мужа.

Дима смотрит на меня, глаз не сводит, по скулам желваки перекатываются. На стол кулаки медленно опускает сильно сжатые, даже костяшки пальцев побелели, и застывает.

– Помолчи, Андрей. Потом подробности расскажешь. Суп ешь, – резко прерывает его Димка. – Я сейчас маму послу-

шать хочу. Значит к мужику сбежала, с..а.

– Нет, – откуда во мне смелость появилась, не знаю, впервые мужу открыто перечить только сегодня начала. – Не к мужчине, а от мужа. Я не вернусь к тебе. Не хочу больше в страхе жить. И детей не хочу в страхе растить. Мы будем жить там, где нас любят.

Пока я это говорю, возню краем глаза на входе замечаю, но там что-то быстро происходит. Я даже рассмотреть ничего не успеваю, а взгляд от Димы в сторону перевести боюсь. Ещё замечаю, как за соседним столиком женщина напряглась, собралась вся и на нас посматривает, с девочкой о чём-то очень тихо разговаривая.

– Любят говоришь? Б..ь, я тебе сегодня такую любовь покажу, надолго запомнишь. Сейчас Антон придёт. Мальчишки с ним в машине поедут. А мы с тобою прокатимся, по дороге ты мне всё и расскажешь и за любовь свою лживую ответишь.

Вот сейчас меня смелость покидает быстро и окончательно.

– Мальчишки со мной поедут, – тихо возражаю я, дыхание страх сковывает, руки дрожать начинают.

– Заткнулась. Будет, с..а, так как я сказал, – рывкает Димка, не обращая внимание на окружающих. Димка материться, я никогда таких слов от него не слышала, да ещё при детях.

И именно в этот момент в дверях колоритная фигура мо-

его мужчины появляется. Я обалдеваю от красоты этой. Весь страх уходит. Впервые вижу Андрея в форме.

Мирон с места срывается и с радостным визгом несётся к нему.

– Папочка, – кричит мальчишка на всё кафе.

Андрей его на руки подхватывает, целует в личико миленькое, к нам подходит. На одной руке Мирон восседает, второй рукой Андрей ещё один стул к столу подставляет, сажает Мирона на стул и сам садиться.

– Привет, милая, – он проводит рукой по моей щеке. – Всё, я рядом. Извини, задержался немного.

И взгляд на Диму переводит:

– Сейчас дети в игровой комнате поиграют, а мы поговорим, – голос его звучит спокойно и уверенно.

Из-за соседнего столика встаёт женщина, девочка к Мирону подбегает за руку мальчишку берёт. Мирон замирает и на Андрея смотрит, глазками разрешение спрашивает.

– Иди, Миронушка, мы сейчас с папой поговорим и домой поедем, – говорит Андрей и целует Мирона в лоб.

Андрейка из-за стола вылезает и брата за другую руку берёт:

– Пойдёт играть, – зовёт он младшего.

Андрей на подошедшую женщину смотрит.

– Спасибо, Татьяна. Идите, поиграйте в игровой.

Я в ступор основательно вхожу. Как только Андрея в дверях увидела, мир остановился. Страх пропал, но внутри всё

ещё пусто и ничем не заполнено, словно на происходящее со стороны смотрю и ничего не понимаю.

Андрей ближе придвигается, рукой к себе прижимает и в висок целует.

– Успокаивайся, Лерка. Всё ведь нормально. Сейчас цивилизованно поговорим и всё обсудим.

А я на Димку смотрю. Хоть он и старается сидеть спокойно, даже ухмыляется, за Андреем наблюдая, но постоянно на дверь посматривает и телефон в руках крутит.

– Руки от моей бабы убрал, – Димка произносит это грозно, но голос всё же выдаёт неуверенность.

– Дмитрий, Антон не придёт. Можете не ждать, – во взгляде мужа вопрос немой появляется, а Андрей продолжает, – его только что на пороге кафе задержали. В кармане куртки порошочек недозволенный завалился. Сами понимаете, могут закрыть надолго, если Вы ему не поможете. Всё в Ваших руках.

Мужчины смотрят друг на друга, взглядами меряются. Димка заметно нервничать начинает. Андрей выжидает, опустив руку мне за спину и нежно вдоль позвоночника поглаживает. Ко мне от его прикосновения жизнь и уверенность возвращаются.

– Что я должен сделать? – хрипло спрашивает Дима.

– Правильное решение принять. Брата спасти надо бы, иначе за собой потянет. Ведь вы же с ним в одной лодке, – говорит Андрей, а я ничего не понимаю, неужели Андрей за

столь короткое время успел что-то узнать про братьев. – От Вас, Дмитрий, требуется небольшая услуга... – Андрей переводит взгляд на меня, улыбается, и снова на Диму смотрит. – Дать развод моей Лерке. Цивилизованно обо всём с ней договориться и впредь не отвешивать. С сыном будете общаться, как предпишет суд. Мы против не будем.

Смотрю на мужа, а он меня глазами яростно пожирает. Только сейчас понял, что командовать больше не получится, подчиниться придётся. Улыбаюсь и Андрею голову на плечо кладу, чем ещё больше бешу мужа. Пока Андрей рядом, пользуюсь случаем и решаюсь с мужем поговорить.

– Дима, мой адвокат тебе на словах всё передал. Мои требования остаются без изменений, – скользя по мужу взглядом, на губах его останавливаюсь, а они крепко сжаты и в ниточку сведены. – Мне ничего от тебя не нужно. Квартира, машина, всё твоё. Мне нужна только свобода. От алиментов на детей я тоже отказываюсь. Не хочу, чтобы ты их потом попрекал этим. Если будет желание помочь и в воспитании поучаствовать, препятствий чинить не будем. Но общаться начнёшь только после развода, согласно решению суда. И никак по-другому, Дима.

Он молчит какое-то время, информацию переваривает. Я радуюсь, что из меня затравленный зверёк сбежал, наверное, моего полковника испугавшись. Улыбаюсь своим мыслям.

– Хорошо. Пока я согласен. Потом посмотрим, – Димка это говорит, а сам ещё о чём-то думает напряжённо, смотрю

на глубокую морщинку на лбу. – Я хочу с сыновьями попрощаться.

– Без проблем. К тому же им спать уже пора, – Андрей всё сам решает, меня не спросив, но я и не против.

Просто смотрю на Димку и именно сейчас начало нашей семейной жизни вспоминаю. Ведь в самом начале всё же хорошо было. Так когда плохо-то стало? Кто в этом виноват? И ответов на эти вопросы не нахожу. Одно знаю точно, назад, к нему, не хочу...

Андрей идёт в игровую и зовёт мальчишек, быстро возвращается к нам и снова на стул рядом со мной садится. Из игровой выбегают мои милые мальчики, такие разгорячённые от подвижных игр. В свои объятия ловлю и заботливо спинки проверяю, не вспотели ли.

– Мальчишки, давайте прощаться, мне на работу пора, а вам спать, – Димка встаёт и шаг по направлению к мальчишкам делает.

Андрейка к нему подходит, на руки забирается, за шею обнимает. А Мироша к Андрею жмётся. Я замечаю, как Димка на Мирона смотрит, вижу, что и его обнять хочет.

– Мирон, иди с папой попрощайся, – пытаюсь я исправить ситуацию.

Но Мирон отталкивает мою руку и на Андрея глазки свои голубые поднимает.

– Папа, мы когда домой поедём? – спрашиваем Мирон, снова назвав Андрея папой.

– Сейчас, сынок, поедем. До вечера в нашей квартире побудете, а вечером в коттедж отвезу, – Андрей вроде бы Мирону отвечает, а сам на меня смотрит.

– Хорошо, милый, как скажешь, – я улыбаюсь моему мужчине, такому родному, желанному, любимому, и взгляд на Димку с Андрейкой перевожу. – Андрюшка, попрощался? Пойдём одеваться, сынок. Дяде Андрею на службу ещё надо.

Андрейка уже готов с рук отца прыгнуть, но Димка не отпускает. Впервые такие глаза у мужа вижу, горечью подёрнутые. Он ещё раз целует Андрея и отпускает. Мальчики, взявшись за руки, идут в гардероб.

– До свидания, Дима, – прощаюсь я с мужем и на Андрея смотрю.

– Иди, Лерочка, одевайтесь. Мы сейчас с Дмитрием разговор мужской закончим, и я приду, – и протягивает мне ключи от машины.

С какой лёгкостью я покидаю кафе, даже словами не передать. Я безумно счастлива, очень хочется Андрея за поддержку и заботу отблагодарить. Без него я бы точно не справилась. А ещё очень хочется узнать, как давно Мирон его папой называет? Уверена, сегодня это не впервые сказано было.

Андрей

Подъезжаю к кафе как раз в тот момент, когда ребята Антона с заведёнными за спину руками выводят. Останавлива-

уюсь, горжусь работой своих подчинённых. Руки на капот, понятые рядом. Точно знаю, что заветный пакетик уже в кармане куртки Антона лежит, вот только отпечатков пальцев на нём ещё нет, а должны быть.

Денис спрашивает о наличии оружия и запрещённых веществ. Антон отрицает. И Денис предлагает содержимое карманов на капот выложить. Антон нагло ухмыляется, язвит, что в северной столице работают не по инструкции, но очень удивляется, когда среди всего прочего, из кармана пакетик достаёт и обалдело на него смотрит.

И лишь потом меня замечает:

– Не честно играешь, полковник.

Я лишь в ответ плечами пожимаю. Ничего я ему объяснять не обязан. Много чести.

Быстро взбегаю по ступенькам в кафе. Там моя девочка. Одна. Точно знаю, запугана мужем, готовая ради благополучия детей, собой рисковать.

Захожу в зал. Мирон, увидев меня, со стула спрыгивает и ко мне со всех ног несётся. К такой нашей встрече я уже привыкать начал. Мирон каждый вечер меня так с работы встречает. Но кафе наполняется его голосом детским, звонким.

– Папочка, – кричит Мироша, и это слово заветное мне адресовано.

Вот к этому я точно готов не был. Хоть и шептал это слово ласковое мне Мирон на ушко при встрече уже давно. Но что-

бы вот так, громко, чтобы все слышали... Чувство зашкальное, чуть слёзы на глаза не выступили от эмоций. Да за этого мальчишку я любого порвать готов. Целую Мирона и спрашиваю:

– Теперь не страшно?

Мирон застенчиво улыбается и отрицательно головой качает. Он боялся меня папой назвать, вдруг его ругать будут.

Моя нежная смелая женщина, тоже успокаивается рядом со мной. Чувствую, как её уместная дерзость к ней возвращается. С мужем, почти бывшим, разговаривает моя Лерка спокойно и уверенно. Восхищаюсь своей девочкой.

После разговора с Лерой, Дмитрий принимает условия жены. Прекрасно понимаю его, он на всё согласен, лишь бы брата вытащить. Антон под подпиской о невыезде из столицы, а сам в Питере, ещё и накосячить успевает. Дмитрий не глупый, прекрасно знает, чем для Антона это обернуться может.

Дима прощается с детьми, вернее с Андреем. Даже мне, тёртому калачу, многое в жизни повидавшему, становится жаль мужика. Андрея он любит, именно к этому мальчишке он питает отцовские чувства и не скрывает их. Открыто всему миру демонстрирует. А ещё Димка взгляд на Мироне останавливает:

– Сынок, – и руку к нему протягивает, а Мирошка ко мне жмётся и снова папой называет.

И, только что готовый подтолкнуть Мирона в объятия от-

ца, я мальчонку к себе прижимаю. Теперь делиться сыном ни с кем не готов. Я его отец, а он мой сын. Так решил Мирон. А я не могу предать ребёнка.

Лера забирает мальчишек и идёт с ними в гардероб, вручаю ей ключи от машины. Пусть там меня подождут. Сам решаю с Дмитрием тет-а-тет поговорить. С ним мне ещё придётся пересекаться, ведь мальчишки теперь у нас общие.

– Поговорим, – киваю Дмитрию на стул и сам присаживаюсь.

– Поговорим, – Дима садиться напротив и пальцы на руках переплетает. Полностью от меня закрывается.

– Может это со стороны глупо выглядит, но... за пацанов спасибо. Обещаю, я их не обижу.

Сканирую собеседника взглядом. Горькая ухмылка касается его узких губ.

– Спасибо. Надеюсь ты, полковник, сдержишь слово. Мирона я недолюбил. Второго ребёнка не хотел. Так получилось. Валерия аборт делать отказалась. Упертая. Я на дочь согласился. Девчонку, как у брата, хотелось. А родился он... Не смог себя заставить смириться...

Мужчина сидит и глаз от рук своих не поднимает, чувствую, как хреново ему. Мысли читаю... Лучше бы я этого не делал...

– А вот за Лерку, за боль её, простить не смогу. Поэтому лучше к ней даже не приближайтесь. Сам запомни и брату передай. За Леру убить могу... – злость свою еле сдерживаю.

– Понял уже. Я тоже её люблю, но любить её сложно... Своевольная очень... Должно быть так, как она хочет... Всегда! Другого не приемлет... – говорит это Димка так, словно мне, дураку, объяснить пытается что-то.

– Я знаю. Именно это мне в ней и нравится... Её характер, её открытость, её страсть... Она шикарна... – сам не знаю, зачем я это Дмитрию говорю, выбесить его хочется, лишний раз доказать, что он потерял её.

– Не раздави, она хрупенькая, сломаться под тобой может, – выдавливает из себя мужчина. В это слово он умудряется столько пошлости и ярости вложить, что меня потряхивать начинает.

– Я нежно и ласково умею. Тебе раньше о её хрупкости думать надо было, – я еле сдерживаю себя, чтобы не сорваться, кулаки сильно чешутся, в морду ему дать хочется. Но решаю расстаться цивилизованно.

А он вдруг поднимает глаза и смотрит на меня в упор:

– Иди к ним. Они тебя ждут. Постараюсь не надоедать, – перехватывает взглядом моё движение протянуть ему руку и добавляет. – Но руки не подам. Ты украл у меня самое ценное: мою женщину и моего сына.

Я выхожу из кафе не оглядываясь. Чёрт с ним. Он сам разрушил своё счастье, своими собственными руками разрушил. Он недолюбил, недооценил, недоласкал. Я-то здесь при чём!? Это его косяк. Не мой... Я их люблю безумно, ценю... А уж ласкаю свою Лерку я так...

Останавливаюсь на крыльце и люблюсь своей женщиной. Она с мальчишками возле машины возится. Маленькая, хрупкая, умопомрачительная. И сразу хочется её в пещере спрятать, чтобы никто, кроме меня, её не видел. Рядом с ней стажёр ошивается. Неужели этот сопляк ещё не понял, чья это женщина? Лерка сегодня, как никогда, шикарна. Высокие сапожки на высоком каблучке её милую ножку обтягивают. Глаза чуть выше поднимаю. Кожаная юбка с меховой оторочкой попку упругую подчеркивает, только для моих рук предназначенную. Сверху курточка коротенькая с меховым воротником. Она своё личико в мех опускает, меня увидев, улыбается смущённо. Красавица!.. Моя красавица!..

Направляюсь к машине. Сорванцы, увидев меня, несутся мне навстречу. Подхватываю их на руки, сразу двоих, по-другому нельзя, и целую их в щечки румяные от мороза. Мои, теперь уже точно мои, оба обхватывают меня за шею, и Мироша шепчет мне на ушко: «Папа»... Я снова обалдеваю от этого слова, им произнесённого. Подхожу к задней дверцы машины, Лерка улыбается мне, светится, как новогодняя ёлка, открывает дверь машины. В салон первым ныряет Андрейка. Лера помогает ему усесться в детском кресле. Я с Мироном на руках машину обхожу, уже готовый мальчишку в салон посадить, а Мир своими ручонками моё лицо обнимает и произносит слово заветное, от которого слёзы на глаза наворачиваются. «Мой папочка!..» – шепчет мальчишка. Целую Мирошку, к себе сильно прижимаю, дыхание оста-

навливается, и отвечаю ему:

– Да, сынок!.. твой.

Мальчишка в своём кресле устраивается, ремень безопасности проверяю и дверь захопываю.

Поворачиваюсь и Лерку в объятия ловлю, приподнимаю свою красавицу, подхватив под попку упругую, до губ её до-трагиваюсь и крышу сносит, целую дерзко, а она лишь смеётся:

– Поехали, мой любвеобильный полковник. Мы с мальчишками уже замёрзли.

Распахиваю для неё дверцу. И она в салон садится, ласковым взглядом меня одаривая.

Я всё это время на себе тяжёлый взгляд чувствую. Знаю, что Дмитрий смотрит, каждое моё движение жадно ловит, но меня это не трогает. Теперь это моя женщина и я буду любить её так, как считаю нужным. И позволять буду ей то, чего она хочет и чего достойна.

Глава 22. Лера

Через месяц нас с Димой разводят. А на следующий день мы с Андреем заявление подаём. Андрей ждать ни дня не хочет, а я однажды пообещав стать его женой, своё слово назад брать не намерена. Он каким-то чудом обходит все сроки и через неделю я его женой становлюсь.

Дима часто звонит мне и разговаривает с мальчиками. Я включаю им громкую связь и камеру, и Андрей носится с телефоном по детской комнате, всё показывая и рассказывая папе.

Димка изменился. Наглость из взгляда исчезла. В голосе нежность поселилась. Очень хочется узнать с чем такие перемены связаны, но спросить не решаюсь. Это не моё дело. Теперь не моё. Не имею я права на такие вопросы. Разговаривая с Андреем, он постоянно про Мирона спрашивает, поговорить с ним пытается, но Мир сразу замолкает и от камеры отворачивается.

– Валерия, я только сейчас понял, что я и Мирона люблю также, как Андрея. Они мне оба дороги, – прощаясь, задумчиво произносит Димка.

– Поздно. Уже поздно что-либо менять, Дим. Детские раны глубокие. Извини... Может позднее попробуем договориться с ним, и он с тобой пообщается, – и почему-то сейчас решаюсь и спрашиваю. – Дима, как Олеся?

– Плохо, всё очень плохо. Антон после увольнения совсем головой тронулся. Олеську избивает часто, а эта дура всё угомониться не может, постоянно его провоцирует. Я с ними сейчас не общаюсь. Ему тебя простить не могу. Он виноват. Я тогда ужасно испугался, что он тебя калекой сделал.

– А Рита?

– Рита пока у бабушки с дедушкой живёт. Но мама просила её к весне забрать. Мама ведь к внукам не привыкла. А Ритка та ещё егоза, – на воспоминаниях о Рите, голос Димки теплеет. – И ещё, Валерия, если Антон на горизонте появится, будь внимательна и осторожна, сразу сообщи мне и... мужу.

Замечаю с каким трудом Димка произносит последнее слово, словно спотыкается на нём. И, скомкав прощание, нажимает отбой. Мне его становится жаль. В нашей ситуации он потерял всё, что имел.

А увидев мужа, я вообще всё на свете забываю. И вспоминаю этот разговор спустя какое-то время, когда недалеко от нашего дома случайно взглядом на мужчину натыкаюсь, и он мне Антона напоминает. Хотя внешне от Антона в нём только рост и холодный колючий взгляд.

Решаю всё немедленно рассказать Андрею. И рассказываю. Андрей внимательно выслушивает, а потом взрывается. Таким Андрея я ещё не видела. Вначале он мне всё высказывает на чисто русском, матерном. Потом, наверное, устав

кричать и немного успокоившись, Андрей обнимает меня и сильно прижимает к себе:

– Извини. Извини, милая, сорвался. Я безумно тебя люблю. И очень волнуюсь за вас. Лера, ты понимаешь, что поступила неосторожно. Почему сразу не сказала о предупреждении Дмитрия?

Я полностью согласна с мужем, что поступила опрометчиво, прошу у него прощение и тянусь к его губам за поцелуем. Он целует, но вскользь. Андрей тут же звонит кому-то и утром у нашего загородного дома появляются два охранника.

Андрей за завтраком просит телефон бывшего. Я диктую, но решаю уточнить:

– Зачем?

– Нужно Димке позвонить. Он должен знать, где его брат... – и набирает номер моего бывшего мужа, но, извинившись, Андрей уходит в кабинет, и их разговора я не слышу.

Два дня проходят как обычно. Спокойно. Вот только в воздухе гроза витает. Напряжение чувствуется.

С утра уезжаю по работе в Питер, к обеду обещаю вернуться. Дома с мальчишками Андрей остаётся и Таисия Ивановна, няня мальчиков. Живём в коттедже, садика там нет. Иногда мальчишек не с кем оставить. Родителей каждый раз дёргать не хочется. Поэтому и решаем нанять няню. Она

занимается с мальчиками, готовит Андрейку к школе, хотя усидчивости больше у Мирона. Андрейка у нас непоседа и любитель движения.

Встретившись в офисе со Стасом, обсудив всё по работе, прощаюсь с ним, прихватив с собой папку с документами. Почему-то кажется, что за мной кто-то наблюдает. Но отбрасываю дурные мысли. Нельзя быть такой мнительной.

Еду в кафе на встречу с Ириной. Пьём кофе и обсуждаем дела наши женские. Договариваемся следующие выходные вместе провести, у нас. Хочется посидеть в теплой компании. Нам вместе всегда по-домашнему уютно. Да и дети дружат. Нам это нравится. Я обещаю испечь свой фирменный ягодный пирог, который пришёлся по вкусу её мужчинам.

Выходим вместе из кафе и останавливаемся на тротуаре рядом со стоянкой. Моё внимание джип тонированный привлекает. Постояв, поболтав ещё пару минут, окончательно прощаемся с Ириной, и я беру телефон и звоню Андрею. Он трубку берёт сразу.

– Мой милый муж, я свободна и еду домой. Поручения будут? – смеюсь я.

– Красавица, с нетерпением жду дома. На дороге аккуратно, у нас здесь метель и заносы на дороге появились.

– Хорошо, дорогой.

Пока с мужем разговариваю, джип вырывается со стоянки и исчезает в неизвестном направлении.

Ветер действительно сильный, то трасса хорошо расчище-

на. Спокойно еду и музыку слушаю. Но вот стоило только с трассы свернуть, сразу понимаю о чём меня Андрей предупредил. Заносы. Сбрасываю скорость и еду аккуратно.

В зеркало заднего вида вижу, как меня быстро машинка догоняет. Мысленно возмущаюсь вождению горе-водителя, куда так несётся по такой дороге. Его машину немного бросает из стороны в сторону, но он настырно идёт на обгон. Я же немного притормаживаю, решив пропустить лихача. И здесь этот урод резко перестраивается у меня под носом, да ещё и тормозит. Чтобы избежать впечатывания в задний бампер его машины, выворачиваю руль вправо и влетаю мордой в сугроб.

Перевожу дыхание, пытаюсь выехать самостоятельно. Не получается. Звоню Андрею. Муж не берёт трубку. Вылезаю из машины и машу рукой, прошу мимо проезжающую машину о помощи. Но машина проносится на бешеной скорости, немного вильнув в мою сторону. Если бы я отскочить не успела, он бы меня зацепил. Смотрю вслед. И только здесь понимание приходит: это тот самый сильно тонированный джип, что у кафе стоял.

Извините, но я не верю в совпадение...

Забираюсь в салон, блокирую двери и снова набираю номер мужа. Не отвечает. Вот это на него не похоже совсем. Звоню Денису. Этот молодой человек отвечает за охрану нашего коттеджа. Стажёр трубку берёт сразу.

– Да, Валерия Александровна.

– Денис, до мужа дозвониться не могу, а сама в сугробе застряла. Попробуй мне кого-нибудь прислать.

– Вы где? – уточняет парень.

Я объясняю и потом вдруг всё ему рассказываю, только прошу Андрею не говорить.

– Я минут через пять подъеду. Уже на повороте.

Действительно, минут через пять рядом останавливается машина Дениса. Парень заботливо открывает мою дверцу.

– Валерия Александровна, нам срочно к Вам домой нужно. За машиной потом приедем. Ценное только всё из машины возьмите и ко мне.

Забираю из салона ноутбук, документы, сумочку, ставлю свою бедолагу на сигнализацию и сажусь в машину Дениса. Он печку сильнее включает.

– Замёрзнуть успели? – заботливо спрашивает он.

– Не очень. Что у нас случилось?

По виду парня понимаю, что-то произошло. Но он нагло молчит. Вот так и едем оставшуюся дорогу. Молча...

У ворот из машины выскакиваю и везде на снегу кровь вижу и теряю сознание.

Глава 23. Андрей

Моя деловая Лерка рано утром на встречу со Стасяном собирается. Завтракать отказывается, только чашечку кофе с маффином проглатывает. Хорошо хоть с ним, а то и просто кофе может. Никак не удаётся её к сытному завтраку приучить. Хуже ребёнка.

Она уезжает, а мне как-то тревожно и пусто становится. Но потом мальчишки просыпаются, а скучать с ними мне некогда.

Как и обещала, перед обедом, моя красавица отзванивается и сообщает, что домой возвращается. Услышав её голос, на сердце почему-то холодно становится. Предчувствие чего-то нехорошего охватывает. Прошу ехать аккуратно. Лерка хихикает и обещает не лихачить на дороге.

Идём с мальчишками аппетит нагуливать. Ребята крепость снежную во дворе строят, я стоянку от снега расчищаю. Для своей девочки место готовлю и мальчишкам помогаю.

Работаю лопатой, а сам разговор утренний с Дмитрием прокручиваю. Он позвонил предупредить, что Антон действительно уехал. Предположительно в Питер. Сам Дмитрий тоже должен приехать к вечеру. Ему нужно Антона найти, пока брат большой беды не наделал. Дмитрий просит меня помочь в поисках. Я обещаю... Пытаюсь узнать, что произо-

шло, но Дмитрий обещает при встрече всё рассказать, не хочет это телефону доверять...

Вдруг за спиной грохот раздаётся и меня из моих мыслей вырывает. Поворачиваюсь. И иду к охранникам, ребята уже на улицу выскочили...

Выхожу за ворота. К нам влетел крузак. Матерюсь, но помогаю мужику от ворот отъехать. Он миллион раз извиняется, объясняет, что педали перепутал. Бывает. Машина шумареха благополучно уезжает, а мы с охранниками репы чешем. Пытаемся открыть ворота, они скрипя отъезжают наполовину и всё... Только вот незадача. Теперь они намертво замерли. Ни туда, ни обратно... Двор как на ладони...

Даю указание охранникам, а сам к мальчишкам иду. Надо бы их домой отправить, но они разыгрались и домой не хотят... Маму ждать на улице собираются. По дороге к дому вольер открываю и выпускаю собак в помощь охране. Так спокойнее.

Захожу в зимний сад. Беру телефон. Вижу пропущенные звонки от Лерки. Перезваниваю. Но она с кем-то по телефону болтает. Сбрасываю вызов и набираю ремонтную бригаду. С воротами нужно что-то делать. Мастера обещают подъехать, но часа через два.

Выхожу на крыльцо и смотрю на мальчишек. А дальше...
Всё как в замедленной съемке...

Визг тормозов... Выстрелы... Крики... Лай собак... Выстрелы... Крик детей...

Когда визг тормозов раздаётся, Серёга у ворот стоит. Он первую пулю и ловит, вторая влетает в окно охраны, но второго охранника минует. Собаки бросаются вперёд, нападая и защищая мальчишек. Вот только Андрей к воротам близко подбежать успевает. Тина наперерез бросается и в прыжке пулю ловит, взвизгнув, мешком вниз падает, не успев защитить Андрея. Дэзи более опытная, валит Мирона в снег и собой прикрывает. Нападающий не рискует за вторым мальчишкой во двор забегать. Но в Дэзи стреляет...

Я несся к воротам, но что я мог сделать? Голыми руками? Хотя со своей пулей я немного разминулся. И на том спасибо. Я глупо на ледышке поскользываюсь, и пуля просто черкает по рукаву куртки, вспоров ткань.

Подбегаю к Мирону, а мальчишка, ничего не понимая, раненую собаку обнимает и не умирать просит. Хватаю Мирона, к себе прижимаю и в дом спешно несусь. Вижу, Лёшка Серёге первую помощь оказывает. Значит живой!..

Передаю Мирона в руки няни, бегу к ребятам. Вызываем скорую, объявляем перехват, рассылаем ориентировки, поднимаю всех на уши. У меня похитили сына!..

И именно в этот момент у ворот машина Дениса останавливается. Лера из машины выпрыгивает. Никто ничего произнести не успевает. Моя жена двор глазами сканирует и в обморок падает.

Я только потом догадался, что она себе представить успевает, увидев двор кровью залитый.

Денис рядом оказывается и подхватывает её на руки. Смотрю на стажёра. В другой ситуации придушил бы, сейчас пусть держит. Прошу Лерку в дом отнести и с ней побыть. Звоню Игорю и Ирке. Они очень мне нужны.

Через пару минут двор уже полон народу.

Ищем до утра. Безрезультатно. Находим только машину, на которой Андрея увезли.

Утром к дому подхожу и не знаю, как зайти внутрь и как посмотреть в глаза Лерке и Миرونу. И что им сказать? Похитители с Андреем как сквозь землю провалились...

Уже издалека у ворот замечаю знакомую фигуру. Дмитрий одиноко стоит и курит... Понимаю, что охрана его на территорию не пустила. Подхожу к нему. Он руку протягивает. Здравуемся.

– Я могу только догадываться, где они... – первое, что произносит он.

– Где? – с нетерпением спрашиваю я.

– Давай по порядку.

– Пошли в дом, – приглашаю.

– Удобно? – почему-то спрашивает он.

– Теперь удобно. Раньше бы не пустил, – отвечаю ему. В этот момент я был настолько подавлен, что уже всё равно было... Готов был с дьяволом сделку заключить, лишь бы Андрея невредимым домой вернуть.

Проходим в дом. Некогда шумный муравейник словно вы-

мер. Никого... Идём в кабинет.

– Располагайся, – и предлагаю Дмитрию кофе.

– Спасибо, но позднее. Перехват результатов не дал. Я правильно понимаю?

Молча киваю и только сейчас чувствую, как адски болит голова... И усталость чувствую...

– Их машину нашли в двадцати километрах отсюда. В машине одежда Андрея и сверху, как насмешка, крестик детский.

– В крестике чип? – уточняет Димка.

Киваю в ответ. И голову на руки опускаю. Что же делать?.. Орать от безысходности хочется.

– Значит так. Уехать они не могли далеко. Трассы перекрыты... Везде блокпосты. Машины останавливают почти все.

Дмитрий говорит, а я на него не отрываясь смотрю. Он это серьёзно?

– Антон пару недель назад забрал все деньги из дома. Если честно, я решил, что он хочет уехать куда-нибудь. А позавчера он мне позвонил и пообещал, что Лерку с детьми скоро домой вернёт. Я попытался его отговорить, сказал, что я этого уже не хочу. Но Антон лишь рассмеялся в ответ и слабаком обозвал. И смех был не добрым каким-то...

Дмитрий замолкает, но молчит недолго.

– В округе много дачных кооперативов, СНТ. Нужно узнать продавали ли где-нибудь участки с домиком. Он мог

купить, чтобы отсидеться. Одно не могу понять, кто ему помогает? Ведь он не один...

Пока Дмитрий размышляет вслух, я уже своим звоном и новую информацию передаю, заставляя всех действовать дальше.

Через короткое время перед нами лежит список дач, которые были проданы на прошлой неделе. Их было немного и пять из них в округе. Всё это осложняется тем, что у Антона Андрейка и у мужчин оружие. К тому моменту, как Лера спускается на кухню, мы уже знаем, где искать.

Мне хватает беглого взгляда, брошенного на жену, чтобы заметить заплаканные глаза Лерки и её отрешённый взгляд. Она даже не замечает присутствия Дмитрия. Подхожу и обнимаю её, Лерка утыкается лбом мне в грудь и молча плачет. А я просто обнимаю её, пытаюсь успокоить.

– Поднимись к Миرونу, он ждёт тебя, – просит Лера.

Беру её личико, усталое и измученное, в свои ладони, стираю с её щек слёзы.

– Лерочка, я обещаю, вечером Андрейка будет дома. Держись, моя девочка. Ты сильная, – касаюсь губами её лба и прошу. – Извини, милая, у нас гость. Свари нам крепкий кофе. Мы сейчас уйдём.

Лера отрывает от меня взгляд своих печальных глаз и смотрит в сторону Дмитрия.

– Здравствуй, Валерия, – глухо произносит он.

– Сейчас сварю кофе, – отвечает моя Лерка и даже не здо-

ровается с бывшим мужем.

Я поднимаюсь на второй этаж и захожу в детскую. Замираю на пороге. Мирон лежит на полу и что-то рисует. Увидев меня, подскакивает и подбегает ко мне. Я опускаюсь на колени и прижимаю к себе мальчишку. Наверное, я бы сошёл с ума, если бы похитили Мирона. Именно в этот момент я понимаю, что сейчас чувствует Дмитрий.

– Папа, Андрея забрал дядя Антон и вернул его к папе?

– Нет, Миронушка, – смотрю на мальчишку и вижу миллион вопросов в его взгляде. – Андрея забрал дядя Антон, но мы с папой обязательно найдём Андрея. С ним всё будет хорошо, верь мне.

Мирон кивает и задаёт следующий вопрос:

– Папа, а где Дэзи и Тина?

– Они в собачьем госпитале. Когда пойдут на поправку, вернуться домой, – отвечаю я мальчишке и только сейчас понимаю, что даже не поинтересовался, как дела у Сергея, не то, что вспомнил о собаках.

– Мирон, милый, мне нужно идти. Сегодня я буду занят. Слушайся маму.

Целую Мирона и спускаюсь в столовую. Выпив кофе, мы с Дмитрием уходим, нас уже ждут.

Глава 24. Андрей

Мы проверяем все пять адресов. Везде пусто. Их нигде нет!.. Где Андрейка? Где мой голубоглазый мальчишка? Б...ь, где он? Как я посмотрю в глаза своей девочке? Она ведь ждёт!.. Верит, что я его найду, и терпеливо ждёт дома!.. На сердце поганее не придумаешь... Дмитрий тоже молчит... Обвиняет... Молчит и смотрит с укоризной... С..а, а что я могу сделать?..

Уже подъезжаем к нашему посёлку, как нам путь перегородиваем легковушка старенькая. Из неё мужичок неказистый вылезает, к нам направляется.

– Вы мальчонку ищите?

Мы с Дмитрием напрягаемся, готовые услышать всё, что угодно.

– Меня сын попросил вам передать. Два мужика вчера к бабе Мане приехали. Мальчишки он не видел, но они быстро что-то в дом занесли. Если пацан небольшой, то вполне может быть, что его. Мужики по описанию на ваших похожи. Машина «Нива» старенькая во дворе стоит, – выкладывает мужик.

– Где живёт эта баба Маня? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Кто твой сын? – задаёт, почти одновременно со мной, свой вопрос Дмитрий.

– Баба Маня живёт по соседству с моим сыном, а сын мой

– местный участковый, – рассудительно объясняет мужик. – Здесь недалеко. В соседнем районе. Сейчас сын дома, во дворе дрова колит, да за соседями присматривает. Они баньку топят.

И он протягивает нам телефон.

– Можете ему позвонить, он вам всё расскажет, – добродушно говорит наш доброжелатель.

– Поехали. Деревню покажешь, – и мы прыгаем в машину. Набираю спецам, сообщаю адрес.

Ехать действительно недалеко. Немного не доезжая до деревни останавливаемся, ждём группу захвата. Без них соваться не то что страшно, за мальчишку боязно. Просим мужика сыну набрать, попросить, чтобы подъехал.

Через десять минут к нам парень молодой подходит, здоровается, представляется местным участковым и сразу по делу говорить начинает. В это время и группа захвата подъезжает. Все готовы.

На улицу сумерки спускаются. Ребята к штурму дома готовы. Участковый им всё рассказывает подробно, как про территорию, так и про дом. Мы с Димой остаёмся за бортом этих событий. Нас туда даже близко не подпускают. И правильно делают, но мы же настойчиво вперёд рвёмся. Командир говорит, что будем под ногами путаться и просит не отвечивать. Конечно, будем. Там наш сын. Мы как два сумасшедших папаши.

Врываемся во двор следом за ребятами. Антон и сообщ-

ник его рожей в снег во дворе уложены. Даже сообразить не успели что к чему, не то, что б оружие применить, достать его не успели.

Мы мимо пробегаем и в дом вваливаемся. Бабка напугана, с фингалом под глазом.

– Мальчишка где? – орём мы, как два сумашедших.

А бабушка рукой на дверь в другую комнату показывает, а сама к стене прижимается. Мы точно её напугали, но нам как-то не до неё. Распахиваем дверь в другую комнату и замираем... На кровати спит Андрейка. Подходим тихо и над ним склоняемся. У пацана испарина на лбу, в комнате лёгкий запах уксуса присутствует. Димка ему руку на лоб кладёт и на меня смотрит.

– Андрей, у него температура. И высокая... Его в больницу надо.

– Домой, там Игорь. Он – врач. Он будет принимать решение о госпитализации.

– Он совсем голый. С..и, они его что, заморозить решили?

В одеяло заворачиваем мальчонку и во двор, к машине. Нас не интересует, что с этими уродами будет. Даже Димку не интересует судьба его брата.

Машина посреди дороги мною брошена. Я так спешил, что даже двигатель не заглушил. Чему сейчас несказанно рад, салон остыть не успел. Врубаю печку на полную. Лишь бы Андрей не замёрз и по газам. Лихо разворачиваюсь и несусь к дому. На ходу Игорю набираю:

– Ты где?

– Ещё у тебя, сейчас Лерке укол сделаю. Нужно, чтобы она хоть немного поспала. На призрак уже похожа. И домой...

Он ещё что-то хочет сказать, но я не даю, резко бросаю в трубку:

– Лерке укол делай и нас жди. Андрейка с нами, у пацана температура и синяки на теле... Короче, ты нам нужен, – и сбрасываю, сосредоточившись на дороге.

К дому подъезжаем, охранник, заметив машину издалека, ворота вручную откатывает. Помогаю выбраться из машины Дмитрию. Хочу взять Андрейку на руки, но Дима не выпускает сына из рук, приходится помочь ему вылезти из машины с ношей на руках. Спешно идём к дому. Мороз ниже двадцати опустился, а у нас ребёнок в одно одеяло тоненькое завернутый.

Бегом поднимаемся на второй этаж, в спальню к Андрею, укладываем его на кровать. За нами следом заходит Игорь и дверь закрывает. Отбрасывает одеяло, берёт фонендоскоп, слушает, потом осматривает. Андрей не просыпается.

– Они ему снотворное вкололи, поэтому спит крепко, – и показывает на точку от укола. – Знать бы что и дозировку. В легких чисто. Температура высокая, но пока наблюдаю...

И нас к двери оттесняет.

– Вон отсюда, вы на людей мало похожи, в гроб краше кладут. Позову, когда нужны будете. А пока, отдыхайте. В порядок себя приведите, чтобы дети утром не испугались.

Это обоим касается.

И, вытолкнув нас из спальни, друг закрывает дверь изнутри.

– Пошли. С ним спорить бесполезно. Нужно просто заткнуться и довериться, – я пытаюсь Дмитрия успокоить.

Димка нехотя идёт за мной. В гостиной Мирон играет с няней. Мы пронеслись на второй этаж, даже их не заметив.

Мир, видя, что мы спускаемся, несётся ко мне. Подхватываю мальчишку на руки, целую его щёчки и зарываюсь в него носом. Замираю, боюсь выпустить его из объятий. Благодарю няню:

– Спасибо, Таисия Ивановна. Можете идти отдыхать. Дальше я сам управлюсь.

Женщина кивает мне, но не уходит, продолжает смотреть телевизор и наблюдать за Мироном.

Мир шепчет мне на ушко:

– Ты Андрюшу привёз?

– Да, – также тихо отвечаю я. – Он сейчас спит, к нему нельзя. Завтра увидите.

Мирон хочет слезть с моих рук, и я готов его опустить на пол, но мальчишка замечает Дмитрия и вновь прижимается ко мне, обхватывает своими ручонками мою шею, хотя и смотрит на отца. Догадываюсь, Мирон не готов к встрече с ним. Дима улыбается сыну и протягивает руку к нему. Но Мирон резко разворачивается и утыкается носом в мою шею.

– Мирон, давай поздороваемся. Так некрасиво. Ты же у

меня умник, – я целую Мирона, но мальчишка отрицательно качает головой. – Дим, давай позднее. Он сейчас привыкнет.

Клавдия, это наша домработница, или как говорит Лерка, помощница по хозяйству, зовёт нас к столу. Мирон не слезает с рук, всё также крепко держит меня за шею.

– Может ты пойдешь, поиграешь? – предлагаю я.

Но Мир тихо спрашивает:

– Можно я с тобой посижу?

– Конечно, можно, – и треплю его по вихрастой голове, мальчишка улыбается, пододвигает стул максимально близко к моему и садится на него. Посидев пару секунд, подпрыгивает и бежит за вилкой. Вместе с нами уплетает мясо из моей тарелки. Клавдия, заметив это, подкладывает мне добавку и тихо произносит:

– Ни мальчишка, ни Валерия Александровна со вчерашнего дня ничего не ели. В Мирона с трудом втолкнули утром кашу.

Я тоже ничего не ел со вчерашнего завтрака. Поэтому аппетит зверский. К концу ужина Мирон уже посматривает на Диму более открыто, но на вопросы отца не отвечает. Застенчиво улыбается и не прячется за меня, это уже прогресс.

Поблагодарив Клавдию за ужин, я сам завариваю нам с Дмитрием кофе. Как бы мне не было в тягость общение с этим мужчиной, но он отец моих мальчиков и общаться с ним мне придётся. Притом сегодня я сам видел, как он переживал за Андрея, как искал, прочёсывая дом за домом,

участок за участком, не взирая на погоду, дикую усталость и мокрые ноги. Поэтому принимаю решение и предлагаю Дмитрию остаться у нас, хотя бы на ночь.

– Спасибо. Я постараюсь вам не надоедать. Как только пойму, что с Андреем всё хорошо, сразу уеду.

Взяв свои чашечки с кофе идём в зимний сад. Так Лерка называет закрытую террасу в нашем коттедже. Въехав в этот дом, моя девочка, начала его обустраивать под себя, и мне это чертовски нравится. Через месяц наше гнёздышко было не узнать.

У мамыли на террасе зимой бельё сохло, пустые банки хранились, мелочь всякая выставлялась, чтобы под ногами не путалась. А у Лерки здесь теперь тепло, цветы комнатные растут, диван, кресла, гамак. И так приятно здесь вечером сидеть, любимую обнимая, расслабиться после тяжёлого трудового дня и звёздами зимними любоваться.

На улице -20, а здесь +18. Комфортно. Садимся на диван, закуриваем. К нам Мирон, посмотрев вечерний мультик, прокрадывается. На колени ко мне забирается. И ноги на диван ставит. Дима аккуратно до ножки Мирона дотрагивается.

– Мирон, ноги замёрзли. Смотри какие холодные.

А сам ножку мальчишки в свои руки берёт и растирает. Мирон немного дёргается, но потом успокаивается. На меня смотрит.

– Сейчас ножки согреем и спать пойдём. Тебе сказку про-

читать? – спрашиваю.

Мирон кивает, щёчкой ко мне прижимается, на отца внимательно смотрит, изучающе, будто видит впервые. Я наблюдаю за ними. Они знакомятся друг с другом заново. Осторожно, не торопясь знакомятся. Для Мирона, не знавшего ласки от отца, действия Дмитрия в новинку. Для Дмитрия это тоже новые ощущения, ведь Мирон для него не существовал ранее.

– Тепло, Мирон? – интересуется Димка, явно хочет голос сына услышать.

Мир молчит, ничего на его вопрос не отвечает, но и ноги не убирает.

– Ты за Андреем приехал? – вдруг спрашивает Мирон и смотрит на Диму, но отцом не называет.

– Нет, Мирон, что ты? Я просто в гости к вам приехал. Без вас скучно. Можно?

Мирон смотрит на меня. Я киваю, даю согласие.

– Папа разрешил, – отвечает Мирон и застенчиво прижимается ко мне.

Дима горько улыбается, отворачивается от нас и сжимает пальцами переносицу. Болью физической пытается заглушить боль душевную.

Мирон разворачивается у меня на коленях, обнимает меня и целует.

– Папочка, – вижу, как вздрагивают плечи Дмитрия, и он поворачивает к нам лицо, – ты колючий.

Мирон проводит ручонками по моему лицу и смеётся, потом тянет ручку к лицу отца, проводит по ней, смеётся и подводит итог:

– Он тоже.

Дмитрий тает от прикосновения сына, улыбаясь ему, и целует детскую ручонку. Встаю с Мироном на руках.

– Пойдёмте отдыхать, – предлагаю я. – Мирон, ты чистил зубки на ночь?

– Нет, – бойко отвечает он.

Мирошка разбаловался. Мальчишка кривляется у меня на руках, и я его на плечо забрасываю, легонько похлопывая по попке, говорю:

– Всё, мой милый, попался. Или тихо болтайся, или за попку укушу.

И легонько прикусываю, Мир взвизгивает. Так мы и поднимаемся на второй этаж. Димка направляется в спальню к Андрею, а мы с Мироном в ванную чистить зубки.

Укладываю Мирона в кровать, читаю книжку, целую на ночь.

– Папа, а он будет спать с нами? – неожиданно для меня спрашивает мальчишка.

Я останавливаюсь в дверях и разворачиваюсь на 180 градусов, снова подхожу к Мирошке. Сажусь на пол, рядом с его кроватью.

– Мирон, «он» это кто?

Мирошка смотрит на меня и молчит.

– Если ты имеешь в виду папу, то да, папа останется у нас на несколько дней. Он скучает по вам. Ему хочется немного побыть с вами, поиграть, почитать книжки.

Я смотрю на мальчишку и вижу в его глазках миллион и один вопрос, но он молчит, лишь хмурит бровки.

– Ты мой папа!.. – резко говорит Мир, отворачивается от меня и закрывает личико руками.

Так, понятно, его детский мозг не принял двух пап.

– Хорошо, Мирон, давай поговорим серьёзно. Ты большой мальчик, тебе уже пять лет, и я считаю, что ты способен всё понять.

Сажусь в кресло, зову Мирона и сажаю подбежавшего мальчишку к себе на колени. Я решаю попытаться всё объяснить Мирону, хотя сам ещё не знаю, что и как я должен сказать.

– Мир, летом ты жил в Москве с мамой, папой и Андреем. Так?

Мир кивает в знак согласия.

– Потом вы с мамой и Андреем переехали ко мне. Так?

– Нет. Мы сбежали от него...

Мне это пояснение совсем не нравится, хотя он отчасти прав. Но Мирон должен забыть всё плохое, что связано с отцом. В памяти должно остаться только хорошее.

– Мир, сыночек, ты не прав. Сбегают только трусы. Вы уехали, – настырно повторяю я. Мне важно, чтобы это понял Мирон. – Договорились?

– Хорошо, – соглашается Мирон. – Мы уехали к тебе.

– Папа остался жить в Москве в вашей квартирке. Так?

И снова кивок согласия.

– Малыш, но папой, из-за того, что вы живёте в разных городах, он быть не перестал. Он ваш папа. Он любит вас. Хочет, хотя бы иногда, с вами встречаться. Это понятно?

Миронушка серьёзно смотрит на меня. Его детский мозг напряжённо думает, решая далеко не детскую задачу.

– Но ведь ты мой папа!.. – настырно говорит Мирон.

– Мирон, это мы с тобою так решили, что я твой папа. Тебе очень хотелось, чтобы папа был рядом, заботился о тебе. Мне очень хотелось, чтобы у меня был сын. Нам вместе этого хотелось. Поэтому ты назвал меня папой, а я этому очень обрадовался.

Я целую Мирона, укладываю его голову к себе на грудь и начинаю тихонько покачивать мальчишку.

– Папочка, а если я назову его папой, ты не обидишься?

– Нет, сынок, не обижусь. Ведь папа не обижается на то, что ты называешь папой меня.

– А мама? – задает очередной вопрос Мирон.

– И мама не обидится...

– А Андрейка? – не унимается Мирон. – Ведь у него только один папа, а у меня будет два.

– И Андрей не обидится. Если Андрей захочет, у него тоже может быть два папы. Я против не буду, – объясняю я мальчишке.

Миرون засыпает, я ещё немного держу его на руках. Только сейчас понимаю, какие сложные задачи решают наши дети. Ведь мы, решая свои взрослые вопросы, совсем не задумались о мальчишках. Как они воспримут эти перемены? Согласны ли с нашими решениями?

Даю возможность Миرونу уснуть покрепче и укладываю его в постель, укрываю одеялкой. Аккуратно выхожу из спальни Мирона, включив ночную няню и неплотно прикрыв дверь.

Захожу в спальню Андрейки. Мальчишка спит, безмятежно раскинув руки. За наше отсутствие Игорь одел на Андрея пижамку. На тумбочке появился дежурный чемоданчик нашего домашнего доктора. Кресло Игорь придвинул ближе к кровати. Доктор основательно устроился здесь на ночь.

Игорь и Дмитрий тихо беседуют стоя у окна.

– Игорь, может домой, – предлагаю я другу.

– Нет, дружище, до утра потерпишь моё присутствие. Температура спала, сейчас в норме. Возможно это была защитная реакция организма. Мальчишка проснётся, тогда смогу сказать больше. Внешне есть немногочисленные синяки. Но от чего они? Не скажу, не знаю. Спит спокойно, на прикосновения не реагирует. Значит не больно.

Смотрю на Андрейку и испытываю такое счастье. Ведь если бы вернуть не смог, как бы в глаза Лерки смотрел? А Миرونу?

– Лера как? – спрашиваю я.

– Лерка нормально. Сейчас выпится и утром будет летать по дому. Тобой командовать, – смеётся Игорь, я в ответ улыбаюсь другу.

Он всё подметил правильно. Рядом с женой я становлюсь домашним, мягким и пушистым. Лерке позволяю намного больше, чем всем остальным. Я просто её люблю больше жизни!

– Дим, пойдём, покажу тебе твою комнату. Отдохнуть нужно. Завтра мальчишки проснутся, уже поспать не получится, – предлагаю я.

– Я здесь буду, – настойчиво произносит Дмитрий.

– Мне всё равно, где ты будешь. Я просто покажу, где ты можешь отдохнуть, принять душ и побриться, – настырно повторяю я и направляюсь к выходу. Димка выходит следом. Показываю ему его комнату и ухожу к себе.

Наскоро умываюсь и падаю на кровать. Последнее, что помню, это, как нырнув под одеяло, я прижимаю к себе свою Лерку, вдыхаю её запах и проваливаюсь в глубокий сон.

Глава 25.

Лера

Просыпаюсь от того, что мне нечем дышать. Я задыхаюсь. Мне перекрыли кислород. Пытаюсь выбраться, а меня не пускают. В страхе открываю глаза. В свете луны вижу нашу спальню и слышу ворчание мужа: «Спи, ещё ночь». Андрей спит рядом и обнимает меня во сне. Первая мысль, что посещает мой сонный мозг: Андрей не посмел бы прийти ко мне,

если бы он не нашёл моего сына. Следом в мой мозг врывается другая: Андрейка дома. Хочу пойти к нему в спальню и прижать сына к себе. Но оставляю это желание до утра. Сейчас меня не пустит Андрей.

Устраиваюсь поудобнее в объятиях мужа и снова засыпаю.

Утром меня будит включившийся телефон. Значит семь часов. Нужно тихонечко встать... Но объятия мужа слишком крепкие, просто так выбраться из них не получится. Полежав ещё пару минут, начинаю возиться из объятий выбираясь.

– Лера, девочка моя, ты можешь ещё немного полежать спокойно. Я сон не досмотрел, – ворчит Андрей и нежно за мочку ушка прикусывает.

– Андрей, отпусти меня, – настойчиво пытаюсь сбросить я руку мужа и выбраться из его объятий. – Можно я к Андрейке сбегая? Он же дома?

Спрашиваю, а у самой сердце останавливается. А вдруг нет? Вдруг Андрей не нашёл мальчишку?

– Дома. Если бы его дома не было, меня бы тоже здесь не было, – довольно отвечает муж. – У него Игорьь.

– В смысле? – я подпрыгиваю в кровати и готова уже к сыну сорваться.

Ведь Игорьь – врач, значит моему мальчику плохо. А я здесь сплю, в объятиях мужа нежусь!

– Стоять! – за спиной звучит грозный рык мужа, а дальше очень нежно. – Лерочка, халатик накинь и тапочки не забудь. В комнатах прохладно, да и у кроватки Андрея, кроме

Игоря, Дмитрий на ночь оставался. Не в таком же виде перед мужчинами появляться.

Я обалдеваю от его голоса, такого нежного, с хрипотцой лёгкой. Беру халат, ноги запикиваю в тапочки и выхожу из спальни. В детской тишина.

Заглядываю в спальню Андрея. Никого. Спит мой мальчишка, безмятежно во сне ручки раскинув на подушке. Наклоняюсь и целую его в лобик.

За спиной шёпот раздаётся:

– Лерка, доброе утро. Ты чего так рано вскочила?

– Доброе утро, Игорь. Ты почему здесь? Что с Андреем?

– С Андреем всё нормально. Вчера температура была. Сейчас проснётся, осмотрю горлышко и домой поеду. К вечеру с Ириной приедем. С ним поработать придётся, он сильно напуган, – поясняет Игорь.

– Где Дима? – мне очень хочется услышать, что он уехал.

– У Мирона. Мир проснулся рано, вот мы его и развлекаем, – от этих слов у меня даже волосы зашевелились. Мирон боится Димку, а сейчас он с ним один в комнате. Ничего не отвечаю Игорю и быстро иду в спальню к Мирону.

Открываю дверь. Мир сидит в кроватке и что-то рассказывает отцу, тот улыбается. Увидев меня, Мир подпрыгивает и виснет на моей шеи.

– Мамочка, Андрей дома. Я к нему уже ходил, проведаль, но он спит. А папа проснулся? – киваю сыну, целую его щёчки, носик, а он уже готов сбежать от меня. Отпускаю. Его

удержать на месте просто невозможно. Как только ножи на пол опустились, Мирон срывается с места и несётся в нашу спальню. Мне остаётся лишь улыбнуться ему вслед.

– Доброе утро, Валерия, – Дима встаёт с кресла и делает шаг ко мне. – Извини за вторжение. Меня Андрей пригласил. Если с сыном всё хорошо, я уеду завтра.

Кивая в знак согласия, но ни единого слова сказать не могу, спазмом горло сдавило. С трудом выдавливаю из себя:

– Я пойду, – и быстро выхожу из комнаты.

Мне сложно находиться в одной комнате с Димкой. Сама не знаю почему, но ни секунды с ним быть не хочу. Внутри всё противится.

Захожу в спальню. Там идёт подушечный бой. Мирон явно проигрывает, но сдаваться не собирается. Увидев меня, сын бросается ко мне ища помощи. Андрей падает на кровать.

– Заберите от меня Мирона, он меня замучил, – смеётся Андрей.

– Нет, папочка, нет. Это ты меня мучишь, – смеётся Мирон и забирается к Андрею на живот, оседлав его.

Я улыбаюсь моим мужчинам. Как я их люблю.

– Пошли умываться. Там уже завтраком вкусно пахнет, – призываю их к порядку и ухожу в ванную.

Глава 26. Андрей

Умываемся вместе с Мироном. Этот маленький негодник не хочет чистить зубы и халтурит. А когда я делаю ему замечание, мальчишка заливисто смеётся и обвиняет меня в подсматривании.

Умывшись, идём одеваться. На пороге его комнаты передаю Мирона в руки няни, а сам ныряю в свою спальню в надежде обнаружить там жену. Но Лерке в спальне нет. Одеваюсь и иду искать своё сокровище. И нахожу в спальне Андрейки.

Мальчишка проснулся, сидит на кроватке и горько плачет, а Лера пытается его успокоить.

– Доброе утро, мальчишки и девчонки. По чём горькие слёзки?

Спрашиваю у Андрея, а сам на Леру смотрю, а она плечами пожимает. Беру Андрейку на руки, целую в лобик. Лоб нормальный, температуры нет. Я выдыхаю.

– Так что приключилось, Андрюш? – спрашиваю настойчиво.

– Мне страшный сон приснился, страшный престрашный, – всхлипывает малыш. – Там... там... там... дядя Антон меня увёз куда-то, там... там... было холодно и страшно, а ещё он Тину убил и Мирона, и пообещал маму убить. Я так кричал, плакал, а другой дядя мне уколы делал, чтобы

я молчал.

Андрей это всё выдаёт с присущей ему говорливостью, только всё это смешивается со всхлипами и подвываниями. Крепко прижимаю Андрюшку к себе, сажусь на кровать, его на коленях разместив.

– Тише, мой хороший. Это просто сон, – пытаюсь успокоить Андрея, а сам на Лерку смотрю. – У тебя температурка была, вот кошмар и приснился.

Лерка слёзки вытирает и в кресло садится.

В этот момент дверь тихонечко отворяется, и Мирон протискивается в спальню брата.

– Проснулся, соня, – Мирон забирается на кровать к Андрейке и устраивается, рядом с нами.

Андрей смотрит на брата, хлопает ресничками:

– Ты живой? – и визжит от радости. – Это был сон! Сон! Сон!..

Мы с Леркой выдыхаем. Пусть будет сон. Страшный сон продлившийся для нас целую вечность... Пусть для него это будет сон...

– Конечно, милый, это был сон, – говорю я и глазами прошу Леру, всех предупредить об этом. – Побежали быстро умываться, у нас гости. Папа к тебе приехал. Сегодня ты будешь с ним играть.

Мирон вылетает из комнаты, бежит на первый этаж с диким криком:

– Андрейка проснулся!.. Ему приснился страшный сон!..

Леру отправляю вслед за Мироном, а сам вожусь с Андреем. Почему-то мне так спокойнее.

Перед обедом мальчишки просят гулять. Но мне немного тревожно. Вольер пуст. Звоню в ветклинику, узнать о самочувствии Дэзи и Тины.

– Тину можно забрать. Немного прихрамывает. Пулю извлекли, она каким-то чудом под лопаткой застряла, не задев важных органов. А вот с Дэзи придётся повременить. Одна пуля застряла в лёгком, пришлось извлекать под общим наркозом, большая кровопотеря, вторая раздробила ключицу, – и вдруг доктор нерешительно как-то спрашивает. – А Вы уверены, что стреляли в собаку?

И я зависаю. Я об этом даже не думал, но зная, что Антон теперь надёжно закрыт, отвечаю:

– Суд разберётся и преступник будет наказан. Меня интересует только жизнь собаки.

– Жить будет, но недельку ей придётся провести у нас.

– А мальчикам можно её поведать? – спрашиваю я.

– Да, конечно, но заранее позвоните. О времени нужно будет договориться. У неё режим, – смеётся собачий доктор.

Мы договариваемся, что сейчас за Тиной подъедет охранник и заберёт собаку домой.

Андрей с няней и отцом спустились на первый этаж, а мы замешкались в спальне Мирона. Мир вперёд убегает, а я застреваю с Леркой в холле, целую её губки. Подходим к лест-

нице и видим картину: Дима стоит на нижних ступенях лестницы, опустившись на колени, Мир замер на площадке между этажами в нерешительности. Мирон боится отца, я это знаю. Мальчишка мне в этом честно утром признался. Я же постарался его убедить, что папу не нужно бояться. Но понял ли меня Мирон, справился ли я со своей задачей миротворца?

Лерка хочет что-то сказать, но я успеваю закрыть ей рот рукой. Да, грубо, но мы не имеем права мешать Диме и Мирону, они должны справиться самостоятельно.

– Мирон, сынок, иди ко мне, – говорит Димка и протягивает руку к сыну.

Мир стоит ещё какое-то время и делает нерешительный шаг вперед, замирает, делает ещё один шаг, не менее нерешительный, снова останавливается, словно прислушивается к себе.

– Я тебя не боюсь... – шаг вперёд. – И мама тебя не боится... – ещё одна ступенька навстречу. – У нас есть дядя Андрей... – ещё один шаг, остаётся две ступеньки и Дима сможет взять Мирона на руки. – У меня есть ещё один папа. Он меня любит.

Мирон преодолевает две последние ступеньки и останавливается. Я замираю, ужасно боюсь, что Дмитрий сделает ошибку, перехватываю его взгляд и качаю головой, а хочу крикнуть «Нет!..». Дима понимает меня и сам замирает перед Мироном.

Мир протягивает ручонку и берёт отца за руку, смеётся заливисто:

– Не страшно!.. Пойдём гулять, папа.

Лерка выдыхает, я тоже. Почему-то за Мирона я переживаю больше всего. Наверное, потому что я папа.

Спускаемся вниз и идём гулять на задний двор, подальше от ворот и пустого вольера. Впятером строим крепость и играем в снежки. Снег сегодня хорошо лепится.

Мальчишки постоянно обстреливают нас снежками, которые лепит Лерка. Она одна успевает лепить за троих, так как лепит не только мальчишкам, но и себе. Обегаю крепость вокруг, хочу пленить красавицу, но спотыкаюсь и падаю. На меня тут же нападают мои сорванцы. Смеются, довольные, что победили. Подхватываю их на руки. Они мои! Мои!

– Папочка, – шепчет Мирон, а Андрей молчит и улыбается.

Подхожу со сладкой ношей к Лерке. Она стоит на тропинке и с Димкой разговаривает. У меня внутри всё останавливается. Ведь они были мужем и женой... Но мысли чёрный прогоняю. Лерка меня любит.

Подхожу вплотную к Димке и мальчишек ему передаю из рук в руки. Андрей сразу за шею отца цепляется.

– Папочка, – и начинает тараторить, рассказывая Димке исход баталии, а Мирон немного медлит.

«Смелее», – шепчу Мирону, и мальчишка Димку за шею берет и брата перебивает, отца спрашивает:

– Ты же тоже мой папка?

– Конечно, сынок, – отвечает Димка, а сам глаза сильно зажмуривает. Я понимаю, что сейчас с ним происходит... Но если мне «папа» Мирона было подарком, я его приобрёл, то для Димки это слово наказание. Он, поняв и прочувствовав, его теряет.

– Пошли, посмотрим, кто к нам приехал, – зову я, услышав, что машина приехала, – слезайте с папки.

Дима нехотя опускает мальчишек на дорожку и берёт их за руки. Выходим из-за дома. Приехал Денис и Тину привёз. Собака прихрамывает, но уверенно трусит к нам. Мальчишки как завизжат и к Тине бросаются, а Тинка садится и ждёт сорванцом, словно понимает, что бегать ей ещё нельзя.

На обнимавшись с Тиной, Мирон ко мне подходит.

– Папа, а где Дэзи? Она... – и слово страшное не произносит, замолкает, глазами от слёз блестящими на меня смотрит.

– Нет, Мирон, нет. Жива Дэзи. Мы после обеда к ней с тобою поедем, проведем, и прижимаю мальчишку к себе.

Глава 27. Лера

Сумасшедший день какой-то. Устала жутко. Ведь ничего практически не делала, а устала. Бескрайне счастлива, что с мальчишками всё хорошо.

Андрейка ничего не помнит. Вернее, помнит всё, но он уверен, что это был сон. Мироша молчит и не пытается разубедить брата. За это нужно сказать спасибо Андрею. У меня самый шикарный муж, самый умный, самый добрый и отзывчивый. Самый-самый...

Ещё утром безумно переживала, как я справлюсь с наличием рядом бывшего. Но благодаря Андрею, справляюсь. Да и Дима ведёт себя корректно, держится на приличном расстоянии. Целый день играет с мальчишками. Просто удивительно! Раньше он никогда этого не делал. В лучшем случае с Андреем поиграет немного и всё.

Мирон называет обоих мужчин папами, но Димку зовёт папой, а Андрея – папочкой. И оба отзываются.

К вечеру я просто падаю от усталости. На ночь сказку мальчишкам читает Дима, а мы с Андреем спускаемся в кабинет.

– Лерка, я больше ночи без тебя не выдержу, – шепчет Андрей, заключив меня в объятия, едва успев закрыть за собой дверь.

– Ну, Андрей, – шепчу в ответ. – Я не могу молчать... Ты же знаешь...

– Не молчи, – и он целует меня в губы.

Поцелуй нежный и властный одновременно, так целовать только он умеет. Целует, а руками попку мою сминает и рычит довольным.

– Андрей, ну, не здесь же... – возмущаюсь я.

– Конечно, не здесь. В нашей спальне. Это я так, соскучился очень, – он говорит уже серьёзно, хотя обнимать и ласкать не перестаёт. – Малышка, как ты с Димой общаешься?

– Нормально. Практически не разговариваем. Мне сложно его в нашем доме видеть, – честно говорю я. – Но, Андрей, я прекрасно понимаю, он должен общаться с мальчишками. Андрейка скучает по нему. Отпустить сына куда-нибудь с Димой я ещё не готова. И долго готова не буду. Пусть лучше здесь общаются.

– Мне завтра на службу. Если вас одних оставлю, потом не пожалею? – мой любимый ревнивец мне в глаза заглядывает, а я тянусь к его губам.

– Нет, – выдыхаю прямо в губы, – мне никто другой не нужен. Я вся твоя, полковник, – и к губам его припадаю.

Андрей меня под попку подхватывает и на стол сажает, а сам смеётся:

– Лерка, мы детей на ночь не поцеловали. Сейчас прибегут.

Я ответить не успеваю, дверь тихо отворяется и Мир по-

является. Смотрит на нас внимательно, а мы замерли. Всё бы ничего, но малыш не один. Он с Димой вместе на наши поиски пустился. И вот если для малыша ничего сверхъестественного не происходит, то для Димы наша поза неоднозначна... Он догадывается...

– Пойдём, Мирон. Куда мама с папой деться могут? Только спрятаться в одной из комнат. Ты их нашёл, молодец, а теперь спать.

Но Андрей уже подхватил Мира на руки и к себе прижимает.

– Сейчас, сынок, мы маму с тобой успокоим, спать уложим и сами спать пойдём.

И снова меня к себе привлекает, закрывая меня от назойливого взгляда Димы. Мирошка меня за шею обнимает и в щёчку меня целует.

– Мамочка, не расстраивайся, мы с папой рядом.

– Мирош, Андрейка где? – спрашиваю у сына.

– Он уснул, пока сказку слушал. А я нет, – хвастается Мирошка.

Я невольно улыбаюсь и сына целую.

– Пошли, моя капризная женщина, мы с Мироном тебя в кровать уложим.

Выходим из кабинета втроём, Андрей на одной руке Мирона несёт, второй меня нежно обнимает. Я по сторонам смотрю, глазами Димку ищу, но не нахожу.

Заходим в спальню, послушно ложусь в кровать, Мирош-

ка одеяло моё поправляет.

– Спокойной ночи, мамочка. Мы тебя любим. И я, и Андрюшка, и папа...

Закрываю глаза и жду, когда мужчины из спальни выйдут, чтобы в душ сбежать. Только с кровати встаю, как разговор мужчин слышу. Останавливаюсь и замираю.

– Извини, Андрей, мы помешали вам своим появлением.

– Нет. Нужно было некоторые вопросы обсудить. Серьёзные вещи только в кабинете обсуждаем, – отвечает Андрей. – Спальня у нас для другого.

– Но...

– Ты неправильно увидел, Дим.

И я решаю в душ сбежать, чтобы муж меня за подслушиванием не застукал.

На следующее утро провожаю мужа на работу. С мальчиками с утра няня занимается, она у нас только по будням работает, на выходные домой уезжает. Помогаю Клавдии завтрак приготовить, блинчики жарю, пока она квартиру убирает.

– Доброе утро, Валерия, – звучит за спиной и я вздрагиваю, ведь даже не слышала, как Дима на кухню зашёл.

– Испугал, – ворчу я. – Доброе утро. Кофе сделать? Или завтрак подождёшь?

– Валерия, если можно, то вначале чашечку кофе.

Я молча беру чашку, бросаю в кофемашину капсулу и на-

жимаю на кнопку. Дима тоже молчит, лишь взглядом меня буравит. Ставлю чашечку с кофе перед мужем бывшим, и сама снова к блинчикам возвращаюсь.

– Валерия, что молчишь? Хоть слово мне скажи. Неужели сказать нечего? Или...

– Нечего, Дим, – перебиваю его и впервые глаза на него поднимаю, – совсем нечего Дим. А что ты хочешь услышать?

Димка молчит и на меня смотрит.

– Хочешь «спасибо» за сына услышать? Могу сказать только спасибо за их рождение. Спасти от рук брата своего ты был обязан, а ещё был обязан предотвратить всё это. Хорошо, что все живы. Охранник в больнице после ранения.

Снимаю последний блин со сковородки и на стол блюдо ставлю, достаю из холодильника сметану, варенье, сгущёнку, ставлю тарелочки.

– Извини, я другое услышать хотел. Я с мальчиками сейчас позавтракаю и уеду. Не буду вас больше стеснять.

Отхожу к окошку и любуюсь видом из окна. Ночью снова шёл снег, и всё вокруг спрятано под белое снежное покрывало. Дима подходит и встаёт за моей спиной, но до меня не дотрагивается.

– Лер, мне так хочется тебя обнять. Извини, что недолюбил. Только теперь понял, что потерял. Без вас хренова совсем.

Я молчу. Почему-то его жалко становится...

– Знаешь, так много хотел сказать, а сейчас... даже не

знаю, что важнее... Даже после развода надежду лелеял, что смогу тебя вернуть. Думал, что у вас с полковником просто блажь мимолетная. Ты никогда на таких мужиков не смотрела. Сейчас понимаю, что... Ты счастлива с ним... Ты другая, Валерия... И...

Димка не успел договорить, как на кухню влетают мальчишки. Ходить спокойно эти сорванцы не умеют.

– Ничего говорить, Дим, не надо. Я люблю его и никогда от него не уйду. С ним я счастлива, с тобой такого не было... Извини, но ты... – но договаривать не стала, не захотела Димке делать больно. Заглянула в его глаза и остановилась на полуслове, понимая, что произнесённое перебором будет, а хотелось сказать «ты любить так, как он, не умеешь».

Завтракаем почти молча, лишь мальчишки щебечут, как два птенчика. После завтрака Димка вызывает такси и уезжает. На прощание Дима просит разрешение поцеловать, но разрешения не услышав, руку на шею кладёт и лбом в мой лоб упирается.

– Валерия, можно я к сыновьям буду приезжать, хоть иногда, и звонить буду. Без них сдохну, – горько говорит он.

– Можно, Дим, приезжай. Андрей против не будет.

Димка уезжает, а мне так хреново становится, словно не сказала мужу бывшему что-то, что-то важное забыла сказать. Весь день мучаюсь, даже дети от этой мысли не отвлекают.

Но всё проходит, когда Андрей вечером с работы возвращается и я в его объятия попадаю.

– Я боялся, что с ним уедешь, – тихо шепчет он.

– Дурачок ты мой, куда я от тебя уеду, люблю ведь тебя, – шепчу в ответ и губы его ловлю.

Глава 28. Шесть месяцев спустя

Андрей

Поскольку в семье двое мальчишек и в это лето нам не судьба куда-то съездить отдохнуть, решаю воплотить свою давнюю мечту и обустроить бассейн. Получается шикарно и дорого. Ну, прямо как любила моя мама и к чему приучила меня. Большой прямоугольный бассейн с проектировщиком убираем под купол застеклённый, делаем подогрев воды и настил тоже с подогревом, для того, чтобы бассейном можно было пользоваться как можно дольше в наших климатических условиях почти севера. Часть купола убирается и открывает доступ солнечным лучам к шезлонгам, которые установлены рядом с бассейном.

Моё милое семейство, пока на даче идёт стройка, живёт в Питере в нашей квартире. Открытие бассейна решаем приурочить к дню рождения Андрейки. Это наш подарок детворе.

На праздник должны были приехать Леркины родители, но узнав, что на день рождения сына приедет Дима, Александр Тимофеевич отказывается от нашего приглашения. Он Димке ничего не простил и боится, что всё выскажет, этим Лерку заставит волноваться. А волноваться моей красавице сейчас нельзя. Никогда нельзя, а сейчас особенно.

В коттедж приезжаем специально поздно вечером в канун

дня рождения, чтобы из машины сразу в кровать. Мальчишки ничего о подарке не знают. Да и Лера всё видела только на картинке. Для неё это тоже подарком будет.

Укладываем мальчишек спать, просим Клавдию присмотреть за ними, поскольку няня к дочери уехала на всё лето с внуками родными возиться. Хотел другую няню на это время найти, но моя красавица заупрямилась, сказала, что сама справится. Пусть попробует, если что, я быстро ей помощницу найду.

Включаю подсветку садовой дорожки, ведущей к бассейну, и зову Леру прогуляться. Выходим из дома, и фонарики, на движение запрограммированные, вперёд убегают, словно за собой зовут. Увлекаю свою Лерку за огоньками, за угол дома заворачиваем, и огоньки до бассейна добежав, подсветку вокруг него включают. Лерка останавливается и от восхищения замирает.

– Андрей!.. Что это?

Даже в полумраке видно, как светятся её глаза от восхищения и удивления.

– Пошли дальше, сейчас увидишь, что это...

Я увлекаю её за собой, взяв за руку. Мы подходим к бассейну, и я открываю дверь.

– Проходи, моя милая. Как тебе?

– Андрей...

Лерка виснет у меня на шее, а мне большей благодарности и не надо. Она счастлива!.. А для меня это самое лучшее, что

можно придумать. Целую свою жену любимую и на диванчик вглубь бассейна увлекаю. Вот здесь я сегодня её любить буду, пока можно, пока доктор не запретил...

Лера

Утром просыпаюсь поздно. Андрей уже давно встал и с мальчишками в бассейне возится, визг радости мальчишек даже в доме слышен. Потягиваюсь в кровати, принимаю душ. Полотенцем вытираюсь и на своё отражение смотрю. Такой живот у меня с Мироном был перед родами. С Андреем до таких размеров мы не выросли. А здесь ещё два месяца ходить. Врач говорит, что плод крупный, но всё идёт по плану. Беременность третья, возраст молодой. Всё должно быть хорошо. Я тоже в этом не сомневаюсь. Я набрасываю халатик и подхожу к столику будуарному, сажусь на пуфик и в зеркало заглядываю.

Смотрю на своё отражение. Хороша... Беременность на моей коже не отразилась.

В голове мысль надоедливая зудит. Вот уже семь лет вспоминаю рождение старшего сына. До сих пор Димке это простить не могу. Даже время обиду не заглушило.

Димка в командировку тогда уехал за пару дней до рождения Андрея. Уехал, а мог бы и не ехать. Начальство знало, что жена родить должна и не настаивало, он добровольно попросился. «Она сама справится». Как мне тогда тревожно было. Схватки вечером начались. Мужу звоню, страха свои-

ми с ним делюсь, а он равнодушно отвечает, что через это все женщины нормальные проходят. И я не особенная, рожу, и трубку бросает. Вызываю скорую, в больницу еду. Всех мужья провожают, а я одна. На меня, как на брошенку, тогда все смотрели. Мне было так обидно, от этого и боль сильнее казалась. Почти сутки мучилась. Потом, лежа в палате, девчонки мужьям звонят, рассказывают про деток, про своё самочувствие, а мой мои звонки сбрасывает. Только родители мне и звонили, только с ними разговаривала. Дима из командировки приехал перед самой моей выпиской из роддома. И снова обида вспыхивает несмотря на годы прошедшие.

За мысли грустные получаю пинок под ребра. Моей крохе не нравится мамино настроение. Щекочу пяточку-бугорок на животе выступающую.

– Я больше не буду, малышка. Сейчас к папе пойдём. Он нас поцелует.

Привожу себя в порядок, одеваю сарафанчик и спускаюсь вниз. На кухне Клавдия хлопочет. Она меня теперь вообще ни до чего не допускает. Можно только с детьми гулять и, если очень настаиваю, то разрешает пыль на подоконнике вытереть.

Эта женщина с тяжёлой судьбой. У неё муж и сын военными были. Оба погибли. Один в Афгане, другой в Чечне. Родственников у неё нет. Сестра умерла, есть только племянница, но та тётку не жалует. Клавдия ещё с мамой Андрея дружила. Когда Андрей Клавдии предложил работу, она сразу

согласилась. Теперь она нас своей семьёй считает. Андрея, как сына, любит.

– Доброе утро, Валерия Александровна, – никак не могу приучить её меня по имени называть. – Завтрак готов. Ваши мужчины в бассейне. Ну и красоту Андрей Викторович построил...

– Да, Клавдия, мне тоже очень понравилось. Вчера даже слова сказать от восторга не могла. Сейчас схожу за ними и на завтрак приведу.

Выхожу из дома и направляюсь к бассейну, откуда раздаётся визг мальчишек и плеск воды слышен. Нахожу там не только моих мужчин, но и генерала с сыном.

– Лера, Вы очаровательны! – восхищается Григорий. – Век бы любовался беременными женщинами. Есть в этом что-то!.. благородное.

Сыновья ко мне подбегают, к животу щёчками мокрыми прижимаются. Кроха юлить внутри начинает, пяточки свои демонстрировать, с братиками здороваться. Я ойкаю от её сильных и энергичных движений.

– Буяните? – спрашивает Андрей, ко мне подходит и живот целует, потом со спины встаёт и руки под живот подкладывает, слегка его приподнимает.

Сразу так легко становится, хоть маленькая, но передышка.

– Пойдёмте завтракать. Клавдия на стол накрывает, – зову Андрея и целую его.

– Все на завтрак! – командует он детворе и Григория зовёт, но генерал отказывается.

– Жена не простит, если не её блинчики кушать буду, – смеётся он. – Маринка утром приехала и блинчики жарит, – поясняет Григорий.

С его женой мы подружились, но видимся с нею редко. Марина помощником прокурора работает. Постоянно на работе пропадает. Генерал с сыном часто на даче одни бывают. Но если она приезжает, то обязательно встречаемся, и тогда уж держитесь наши мужчины. Отыгрываемся на них за всё.

Идём завтракать. Мальчишки, как всегда, вперёд убегают. А мы с Андреем сзади тащимся вперевалочку.

– Лерунь, Димка звонил. Сегодня после обеда приедет. Но не один.

Смотрю на мужа внимательно. Я понимаю, что Димка бывший мой муж, и не он, а я от него ушла, но видеть его у себя в гостях в другой женщиной я не готова. Червячок ревности просыпается. Андрей мысли мои быстро читает и смеётся:

– Лерка, ты его к другим женщинам до сих пор ревнуешь?

– Нет, – отвечаю. – Но здесь видеть не хочу, – ворчу в ответ и решаю обидеться на Андрея. Во-первых, почему разрешил со мной не согласовав, а, во-вторых, нечего в моих мыслях копаться.

– Не ревнуй и не дуйся. Он с Риткой приедет. Кучеряшка уже почти два месяца с ним живёт. Он хотел опекунство

оформить, но ему отказали.

Я смотрю на мужа, пытаюсь ход его мыслей поймать, даже остановилась. Какое опекунство? Я почему ничего не знаю? А Андрей продолжает:

– Основная причина отказа, Дима не женат. Если бы был мальчик, то проблем бы не возникло.

– Придурки, неужели они считают, что детский дом для ребёнка лучше, чем дядя родной?

Андрей приподнимает моё лицо и в губы нежно целует.

– Лерунь, а давай с Димкой поговорим. Может мы опекунство на Риту оформим?.. Мне кучеряшку жалко. Она так много плохого в свои шесть лет видела...

– Андрей, я не против, но давай сначала с Димой поговорим. Что там вообще произошло? С Олеськой что? Ты что-то знаешь?

Андрей ничего не говорит, но рукой показывает, что знает в общих чертах.

После обеда гости приезжают. В основном это друзья Андрея с детьми. Компания большая, взрослых только десять человек, а вот детворы то поболее будет. Только у Игоря с Ириной четверо. Дети носятся по всей территории, устраивают баталию из водных пистолетов.

Ближе к вечеру приезжает Дмитрий и Рита. Малышка очень изменилась. Из хохотушки превратилась в зверька за-
травленного, который за Димку прячется и от него ни на шаг

не отходит. Только на немного её мальчишки смогли с собой увести, бассейн показать. И снова Рита к Димке прибежала. Так весь вечер его за руку и продержала.

Гости ближе в девяти разъезжаются, а мы в дом перебираемся. Дети в игрушки играют. Рита немного оттаивает и Диму отпускает. Но ни со мной, ни с Андреем не разговаривает. Молчит.

Я мужчинам кофе делаю, и на стул у стола приземляюсь. Димка подходит и рядом садится.

– Валерия, ты очаровательно выглядишь. И почему я раньше твоей красоты беременной не замечал.

– Дим, наверное, потому что не у тебя дома она посуду животом на пол роняет и бьёт в день по чашке, – смеётся Андрей, выбрасывая очередную мною разбитую чашку в мусорное ведро.

Я снова не рассчитала и животом её зацепила. Дима улыбается в ответ, но как-то печально.

– Ребят спать укладывать надо, время, – говорю я, сама готовая уснуть первой, даже без сказки на ночь.

– Пусть ещё полчаса поиграют. Рита только разыгралась и про Димку забыла, – тихо говорит муж, присаживаясь рядом, я тут же поддвигаюсь ближе и на него спиной облокачиваюсь.

Димка смеётся:

– Валерия, ты чего разваливаешься вся? Соберись, ты же молодая и сильная.

– Отвали, Дим, – смеюсь я, – я беременная и мне всё можно. Даже разваливаться под вечер. Расскажи лучше, что у Олеськи произошло.

– История долгая и запутанная. Сам ничего понять не могу. Она рассказать отказалась в своё время, а сейчас...

Димка замолкает, зажимает переносицу пальцами, видно, как ему сложно говорить, но потом всё-таки продолжает:

– Когда ты уехала, Антон на ней всю злобу выместил. Избил в очередной раз. Олеся попыталась сбежать к мужчине. Она с тем мужиком давно уже встречалась, но мужика машина сбила прямо у Олеськи на глазах. Виновного не нашли. Мужик через несколько суток в больнице скончался, так в сознание и не пришёл. Олеся в этом Антона обвинила и себя. Хотела с собой покончить, но неудачно. После этого Антон и решил тебя вернуть. Как потом оказалось не для меня. Для себя. Он понимал, что ему с дочерью не справиться, а ты ему всегда нравилась...

Я после этого заявления замираю...

– В смысле для себя? Как рабыня что ли?

Сама не понимаю, как такой вопрос задаю. В моей голове всё это просто не укладывается... Мне Антон никогда не нравился и в первую очередь из-за его грубости и резкости.

Димка не отвечает на мои вопросы, продолжает.

– После суда к Олесе заехал, рассказал всё. А она засмеялась, обрадовалась, в ладошки захлопала, сказала, что теперь к Вадиму уедет и с ним жить будет. Вадим – это тот,

которого машина насмерть сбила... В итоге, Антон в тюрьме, Олеся в психушке, мама в больнице, отец пьёт. Ну, а мы с Ритой жить пытаемся, но...

Андрей прерывает Димку, договорить не даёт.

– Дим, мы здесь с Лерой поговорили, посоветовались. Мы можем опеку на Ритку оформить, ведь не чужие.

Смотрю на Диму, а он голову вниз на руки роняет и плечи дрожать начинают. Не выдерживаю и к мужу бывшему подхожу, руку на плечо его кладу. А он мою руку своей накрывает.

– Спасибо Вам. Не могу Ритулю в беде бросить. Она моя... – и Димка замолкает.

– Ребята, давайте завтра всё решим. А сейчас нужно детей спать уложить, – Андрей смотрит на нас, а у самого взгляд с нотками ярости.

На кого он так разозлился? На меня? На Димку? Решаю потом уточнить, а сейчас подхожу, обнимаю своего полковника и лбом ему в грудь упираюсь.

– Пойдём, дорогой. Поможешь мне? Я очень устала, – и заглядываю в его глаза.

На меня смотрят ласковые глаза мужа.

– Пойдём, моя Лерка. Сейчас тебе сказку прочитаю.

Дмитрий

Приезжаю на день рождения сына. А здесь народищу... Никак не думал, что день рождения моего сына с таким раз-

махом отмечать будут. Из всех собравшихся я уже хорошо знаком с Игорем, но никогда бы не подумал, что у них с женой четверо детей. Знакомлюсь с соседом-генералом. Нормальный мужик, но относится ко мне настороженно. Жена у него молодая, очаровательная блондинка, но когда узнаю кем работает... Как генерал её на работу отпускает? Я бы точно такую дома под замком посадил. Знакомлюсь еще с двумя сослуживцами Андрея и с их женами. Все знают, что я бывший муж Валерии, но никто не удивляется, даже виду не подают. А может в этом нет ничего не обычного? Может это я такой неправильный со своими взглядами?

Детворы видимо не видимо бегают. Аниматоры приглашенные развлекают детей играми разными, конкурсами. А взрослое население шашлык кушает, в бильярд играет, на солнышке греется.

Сын очень обрадовался моему приезду, на шею повис, но побыл рядом не долго, убежал играть с другими. Мирон тоже подбежал, но на шею не бросился, но в щечку поцеловать разрешил.

Оба моих сына Андрея папой называют. Кажется, просто слово, но на сердце так погано. Ведь это слово только мне адресовано должно быть... Ладно Мирон, до недавнего времени я его сам не замечал. Но Андрея любил же и люблю безумно... Андрей, правда, потом подбежал ко мне и шепнул на ушко: «Папочка, можно я дядю Андрея тоже папой называть буду, как и Мирон. Ты не обидишься?». Как я мог

сыну сказать, что мне обидно будет? Конечно, я согласием ответил.

На Валерию весь день пялюсь, ловя себя на мысли, что чужой женой люблюсь, да и чувства к ней не ослабели. Мысли поганые гложут весь день, ведь сам своими руками и действиями всё разрушил... Внимательно наблюдаю за Андреем, он от Валерии ни на шаг не отходит, постоянно её живот ласкает. И плевать ему, что на него все смотрят, он женой увлечён. Я свои чувства всегда скрывал, боясь показать, что люблю её. Считал это слабостью...

Вечером, когда гости разъехались, Валерия про Олеську спрашивает и очень удивляется, что Риту в детдом забрать хотят. Рассказываю всё, утаиваю только некоторые подробности, которые потом Андрею расскажу. Валерии такое слышать нельзя, волнение ей сейчас противопоказано. А вот помощь Андрея, вернее Ирины, жены Игоря, Ритуле необходима.

Но после предложения Андрея на оформление опекуна над Ритой, я не выдерживаю. Слезы комом к горлу подкатывают и душат, отворачиваюсь и лицо от Андрея и Валерии прячу, но она догадывается, подходит и ручку свою нежную невесомо мне на плечо кладёт, слегка его сдавив. Сердце останавливается от этого прикосновения.

Слишком много я нагрешил, коль судьба так зло со мной играет. Зачем она издевается так надо мной? Сколько Валерия натерпелась от меня, но она меня не оттолкнула, разре-

шила с мальчишками встречаться, разрешила приезжать к ним. Я приезжал и гостил, пусть не часто и не долго, но всё же...

А Андрей?.. Это вообще никак объяснить не могу. Если нас местами поменять, я бы его на пушечный выстрел не подпустил ни к жене, ни к детям. По гроб жизни обязан ему буду. Он к моим детям относится как к своим... Всё для них делает.

Отношение Андрея к мальчишкам могу объяснить любовью к Валерии. Но ко мне он относится не хуже. На все мои просьбы отзывается и помогает. Ещё ни разу отказ я не услышал. Да и в разговоре нормальный. Вечерами можем посидеть за коньячком, по душам поговорить. Один запрет только выставил Андрей сразу, он не обсуждает отношения его с женой и жену тоже ни с кем не обсуждает. Других запретных тем у него нет.

Эпилог

Дмитрий

За два месяца я смог утрясти всё с Олеськой. После клиники она стала другой. Мыслить здраво научилась. Врач предупредил, что ей волноваться нельзя, иначе рецидив может быть. Психика у неё ещё неустойчивая. Забрал Олесю к себе в Питер. Андрей помог с переводом в северную столицу, как и с должностью нормальной. Как я не старался, но без детей не смог жить. Переехал сюда основательно, поменяв квартиру московскую на питерскую. Олесю уже сюда привёз. Она согласилась жить со мной в одной квартире. Но... просто жить, без отношений.

Сегодня приехал на дачу за Ритулей. Девчонка по мне и маме скучает. А здесь...

Захожу в дом и вижу Валерию при параде, за живот держится. Вокруг Клавдия хлопочет. Дети мультики смотрят, на меня внимание не обращают. Увлечены.

– Димка, ты как нельзя кстати. Отвези меня в роддом. Андрей после ночного ещё не освободился, а нам невтерпёж, – Лерка говорит спокойно, но я вижу, как ей тяжело.

– Может скорую? – предлагаю я.

– Долго, – отвечает Валерия, и к двери направляется.

Я подхватываю сумку, протянутую Клавдией, вижу, как женщина крестит удаляющуюся к машине Валерию и оста-

ется в дверях стоять.

Подхожу быстро к машине и дверь переднюю открываю.

– Нет, я на заднее, мне полулёжа только можно. И поаккуратнее на дороге, Дим, – просит Валерия.

Отъезжаем от дома, Лера адрес перинатального центра называет и мужу звонит.

– Андрей, подъезжай сразу к центру. Меня Димка привезёт.

Я не слышу, что говорит Андрей, но почему-то начинаю нервничать. А Валерия спокойна и невозмутима, хотя по голосу чувствую её боль.

– Дорогой, не волнуйся. Всё нормально... Это я просто время не рассчитала, на скорой бы не успели. А так сразу в родовой зал... Я врачу позвонила... Не нервничай так. Нервных мужей и отцов внутрь не пускают... Да взяла я твои документы...

Лера выключает телефон и бросает его в сумку. В зеркало заднего вида вижу гримасу боли на её милом личике и тихий стон.

– Тише, малышка, не торопись, мы ещё не приехали. Нам ещё папу напугать немного надо. Дядю ты уже напугала.

Валерия гладит свой живот и смотрит на меня, подмигивает.

– Димка, ты чего бледный такой. Потерпи немного. Ещё минут десять и передашь меня Андрею.

И немного помолчав, добавляет:

– Дима, побудь у нас, пока Андрей из роддома не приедет. Клавдии сложно с детьми справляться.

Я обещаю вернуться к ним в коттедж. Я готов пообещать ей всё что угодно, лишь бы она так не мучилась.

Не успеваю затормозить у ценра, как к машине Андрей подбегает.

– Лерочка, солнышко, может каталку?

– Отвали, дорогой, я ножками, – улыбается Лера мужу и машет мне рукой. – Спасибо, Димка. Жаль, нужно было в машине родить, – смеётся Валерия и направляется в сторону приёмного покоя.

Чувствую, как по моей спине сбегает струйка пота. Ловлю себя на мысли, что я плохой муж и плохой отец. Я ни разу не отвозил её в роддом, не говоря о том, чтобы быть рядом во время родов. Мне всё это казалось ненужным и неважным, ведь она такая же женщина, как и многие другие. А вот Андрей так не считает... Поэтому она с ним...

Беру телефон и набираю Олесю. Трубку она берёт сразу.

– Олеся, извини, но быстро не получается. Пришлось Валерию в роддом отвезти. Мне необходимо с детьми на даче у них побыть. Дети одни дома, – объясняю я своё отсутствие.

Я себе дал слово, заботиться об Олесе и Рите. Никто из нас не знает, кто отец Ритули. Олеся в то время жила и со мной, и с Антоном, но Антон об этом даже не догадывался, поэтому и считал Риту своей дочкой. А кто на самом деле отец, даже экспертиза ДНК достоверно не скажет, ведь мы

родные братья.

– Хорошо. А когда приедете? У неё же муж есть?..

– Андрей вместе с Валерией в роддоме. Он рядом будет во время родов, – поясняю я.

– Надо же? – удивляется она. – Тогда езжай к детям, – и отключается.

Меня почему-то такое пренебрежение Олеськи обижает и настораживает, и я решаю заехать домой на чашку чая. Кофе у нас в доме под запретом, Олесе пока нельзя, только фруктовый и травяной чай.

Подъезжаю к дому, открываю квартиру своим ключом. Из ванной раздаются всхлипывания Олеськи. Распахиваю дверь и захожу.

– Что случилось? – спрашиваю, как можно нежнее, а самому хочется её к себе прижать, но боюсь её реакции, ведь соглашаясь жить со мной, Олеська дала четко понять, что жить будем как соседи.

Олеська резко разворачивается и бросается ко мне на шею. Крышу сносит на раз-два. Нахожу губами её губы, целую, а она отзывается на поцелуй. И между поцелуями шепчет:

– Я хочу быть с тобой... Хочу быть твоей, как тогда... Не бросай меня...

Шепчу в ответ:

– Не брошу... Никогда не брошу...

Немного успокаиваю Олесю, пью чай, и я уезжаю к детям.

Уезжаю понимая, что мы не будем с Олесью соседями. Всё у нас с нею получится. Я не совершу больше таких ошибок и смогу сделать её счастливой.

Лера

Отъезд в роддом оттягиваю, как могу. Но в один прекрасный момент понимаю, что на скорой довести не успеют. Хорошо хоть Димка приехал. Знаю, что он приехал за Ритой, но прошу вначале меня в роддом отвезти. Димка безропотно соглашается. По дороге пытаюсь с ним разговаривать, но потом понимаю, что лучше этого не делать. Он бледный и напряженный, ещё немного и в обморок упадёт. Интересно, как Андрей себя поведёт в родильном зале? Муж собирается при родах присутствовать. Отговорить мне его не удалось. Я, в принципе, не против, но медперсонал жалко. Если Андрей Викторович в обморок грохнется, то им придётся через него перешагивать, с места не сдвинут. Ловлю себя на мысли, что улыбаюсь через боль. Любые мысли об Андрее мне облегчение приносят.

Димка у роддома затормозить не успевает, как дверцу Андрей распахивает. Его руки мне столько сил и спокойствия придают, что точно можно идти рожать.

Бригада врачей пытается отговорить моего полковника, да куда там!.. Если Андрей Викторович решил, значит так правильно.

– Не спорьте, – прошу я. – Я же смирилась. Пусть рядом

будет.

Столько заботы о жене медики ещё не видели. Андрей не просто был рядом со мной во время родов, он действительно помогал мне и медикам. И только когда плачь нашей девочки услышал, он устало опускается на стул. Глаза мужа блестят от слёз.

– Спасибо, Лерочка. Спасибо за дочь.

Несмотря на дикую усталость и желание провалиться в сон, наблюдаю через полуприкрытые веки, как моему мужу в руки запелёнатую дочу положили. Какими глазами он на неё смотрит. Никогда такого взгляда не видела, в этом взгляде столько любви и нежности. Но мне необходимо, чтобы Андрей домой уехал к мальчишкам. Он ни на секунду не хочет оставлять нас одних. Спасибо медикам, только они смогли убедить его домой поехать и дать возможность отдохнуть мне и дочери.

Андрей

После ночного дежурства немного задерживаюсь на службе. Захожу в отдел кадров, нужно документы на отпуск подписать. С завтрашнего дня я отдыхаю. Специально отпуск в это время взял, Лера со дня на день родить должна. Хочу быть с нею и детьми постоянно рядом, не хочу, чтобы работа отвлекала.

Уже на выход собираюсь, как генерал к себе вызывает и предлагает новую должность в штабе. Год назад точно отка-

зался бы. Не нравится мне кабинетная работа. Сейчас обещаю подумать. С такой работой дома больше времени проводить буду с детьми, с женой, да и риск меньше. Но нужно с Лерой посоветоваться? Интересно ведь на её реакцию посмотреть...

Не успеваю с генералом попрощаться, как телефон ринк-тоном Леркиным разрывается. Отвечаю сразу, точно знаю, Николаевич простит за нарушение субординации. Услышав, что Лера в роддом едет, срываюсь, оставив Николаевича без ответа и объяснения.

К перинатальному центру подъезжаю первым, до приезда Лерочки в приёмном покое успеваю парой фраз с доктором переброситься, который у Леры роды принимать будет.

Как только замечаю машину Димки, к ней бросаюсь, помогаю жене из машины вылезти и нахожусь с ней рядом, ни на секунду свою Лерочку не покидая.

Сегодня я видел в каких муках появляется на свет новая жизнь. Мне пришлось пройти через многое, боль, страдания, любовь, измену, смерть, я терял близких, друзей, сослуживцев, убивал врагов, но ни одно из этих чувств не сравнимо с рождением.

Я благодарен моей Лерке. Она подарила мне всё: любовь, нежность, сыновей и мою родную кроху, мою пуговку, мою девочку, мою....

Смотрю на нашу дочь, на эту крошку, туго спелёнатый комочек и сердце отбивает удар за ударом. Внутри восторг,

гордость, ликование, любовь!!! Всё сразу! Меня переполняют чувства. Хочется кричать на весь мир: «У МЕНЯ РОДИЛАСЬ ДОЧЬ!».

Я не могу сдержать слёз радости. Я по-настоящему СЧАСТЛИВ!!!